

КРЕСТЬЯНИКА

9.85

Осенняя
ярмарка
ремесел —
и много
крестьян-
ского
труда,
самобыт-
ного
твор-
чества.
■
Радулом
земляков
мастерицы...

(См. стр. 28)

Бтояла середина лета. Автобус пересекал душный день. И хотя пассажиры, похоже, были знакомы друг с другом, скоро из-за жары разговоры поутихли, слова текли ленивее, как бы ни о чем, лишь бы скорее проходило время. Но вот автобус причалил к конечной остановке, пыль рассеялась: я вышел и огляделся, ища глазами конечную цель пути, которая, по моему мнению, должна быть заметной издали: хлебоприемное предприятие, которым руководит Ольга Тимофеевна Феофанова. Но сразу ничего не увидел.

В тот же день, когда мы встретились с Феофановой в ее хозяйстве, я поделился своим заблуждением: при словах «хлебоприемное предприятие» мне представлялся высоченный элеватор, в каких не раз приходилось бывать и которые часто показывают в программе «Время». На что присутствующий в кабинете председатель колхоза имени Ленина Николай Андреевич Панюков вставил:

— Как в Рязске. У них там все есть, даже пруд, карасей разводят...

— Да хоть осетров. Разве в этом дело? — возразила Феофанова. — Я, к примеру, так считаю: все решают две вещи — желание людей работать на совесть и техническое оснащение. Новый элеватор, конечно, лучше, слов нет... Но мне всегда хотелось доказать, что и в старых стенах можно кое-чего добиться. Если навести порядок, разумеется...

Вот почему, подумалось, я сразу не мог найти хозяйство Феофановой. Расположено оно, так сказать, по горизонтали: цепочка складов вдоль путей, сушильные агрегаты, бункера, весовые.

— А самое главное, — продолжала между тем Ольга Тимофеевна, — что содержится в элеваторе, а не как он выглядит. А есть в нем хлеб. Он живой. Он, если хотите знать, дышит, поет. Просто пышет здоровьем, когда молодой. А иногда болеет. И тогда ему нужно помочь...

— И до чего же ладно у тебя получается, Тимофеевна, — улыбаясь, заметил Панюков. — Как по писаному.

— Главное, Николай Андреевич, чтоб в деле ладно было!

Они с Панюковым старые друзья. И встретились в этот день по поводу очень серьезному: уточнить подробности приемки зерна нового урожая.

В прошлом году Ольга Тимофеевна, как обычно, привела свое хозяйство в полную готовность, но машин с зерном оказалось мало, емкости заполнили едва наполовину. Панюков при упоминании прошлого лета нахмурился. Ни капли дождя не выпало тогда с середины мая: хлеб горел на глазах у людей. И в Ухоловском районе, и в соседнем, Сапожковском. Теперь предстояло рассчитаться с государством сполна.

Взять урожай — это не только скосить и обмолотить. Это еще и добиться минимальных потерь. По этому поводу собирал людей утром, невзирая на воскресенье, первый секретарь райкома партии Сергей Иванович Алешин. Была там и Ольга Тимофеевна как член райкома. Обсуждали предстоящую уборку. Алешин опять-таки вспомнил прошлый год. Упрекал председателей: сам, мол, видел, как осыпается зерно в передержанных валках, а слишком сухое при обмолоте «брызжет», и что такое без-

Позади жатва, время великого труда. Собран и засыпан очень нелегкий, последний хлеб пятилетки. А в памяти людей все еще живет ощущение бесконечности знойного дня, солоноватый привкус пота на пересохших губах и возвращение сил с глотком студеной воды. И кажется, до сих пор слышен шум моторов, хруст соломы, звон молодого зерна о стенки бункера. Где-то там, в июльских, августовских мгновениях — и багровый диск солнца над скошенным полем, и стрекот цикад в душном сумраке, когда, отведя машину на край поля и выключив фары, устраиваешься вздремнуть до рассвета... Есть урожай!

Вырастить и собрать хлеб, сберечь его, не дать пропасть ни единому зернышку — вот чем жили в минувшую страду комбайнеры, водители, ремонтники, заготовители и сотни, тысячи их товарищей по земледельческому труду. Особое поле вдохновенной, самоотверженной работы создают они вокруг себя, высокий нравственный заряд, который живет и будет жить в хлеборобском деле.

Анатолий ГОЛОВКОВ

ХЛЕБ, СУ

образии нынче никак допускать нельзя. Председатели же сетовали на никудышные дороги.

Дороги в ухоловских предместьях действительно оставляют желать лучшего, но Панюков на совещании помалкивал на этот счет. У него как-никак два километра асфальта, да и «грунтовок» грейдером прошли еще на прошлой неделе. А вот кадры...

И вот теперь, в кабинете Феофановой, он показал мне блокнот, где красным фломастером было написано слово «комбайнеры» и трижды подчеркнуто. Ежегодная нехватка на жатве механизаторов вынуждает нервничать председателя, думать о том, как выйти из положения, еще когда хлеба зелены. В этом году председатель совета Приморского РАПО Запорожской области В. А. Дядюро обещал выручить — там заканчивают молотить раньше.

Вот о чем рассказывал Николай Андреевич, и Ольга Тимофеевна слушала, склонив голову набок. А потом спросила:

— Ну, а теперь, Андреич, выкладывай, зачем пожаловал. Знаю ведь, что тебе перед жатвой недосуг по гостям разъезжать...

Панюков хитровато прищурил глаза.

— Мы, видишь ли, на своем зерноскладе технику ремонтируем, да не ладится у наших умельцев кое-что. Нельзя ли, чтоб твои мастера денек-другой помогли?

— Завтра пришлю. — сказала Ольга Тимофеевна.

И Панюков, распрощавшись, уехал к себе в Покровское.

До уборки уже оставалось совсем мало времени.

День клонился к вечеру. Феофанова показывала свое обширное хозяйство, а потом мы пошли с нею по центральной улице.

Ольга Тимофеевна живет здесь и директорствует ровно двадцать лет.

Ухолово — настоящая рязанская глубинка. Не то городской поселок, не то сельский городок. В справочниках написано: район-центр, 150 километров до Рязани... По улицам бродят куры и гуси с перьями, окрашенными разноцветными чернилами по принадлежности. К заборам, через которые свисают ветки малины, привязаны козы. Козы пощипывают траву и почему-то не любят приезжих. У многих есть машины, но ухоловцы предпочитают велоси-

**СТРЕМИТЕЛЬНО
ЛЕТЕЛИ ДНИ
ПОД ЖАРКИМ
СОЛНЦЕМ.**

ОЛЫБА ММОА

**КОРОТ-
КИМИ
КАВАЛИСЬ
НОЧИ...**

ЕСТЬ УРОЖАЙ !

Ольга Тимофеевна Феофанова.

педы, в том числе и Ольга Тимофеевна.

На велосипедах ухоловцы едут на работу. По выходным, привязав к раме тямку, — на картошку.

Мужчины ловят плотву по берегам реки с красивым названием — Аксень. Над речкой синеют небеса, воздух свеж и прозрачен, пахнет тиной и скошенной травой. Скромная Аксень, впадая в Пру, питает вольную Оку.

Так и для большого хлеба страны поток ухоловского зерна — всего лишь небольшой ручеек. Но разве реки могут жить без истоков? Ухоловские слабоватые черноземы дают от 35 до 40 тысяч тонн хлеба в год. А вся Рязанщина? Почти миллион. Мы вместе с Феофановой подсчитали: пока она руководит хлебоприемным предприятием, было обработано, высушено и вывезено столько вагонов хлеба, что если их составить вместе, получится поезд длиной в триста километров.

Маленький монолог Феофановой про то, что хлеб живой, к которому иронически отнесся Панюков и который так мне понравился неподдельной искренностью, дал почувствовать: так может говорить человек, много переживший на своем веку. И, зайдя к Феофановой в гости, слушая ее рассказ о себе, я следил за ее жестами, выражением лица и вдруг поймал себя на том, что уже видел где-то раньше и эту улыбку, и глаза... Когда и где? Но тут Ольга Тимофеевна положила передо мною потертый на сгибах журнал со статьей о себе. Да это же в нашей «Крестьянке» двадцать пять лет назад была напечатана ее фотография...

В те годы писали о ней много. Писали о том, что после сельхозинститута выпускница Ольга Павлакова — это девичья фамилия Феофановой — не осталась в Рязани, в

аспирантуре, как ей предлагали, а вернулась в родную деревню Дегтяные Борки агрономом. Ей было двадцать четыре года, когда ее выбрали председателем колхоза «Родина». И за неполные семь лет хозяйство стало передовым в районе. Ольгу удостоили ордена Ленина. А местный поэт А. Купырев написал о ней поэму.

Ее помнят и любят в «Родине» до сих пор. Люди устроены так, что чаще всего связывают имена председателей с их делами. С именем Ольги Тимофеевны связывают в Дегтяных Борках появление электричества и водопровода, строительство новых домов...

Мы сидели в просторной гостиной Феофановского дома: из мебели тут преобладали книжные полки от пола до потолка; на стене между фотографиями дочек висела ее гитара, молчаливо напоминая о молодости; и Ольга Тимофеевна рассказывала о молодости, о колхозе, о том, как доставался хлеб. Она рассказывала, и я увидел поля, залитые непрерывными дождями, когда месяц валки пролежали на стерне и уже зазеленел осот; когда все, и стар и млад, вышли спасать урожай. Они поднимали валки вилами вручную, чтобы потом их мог подобрать комбайн, ведрами таскали мокрое зерно на чердаки телятников, коровников, конюшни, расстилали его тонким слоем для просушки...

В разгар председательской работы, на самом взлете, во времена удач и широкой известности Ольга Тимофеевна тяжело заболела. Врачи предрекали ей на всю жизнь остаться в неподвижности. Но Феофанова сумела преодолеть болезнь. И как только немного полегчало, пришла в Ухоловский райком партии: «Могу работать». Врачи не знали, но знали друзья, что спасла ее любовь мужа, Василия Николаевича, учите-

ля, который несколько лет изо дня в день успевал работать и вести хозяйство, обстирывать и кормил двух дочек, Ларису и Ирину, ухаживал за больной женой, внушая ей твердую веру в выздоровление, волю и оптимизм.

Он был рядом с нею и потом, когда в райкоме предложили Феофановой стать директором хлебоприемного предприятия. И Ольга Тимофеевна вернулась к жизни. А Василий Николаевич из нее ушел... Это случилось десять лет назад.

Ей знаком предел сил физических, но, похоже, неведом предел душевных. Удивлялись люди, хорошо знавшие Феофанову, насколько неистово она работала. Будто бы и не было долгого пути, болей и мук, перенесенной недавно трагедии, будто открылось в ней второе дыхание. Как некогда колхоз «Родина», поднимала она свое хозяйство.

Сколько раз приходилось изучать, выявлять силы, которые слабый колхоз превращают в хорошо развитый, рентабельный, убыточное хозяйство — в высокопроизводительное. И убеждаться в том, что не столько поддержка со стороны, сколько собственная, как бы высвобожденная человеческая энергия оказывается решающей. Содружество людей, увлеченных общей идеей, объединенных общими интересами. Вот что в конечном счете помогло Феофановой на месте захудалого, второразрядного «заготзерна» с емкостью около пяти тысяч тонн, с крошечной территорией, где чуть ли не единственной «техникой» издавна считались лопата и ведро, создать высококомеханизированный комплекс по заготовке и хранению зерна, который признан одним из лучших предприятий такого рода в Министерстве заготовок страны.

По натуре Феофанова неутомимый строитель. Ей нравится участвовать, видеть и радоваться тому, как возводятся стены и в работе возвышаются души людей. Вот какой она строитель. Во многих из своих товарищей она помогла открыть мастеров, о которых ходят по Ухолову легенды. И это — не понятое мною до конца, не разгаданное качество Ольги Тимофеевны: каким образом она, сильный, возможно, человек, но слабая женщина, сумела создать поле тяготения к такому прозаическому делу, как работа на хлебоприемном предприятии?

Возможно, ответ отчасти в том, что к зерну, которое попадает на площадку, она относится с какой-то ритуальной торжественностью, по-особому пристрастно и даже ревниво.

— А знаете, как наша ухоловская рожь пахнет? — говорила Ольга Тимофеевна, когда мы осматривали хранилище. — Просушишь ее — и аромат, будто в пекарне... Я сразу детство вспоминаю. Голодно было. Мы с мамой ходили вдоль дороги, зерно подбирали да в сумку. Мама хлеб пекла. Что это был за хлеб! И уж крошки со стола в ладонь сметали все, до единой крупиночки...

Наверху вспорхнула и заметалась невестка как попавшая сюда ласточка.

— Хлеб наш, батя, милый хлебушко, — приговаривала Ольга Тимофеевна, пересыпая с ладони на ладонь семенное зерно. — Скоро уж новый урожай повезут. Только б дожди не пошли, не полегли бы стебли там, на полях, выстояли. Солнышка тебе еще немного надо... Только б довезли тебя ко мне, а мы тут тебя сохраним...

Любовь к делу всегда заразительна, и, наверное, — вдвойне, если делом этим является сбережение хлеба.

Что за людей она открыла! Сушильщик Виктор Васильевич Милицын, мастер на все руки, имеет несколько специальностей... Николай Петрович Ромашов, токарь, умудряется... фрезеровать на токарном станке. Сделать сложную шестеренку для него не проблема... Электромонтер Юрий Петрович Аверьянов отправился в Армавир, чтобы научиться налаживать 60-тонные электронные весы, и овладел этим умением. Между тем наладка весов ежегодно обходилась предприятию в восемь тысяч рублей.

А иначе с чьей бы помощью удалось Феофановой, частично раздвигая старые стены, добавить к ним новые, расширить свое хозяйство в четыре раза? Кто бы возводил завод по производству комбикормов — 24 тысячи тонн в год, — новые склады, жилье... Феофановские заготовители строили для себя да еще помогали колхозу имени Ленина соорудить механизированный зерносклад, жерновую мельницу, цех ОКЦ-15. И тут уже дело не в личной дружбе Ольги Тимофеевны с Панюковым, не просто во взаимных одолжениях, которые часто оказывают друг другу ухоловские хозяйственники, а в отношении к хлебу как категории нравственной, к хлебу, который нужно вырастить, довести, сохранить.

Уборка на Рязанщине часто совпадает с непогодой, изморосью, дождями. Мокрое зерно привозят на площадку, высушить его надо эффективно и быстро. И Ольга Тимофеевна решает своими силами, хозяйственным способом, как и остальное, реконструировать сушилку, перевести ее на двухконтурный, рециркуляционный метод сушки...

Другая проблема посложнее — вагоны. Когда идет жатва, Феофанова поднимается в пять утра, в шесть ей уже звонит Алешин из райкома: как с вагонами на сегодня? Вагонов нет.

Уже забиты зерном склады, укрыто зерно пленкой на асфальте, пора отправлять. Если идут дожди, как ни укутывай хлеб, вода просочится, может начаться самовозгорание.

Мужики сидят под навесом склада возле самых рельсов железнодорожной ветки Ухолово — Кензино, зло курят, прислушиваются, не прогудит ли вдали гудок тепловоза. Но тепловоз не гудит и вагоны не появляются. А другого железнодорожного пути в Ухолове нет. Принадлежит ветка Пензенскому отделению Куйбышевской железной дороги, и от него зависит, куда прежде всего подавать вагоны — заготовителям Пензенской области или «чужой», Рязанской.

Ольга Тимофеевна шлет телеграмму: «Пенза, Начальнику отделения железной дороги товарищу Мышенкову». И поскольку несколько предыдущих телеграмм остались без ответа, делает приписку: «Копия: в Комитет народного контроля СССР». Молчит Пенза. В Ухолове ждут. Только через два-три дня без всякого уведомления оглашает, наконец, ухоловские окрестности долгожданный гудок: тепловоз ведет состав под бункера. И тут Ольге Тимофеевне некогда гадать, то ли понял товарищ Мышенков, что чужого хлеба не бывает, то ли подоспела в Пензу депеша из Москвы.

Вагоны подали, радость всеобщая. Но перед погрузкой по привычке плотник В. Г. Ивакин и сварщик А. И. Комаров, прихватив инструменты, идут осматривать «четырёхосники». Там доска отвалилась, здесь стальной уголок лопнул, того и гляди двери слетят — латают, заделывают бесконечные дыры. А ведь это забота (и обязанность!) железнодорожников.

Хлеб связывает взаимными обязательствами десятки организаций, сотни, тысячи

людей. Хлеб сам по себе незащищен, он целиком зависит от того, насколько велика самоотдача тех, кто имеет дело с урожаем. Знакомый директор целинного зерносовхоза как-то сказал: «Думаете, урожай только от нас, земледельцев, зависит? Хлеб мы растим, верно. Ну, а дальше он начинает свое путешествие. По складам, станциям, городам. И сохраняет его уже не погода, не случай, а сознательность человеческая».

Я не был в Пензе и поэтому допускаю, что у отделения железной дороги есть свои проблемы и трудности. Но вот факт: за последние пять лет Ухоловское хлебоприемное предприятие не уплатило ни единого рубля неустойки за задержку вагонов. Наоборот, железнодорожникам пришлось за тот же период перечислить немалые суммы штрафов за несвоевременную поставку транспорта.

В сезон жатвы быстрая работа требуется не только от хлеборобов, но и от заготовителей. Уйдет время — упустишь качество, и весь труд насмарку. Поэтому в хозяйстве Феофановой все устроено так — и над этим работали не один год, — чтоб затрачивать минимум времени на обработку зерна.

Как только ухоловские и саложковские машины устремляются к воротам, их встречают девушки-лаборантки, «три Татьяны», как называют их здесь — Папина, Якушкина и Костюшина. Под руководством опытной Нины Яковлевны Терешкиной они автоматическими пробоотборниками берут зерно на анализ. Несколько минут — и результаты готовы. В распоряжении водителей пять весов на двух территориях, сутолоки и суеты никакой. После взвешивания юркие погрузчики «АВС-50» опорожняют автопоезда, которые выезжают через другие ворота в обратный рейс, на поля. А зерно поступает в сушилки, здесь же, на площадке. Двухконтурный метод сушки позволяет быстро и эффективно довести его до нужного процента влажности. 120-тонные бункера — быстро погрузить в вагоны.

Вот почему в феофановском хозяйстве за последние десять лет ни разу потери зерна не превысили допустимые. Это означает, что практически нет их, потерь.

Мало кому дано заглянуть в глубины души человеческой. Только приглядываясь к поступкам людей, мы ощущаем их нравственность. Она помогает нам идти по жизни достойно, так, чтобы не оставалось места для самоуспокоения, когда требуется сделать тот или иной выбор. Так живет Ольга Тимофеевна Феофанова и в долгом своем общении с хлебом помогает найти себя другим.

...Спадет напряжение уборочной, стихнут сушильные агрегаты, рокот погрузчиков, опустеет площадка. Через недельку-другую Ольга Тимофеевна выйдет провожать последний поезд. Она будет долго стоять на путях и смотреть ему вслед, пока не исчезнут красные огоньки хвостового вагона: это ее двадцатый хлеб. А еще месяца через два она поедет по путевке в Сочи, вдогонку за уходящим летом. И как всегда, уже через несколько дней Феофанова начнет тяготиться отдыхом и считать дни до возвращения в Ухолово, маленькую станцию в тупике железнодорожной ветки, с которой связана ее судьба.

И на самом деле, не тогда ли мы бываем по-настоящему счастливы, когда осмыслим свою роль на земле, пусть даже самую скромную?

пос. Ухолово,
Рязанская область.

Фото Б. ЗАДВИЛЯ
и автора.

ИЗ ПОЧТЫ КЛУБА ЖЕНЩИН- МЕХАНИЗАТОРОВ

У МЕНЯ СВОЙ КАЛЕНДАРЬ

Как стремительно летят годы! Вроде совсем недавно начинала работать на тракторе, а уже пора оформлять пенсию.

Пенсию-то я, раз положено, оформлю. Но с трактора, пока не завершу двенадцатую пятилетку, не уйду. Тем более что уже тружусь в счет 1987 года.

И. ФЕДОРИНА,
механизатор совхоза
«Мелиоратор»

Труновский район,
Ставропольский край.

ГДЕ ЖЕ КАБИНА?

Я работаю трактористкой всего третий сезон. На маленьком «Т-25» все лето обеспечиваю водой тракторы и комбайны, работающие в поле. Ну и, конечно, самих механизаторов тоже.

И вот не пойму: на юг «Т-25» идут с кабинами, а там их снимают: жарко, душно. У нас же случаются и весной, и осенью деньки — до костей промерзнешь: или дождина, или ветер. А тракторы эти поступают к нам без кабин. Почему?

Л. ЕВТЕРЕВА,
трактористка совхоза
«Червлёный»

Светлоярский район,
Волгоградская область.

ПО-ДЕЛОВОМУ

Карагайский завод, где я работаю, вывозит с приемных пунктов, из сел Нердва и Рождественское, молоко. Техники для этого маловато: две машины и один трактор «Т-40А», который нынче пришел с «капиталки». А дороги в эти села неважные.

Сезон «пик» у нас начинается весной и тянется до поздней осени. Зимой поспокойнее: холодно, дороги крепкие, и молоко меньше портится. А так, чтобы справиться с планом, приходится и машины, и тракторы нанимать в других организациях. Разве мы не понимаем, что чем быстрее вывозится продукция, тем качественнее она и в магазины поступит?

Я сама еще недавно работала в заводском цехе, но решила: буду помогать доставлять нашу продукцию. Сдала на права. И все просила директора: «Дали бы мне трактор. Уж он бы у меня не стоял».

Наконец в прошлом году, в сентябре, дали мне трактор. Старый, разбитый — работай. Зоя. И я была счастлива, хоть больше ремонтировала трактор, чем ездила на нем.

Но вот у меня его отобрали. Обращаюсь в клуб женщин-механизаторов за помощью.

Карагайский район,
Пермская область.

З. ГРУЗДЕВА

В Карагайском районном управлении сельского хозяйства Пермской области, куда мы обратились за содействием, отнесли к возникшей ситуации с пониманием, по-деловому. Трудность состояла в том, что Карагайский молокозавод — дочернее предприятие головного завода в г. Верещагино. То есть в другом районе. Но ведомственные барьеры не помешали начальнику управления Г. В. Старцеву из своих фондов выделить заводу трактор. Для З. З. Груздевой.

В лекции, прочитанной в самом начале нынешнего века, Климент Аркадьевич Тимирязев вспомнил истину, которую изрек не по росту мудрый король лилипутов в беседе с Гулливером: «Тот, кто сумел бы вырастить два колоса там, где прежде рос один, две былинки травы, где росла одна, заслужил бы благодарность всего человечества...» Вспомнил и подчеркнул: «Задача о двух колосьях, быть может, самый жгучий, самый коренной политический вопрос, который в ближайшем будущем предстоит разрешить и в нашей стране...»

«Маленькое, а зернышко», — гласит марийская поговорка, и смысл ее в том, что крохотное зернышко таит в себе начало жизни и ее приумножение. При всей кажущейся невесомости одно добавочное зерно в колосе способно обернуться увеличением урожая по меньшей мере на центнер с гектара.

В извечном стремлении получить наибольшую меру зерна со своего земельного надела крестьянин от урожая к урожаю из общего посева выделял лучшие колосья, а в колосе выбирал самые «ядренные» зерна. Сеял их и из урожая вновь отбирал лучшее. Так в хлебобобовый лексикон вошло слово «селекция». (Selectio — латыни «выбор», то есть отбор лучшего.) Селекцию с полным правом ныне можно определить как отрасль науки, где конструируют и создают новые сорта сельскохозяйственных культур. Более того, сегодня это наука и искусство.

Нелегко создать новый сорт. Непросто угадать в первых, робких ростках основу будущего богатого урожая. «Чтобы вывести новый сорт, надо работать на одном месте и жить долго», — говорил генеральный конструктор лучших сортов озимой пшеницы академик Павел Пантелеймонович Лукьяненко. В его дневниках мы находим такую запись: «Я двадцать четыре часа в сутки занят пшеницей. У меня нет других мыслей, кроме мысли о селекции. Даже во сне я вижу деланки».

Что ждет впереди? Удастся или не удастся поиск? — постоянно бередит душу сомнения. Если чему-нибудь будущий сорт и обязан своим появлением, так это в первую очередь складу характера своих авторов.

- Статистика подтверждает, что селекция обеспечивает сегодня от трети до половины прибавки урожая. Экономический эффект селекции весьма высок. Он обычно исчисляется десятками рублей на каждый рубль, вложенный в селекционный процесс и сопутствующие исследования. Подсчитано, например, что каждый рубль, затраченный на создание сорта озимой пшеницы «мироновская-808», уже окупился более двадцати пяти тысяч раз! И это только один факт реальной отдачи науки, именуемой селекцией!

Однако селекция — это как марафонский бег на всю жизнь. Да что там: одной жизни мало — бесконечная эстафета.

Селекционер должен хорошо знать постоянно меняющиеся требования к сорту, предвидеть изменения в сельском хозяйстве на много лет вперед.

Во второй половине шестидесятых годов в земледелии нашей страны наметились глубокие качественные изменения. Проходит его техническое перевооружение на базе широкого использования энергонасыщенных тракторов и гидравлических навесных орудий, что значительно улучшает качество обработки почвы. Расширяется количество применяемых удобрений, химических средств защиты растений от сорняков, болезней и вредителей. Технический прогресс не замедлил сказаться: у созданных растений возросла доля зерна от общей массы. А применение больших доз азотных удобрений и орошения принесло неприятность — хлеба начали полегать. Жизнь выдвинула перед селекционерами задачу пересмотреть архитектуру зерновых колосовых растений.

- П. П. Лукьяненко, размышляя над моделью желательного сорта озимой пшеницы, подсчитал, что он должен заключить в себе примерно три десятка полезных свойств! Достижение такой цели очень сложно. Поэтому закономерным было стремление иметь в новом сорте хотя бы самые существенные: устойчивость к полеганию, ржавчине, продуктивность колоса и качество зерна, способность лучше других использовать солнечную энергию, воду, а также возросшие дозы удобрений и другие факторы интенсивного земледелия.

Как в горах есть вершины, видимые издали, так и среди растений выделяются на общем фоне лучшие сорта отечественных пшениц, созданные П. П. Лукьяненко, В. Н. Ремесло, И. Г. Калинин, В. Н. Мамонтовой и многими другими.

Общепризнанным шедевром отечественной и мировой селекции озимой пшеницы стала «безостая-1», в создании которой участвовали сорта разных стран и континентов. Сорт этот вышел на поля в 1959 году, в начале 60-х его высевали на шести миллионах гектаров, а в начале 70-х годов он занимал двенадцать миллионов гектаров — от Средней Азии до западной границы страны. Более того, ему отдали предпочтение земледельцы многих зарубежных стран. Хлеб всегда был самым добрым посредником между народами, желающими друг другу мира, благополучия и процветания. «Безостая-1» стала достойным полпредом советской селекции.

Почти 20 лет напряженного труда отдал П. П. Лукьяненко этому сорту, вложив в наследственную формулу своего детища иной, чем у предшественников, потенциал урожайности. «Безостая-1» только прибавкой урожая зерна нередко превышала гектарный намолот предшествующих сортов. Новый сорт впитал в себя достоинства 23 родителей — из США и Японии, Аргентины и СССР, Италии и Голландии, Венгрии и Англии. Почему же среди почти сорока тысяч образцов селекционер заметил именно эти? Оказалось, что еще до начала работы он знал сильные и слабые стороны, «склонности» и «привычки» претендентов. А потому заранее спланировал, что может дать каждый и на каком этапе использовать того или иного избранника для скрещивания.

- «Безостая-1», в листьях которой текла «зеленая кровь» пшениц со всех континентов земли, впервые в отечественном земледелии имела ярко выраженный интенсивный тип. Другими словами, она повсеместно отвечала высокой прибавкой урожая на возрастающее применение удобрений и орошение. Помимо высокой урожайности и устойчивости против ржавчины, новый сорт отличается отменными мукомольно-хлебопекарными качествами, хорошей упругостью и эластичностью клейковины. Все это закрепило за ним славу одного из самых лучших мировых сортов.

К слову говоря, ржавчина во всем мире «пожирала» столько хлеба, что его хватало бы прокормить население такой страны, как Франция. Кроме того, миллионы тонн зерна оказываются непригодными для хлебопечения. Вот и посудите теперь о цене вклада селекционеров в национальную копилку, если им удастся вывести ржавчиноустойчивые сорта.

Современное интенсивное земледелие диктует необходимость создания сортов зерновых культур с коротким и прочным стеблем, но более продуктивным колосом. Ведь у высокоурожайных сортов становится более весомым колос. А значит, возрастает нагрузка на стебель. Благодаря коротким стеблям удалось форсировать развитие колоса, то есть той части растений, которая больше всего интересует производство.

Возможности же у пшеничного растения поистине неисчерпаемы. Так, в Киргизском научно-исследовательском институте земледелия появились полукарликовые (высота 70—90 сантиметров) и карликовые (45—75 сантиметров) пшеницы. И дело не только в их стебле. Они значительно отличаются от всех ранее созданных пшениц и величиной колоса (13—22 сантиметра), и его насыщенностью (от 100 до 150 зерен в каждом).

- Новые формы хлебных злаков установили ряд замечательных рекордов. Подумайте только: их колос составляет до 33 процентов высоты растения — в три раза больше, чем у «безостой-1»! Стебель несет шести-семиграммовый груз зерна, опять-таки оставляя далеко позади прославленную родоначальницу. И, наконец, общая биомасса, полученная при уборке, используется не на 40, как прежде, а на 60—75 процентов. Три четверти урожая можно закладывать в закрома!

Повышая урожайность наших полей, наращивая валовые сборы зерна, мы постоянно помним, что реальная ценность его определяется не только массой. Зерно — продукт промежуточный, и от его качества, прежде всего от содержания белков, зависят все достоинства продукта конечного — хлеба. Именно качество уро-

ОЛОСА

жая как бы венчает и труд земледельца, и труд хлебопека.

Сила пшеничного зерна... Наши предки судили о ней на глазок — взяв на ладонь горсть семян. Современная наука точно определяет содержание в зерне белка, аминокислот, витаминов сахаров, микроэлементов и прочего. Что же это за понятие — «сила зерна»? Его применяют для оценки хлебопекарных качеств пшениц. Сильным считается зерно пшеницы с большим содержанием белка, а также с упругой и растяжимой клейковиной. Мука из него при замесе поглощает много воды, становится хорошим тестом. Такое зерно дает хлеб большого объемного выхода. Из ста килограммов муки, на которое пошло зерно с низкими технологическими свойствами, выпекают 91 килограмм хлеба, а столько же муки, но из сильного зерна, превращается в 115 килограммов питательного и очень вкусного хлеба. Конечно, в научной терминологии нет слова «вкусно». Но нам-то с вами известно, что такое хлеб вкусный, ароматный, с хрустящей корочкой... Свыше 800 видов хлебобулочных изделий выпекается в нашей многонациональной стране. Хлеба на любой вкус.

Саратовская земля стала родиной многих сортов высокобелковой яровой пшеницы. И это не случайно. Еще древние римляне подметили, что пшеница, подобно винограду, умеет хранить память о своей родине, что зерно, как и виноград, разнится в зависимости от района и почвы, на которой оно выросло, что зерно из влажных долин хуже, чем с высоких равнин.

Зерно пшениц саратовской селекции равнодушно к солнцу, к степной почве, сухому воздуху — оно с жадностью впитывает в себя отовсюду максимум силы. И кажется, что зерно налито не прозаическими белками и углеводами, а настоящими небесными лучами... Кент-Джонс — международный эксперт по зерну — прежде, чем поставить свое имя на официальном бланке под строгими цифрами анализов, с несвойственной ему восторженностью делает приписку следующего содержания: «Это — первоклассная пшеница. Она дала выдающееся по силе тесто. Она превосходит по качеству пшеницы Манитобы. Полагаю, что эти образцы являются особыми новыми сортами; если это так, то они очень ценны». Пшеница, о которой идет речь, — «саратовская-29», а ее создатели — селекционеры Научно-исследовательского института сельского хозяйства Юго-Востока (г. Саратов) Алексей Павлович Шехурдин и Валентина Николаевна Мамонтова.

В нашей стране осуществляются меры по наращиванию производства зерна. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по увеличению производства зерна озимых культур, яровой пшеницы, кукурузы, проса и риса в 1986 году за счет внедрения интенсивных технологий их возделывания» говорится об интенсификации как о главном направлении повышения устойчивости и увеличения производства высококачественного зерна. Признано целесообразным сосредоточить посевы по интенсивным технологиям в районах и хозяйствах, которые обеспечат наивысшую прибавку урожая от их применения.

Сегодня в различных природных зонах страны работает пятьдесят два селекционных центра по зерновым, кормовым и другим сельскохозяйственным культурам, в которых собраны десятки тысяч образцов и форм пшеницы, ржи, ячменя, кукурузы, многих других культур и их сородичей из богатейшего мирового генетического фонда. Сейчас задача селекционеров — не просто вывести высокоурожайные сорта для каждой зоны страны, но также сорта, которые дают и полноценные по химическому составу продукты. Главнейшая проблема сейчас — повышение содержания белка.

Кто-то из ученых образно сказал, что поля станут как бы цехом диетической кухни, где готовят полуфабрикаты, из которых даже самый неумелый повар (агроном) сможет сделать питательные и полноценные (сбалансированные по составу аминокислот) блюда.

Поиск продолжается: В селекционных центрах сегодня всходят ростки зерновых культур, которым предстоит стать хлебом XXI века.

Юрий КОВЫРЯЛОВ,
заслуженный агроном РСФСР.

Фото Б. БОРИСОВА.

Высокоурожайным сортам зерновых нужна и высокопроизводительная техника. Герой Социалистического Труда Нина Васильевна Переверзева (на фото справа) знакомит механизатора Лидию Вдовенко с особенностями нового комбайна «Дон-1500».

Миновать ее дом, бывая в Красно-польском районе, нельзя никак. Хотя на полчаса! Сени легкие, с высоким гулким полом, скрипучие. Прасковья ходит по ним подбегом, жарит яичницу на газовой плите, через плечо не то говорит не то поет.

— А это тебе, Маша, мой стишок:
Сколько вишни ни садила,
Вымерзли морозами...

Круто поворачивается ко мне, как бы ожидая от меня себе отповеки. Ах, не пускает меня городская выучка! Стою, молчу, упуская момент. А Прасковья хохочет и ведет нашу встречу, разом превращенную в хоровод, дальше, вплетая в речь белорусские слова. Сразу как бы снимается с плечей дорожное, снимается неловкость отчуждения первых минут, скорей хочется узнать, что в ее доме нового.

Любит Прасковья наклеивать в хате картинки. Облупит теплую, с печки, бульбину, намажет у картинки уголки и — к стенке. Вот, вижу, «Дама в лиловом» Фешина. — как раз под зеркалом, и еще «Неизвестная» Крамского — чуть левее. Прасковья неслышно становится рядом со мной, смотрит на картинки, на чужую жизнь с воздушными нарядами, со шляпками и муфточками, не смущаясь и не завидуя.

— Я и сама, — говорит, — красиво одеться люблю. Приду к портнихе: «Татьяна Андреевна, мне чтоб в это воскресенье одеть...» А вот на карточке мы с Иваном, — показывает на фотграфию в рамке. — Не мужик — лесина: высоко-о-кий, крепкий.

На старом снимке стоит возле груши Иван. Глазницы глубокие, словно следы вывороченных ветром сучьев, незрячие глаза глядят перед собой, лицо хмурое. Рядом Прасковья, маленькая, худенькая, будто в тени. Но пробивается лучом, светится на ее губах улыбка, спокойная, без игры, расслабленная летним полднем.

«Мы с Иваном», «Мы с Иваном»... — еще долго будет стучать в висках, когда покинешь ее дом.

А то, забежав к ней на минуту, вдруг не застанешь дома. Ищешь в огороде, в саду, по соседям. Прасковья появляется неизвестно откуда, всплескивает руками:

— Прилетела пава, средь двора пала...

Поскрипывают сенцы, постукивают двери, голос Прасковьи то тут, то там. За минутную встречу успевает и спеть, и сплестать. И про Ивана своего вспомнить: «Мы с Иваном», «Мы с Иваном»...

Только в прошлый раз Прасковья встретила со мной иначе...

— Прасковья Тимофеевна, здравствуйте.

— Здравствуйте, — отвечает.

Стоит возле открытого сундука, долго смотрит на меня, приглядывается. А у самой глаза подернуты белесостью — непроглядные глаза, отстраненные.

— Ой, не признала... Такая ты мне далекая показалась, по годам далекая. А я ж состарилась, Маша, за эту зиму, крепко состарилась.

Низкое белое солнце недвижимо стоит в крайнем окне. Оно словно вплетено в этот двойной рисунок приспущенной белой гардины и ветвей старого сада. Открыта крышка еще девического, должно быть, сундука-кофра, в котором Прасковья обычно хранит все свои украшения, все наряды. Мелькает мысль: неужели, как у нас говорят, засобиралась моя Прасковья... Она же тем временем наклоняется над кофром, глубоко опускает туда руки и вытаскивает... узел. «Это мое смяротное», — говорит спокойно. И, заметив мое смятение, оторопь, вдруг громко, на всю хату, аж слезы сыплются, хохочет:

— Ты ж моих уборов не знаешь, не видела. Хочу показать! Не пужайся, девка!

Деловито развязывает узел, а сверху — тонкая книжечка брачного свидетельства... Нет, не по-старушечьи беспомощно и жалостливо уйдет от нас эта женщина. Собирается она к Ивану, своему человеку, неторопливо, любовно, годами обдумывая, что одеть, обуть, чем голову покрыть. Вдруг понимаю, что присутствую при редком обряде смотрин последнего бабьего наряда, торжественном и трогательно-забавном. Сперва с трудом попадаю ей в тон, все время изумляясь со стороны, любя ее, радуясь жизни, которая бьет в ней буйно, цветасто. Что это за порода?!

Не зря, вспоминая, разволновалась я, как-то даже по-женски забеспокоилась, узнав несколько лет назад, что живет в Стайках некая Прасковья, теперь вдовствует, а когда-то она пришла женой в хату инвалида войны Ивана Горбачева, без рук, слепого. Как перешагнула она такой высокий, такой неудобный порог?!

— Шла за него, ибо сама горя познала, — рассматривает Прасковья брачное свидетельство.

...Сожгли фашисты ее хату, свинья по насыпи ходила — убили, забрали корову. Корову Прасковья жалела особенно. До войны еще наградили ее за хорошую работу в колхозе телушкой. Вот-вот должна была коровка отелиться. Староста на собрании объявил: отдать советские подарки — Василенко, Мыслявцева, Чучунина... Первой назвал ее фамилию. Пришлось корову отвести... А когда вернулись наши, рыла вместе с деревенскими противотанковые рвы. Подвозила снаряды аж под линию фронта, под Могилев. Там и телеги оста-

лись, истощенных коней вели обратно на поводьях.

Когда война прошла, думала Прасковья, что справится: и хату поставит, и корову наживет. Но бедность не отступала, хоть сама и работающая — трудно в одиночку наладить деревенский двор...

Все знали, что всю войну ходила Прасковья в невестах. Убило ее Ивана Петроченко с соседней деревни Горы восьмого мая под Берлином, перед самой Победой. Осталась на память карточка: стоит Иван, ремень через плечо, с лица чистый, представительный. Осталось в памяти коротенькое свидание под дубом: он опоздал, а она обиделась, орехов нарвала в подол и — домой. Догнал, посадил на велосипед, сарафан запутался в колесо — упали с велосипеда. — помирились...

«Молодые поднялись, сходят годы у Прасковьи — перестарок» — жалели бабы. Невесты сорок первого года... Ждали своих женихов, старились, не заручившись ни кольцом, ни венцом. Плакивали их, не вернувшихся с войны, втихаря. Не верили похоронкам, ждали по-вдовьи. А когда приходил в хату сват...

— Идти ли мне замуж? — спрашивала молодая у матери.

— Иди.

— А если мой вернется?

— С того свету не возвращаются...

Со временем перешла Прасковья работать на ферму птичницей. Хату себе так и не построила, жила на ферме в боковушке, на берегу реки. Осенью и весной разливалась речка Палуж, затапливала дог. Снимали мост. Кто посмелее, сам на лодке переезжал, чаще перевозила Прасковья. Не боялась реки.

Сядет на берегу, вышивает. Однажды

”Мы с Иваном...”

Мария ВОЙТЕШОНОК

видит, идет Иван Горбачев из Стаек, а за ним Евфим Рябенков. Пальто у Ивана легонько на плечики накинуто, чтоб рук покалеченных не было видать.

— Замуж за него пойдешь? — спрашивает Евфим.

— Пойду, — ответила ему. — Идите себе домой, договорились...

— А хоть видит Иван, куда идти, думаю? Смотрю, идет. Он по знакомым стежкам знал, как идти... Смехом как бы согласие дала, — рассказывала мне Прасковья.

В обед подошла она к заведующей фермой. «Я замуж иду».

Та хлоп в ладоши. «Куда? За кого? За Ивана?! Ты сдурела? От него и законная ушла, не вынесла».

— А я решаюся, — ответила тихо Прасковья.

...И вот теперь медленно вынимает она свои наряды из сундука-кофра... Не разворачивая платок, сложенный вчетверо,

отвернула угол. По кремовому полю четко обозначились мелкие васильковые цветы.

— А во ю-ю-бка. Да нейкие пятна по низу пошли. Пересушить надо. Под белу кофту — як барыня! Наверх джемпер руденький. А найду синий, то буду в синем.

— Почему именно синий?

— Бо в синем человек выделяется... А юбка дли-и-и-нная, буду путаться... Может, сарафан надеть? Я в этом сарафане с Иваном и в беседу и на веселье. Иван при костюме. Як пойдём «барыню» или «зеленую рощу»! Нам круг уважают, расступаются... На Октябрьские Ковалевы сына в армию выправляли, то меня молодой брал танцевать, бо, говорит, с вами, тетка, легко... Не знаешь «зеленую рощу»?

В одну минуту она уже на середине хаты. В валенках, в теплых платках, при слабом свечении вечера, в такой устоявшейся тишине, что пощипывает в глазах, протянула руку воображаемому партнеру. Постояла

так, будто пристраиваясь к его шагу. А потом пошла в танце, деликатно подбираясь всем телом, словно чувствовала тесноту хоровода.

В маленькой, одетой со всех сторон фигурке ее чувствовались ладность и женственность, определяющие породу красавицы не лицом, а всем складом.

...Трудно уступал Иван Горбачев этой веселой цветастой женщине ту свою жизнь, которая началась для него после ранения: постоянное ощущение вязкой пустоты в руках, слепота, отгораживающая его от мира. Прасковья готова была обидеться и вдруг понимала: раны его еще не заговорены, слезами бабьими счастливыми — что живой, что вернулся — не омыты. Останавливалась посреди чистого помоста, схватившись за сердце, улыбалась расслабленно, словно под ним почувствовала дитя. Сколько раз за восемнадцать лет совместной жизни, никогда не будучи матерью, она вот так остановится, чтобы не сказать Ивану лишнего, стерпеть...

Иногда возвращался он в хату с улицы, в лице ни кровинки — не понравился соседский разговор. Есть не садится. Прасковья зайдет кругом хаты, глянет в окно — нет, видит, не прошло зло, еще походит по подворью. «Паша, дай мне закурить», — услышит его голос...

Только бы не отстранился от людей. «Люди у нас в Стайках что добрые, то добрые. Помнишь, взяли мы коня, в колхозе, а конь бороздой не ходит. Николай Ковалев, бригадир, своего распряг, нам отдал...» — вспоминала хорошее, наговаривала ему. «Другой говорит: бог есть на свете... А этот самый бог и есть человек. Вот трудно, трудно, а двери «ляп!» — и человек на пороге... Не так разве, Иван? Василь Бычков нам коня с фермы ни разу не отказал. А Миша Семенов? Мне б ему только одно слово, и он придет».

Привез как-то Иван из Риги, где лечился в санатории, швейную машинку. Рада была Прасковья. Придумывая разные приспособления, чтобы легче ему одеваться, шила она одежду вручную. И вот наконец такая подмога! Но взбирался Иван на печку погреться, нечаянно сбросил машинку с приступки. «А она уже нам и непотребная — плохо я стала видеть, не могу нитку в иголку втянуть», — слукавит Прасковья. Самой хоть плачь.

Один раз Прасковья растерялась. Отчаявшись от своей участи, — били, говорит, меня, не забили, эдакая ты, Прасковья, проздакая, — Иван бросился бежать в поле. Не разбирая дороги, навалившись вперед большим телом, готов был разбиться. Он в одну сторону, Прасковья — в другую, к Егору Кирееву, фронтовику. «Беда, Егор, — позвала, — иди к Ивану, покурите». Иван узнал соседа и вида не подал. «Как дела?» — встретил.

Прасковья ничем после не попрекнет — все перетерпит, назавтра, правда, приболеет. «Слабко делается, полежу», — скажет.

Было это вознесенное женское милосердие или что-то другое? А, может, везла в ту дождливую ночь Прасковья к себе в мужья безрукого, слепого солдата, будто опознала в нем своего жениха, Ивана Петровича из соседней деревни Горы? «Наверное, Иван — судьба моя — ее и конем не объедешь», — считает сама Прасковья. Судьба женщин моей стороны... Отправлять на войну, ждять, оберегать хату, сеять хлеб, растить детей, сохраняя род, выхаживать солдат — нести в себе высокое чувство защиты жизни. Иногда складывать руки по-вдовьи при живом. Иногда приходиться к чужому, иссеченному войной мужику, как приходят в горе на помощь сестры...

Прасковья спохватывается, что темно уже, что в хате похолодало, приносит из сеней хворост. Огонь кудряво покрывает его барашками пламени. Угли летят, потрескивая, через открытую дверцу мимо жестянки, на пол. Прасковья, посучив руками, берет их, бросает обратно. Золотая нить из печки в печку прядется целый вечер. Слышен равномерный гул работы огня, словно гул коловорота.

— Раньше люди знали, когда помирать будут: забор из соломы городили... Во как бы мне знать! То я б вымылася, прибралася, причесалася и — легла. Хочу, чтоб красиво лежала. Бо люди скажут: во-о-о, жила, хвалилася, что добро живет, а сама абы як легла.— хохочет Прасковья добродушно.— Правда, это ж треба еще материи красный кусок купить.

— Почему красной?

— Бо Ивану такой оббивали, он же солдат. И мне — красным... Як помру, то нехай все в хате так и стоит, як есть. И постеля нехай будет застлана, пока человек войдет... Тот, кто хату купит.

Любит Прасковья свою хату, прибирает ее, как девка. Даже на байковом одеяле, свесившемся с лежанки, вижу, вышит уголок. Четыре подушки в цветных наволочках — вприсядку, наверху ясик — маленькая подушка. Никто на кровати не спит. Простыня, тоже вышитая, лежит с той поры, когда еще бульбу копали. К колядам, прикидывает Прасковья, нужно будет другую положить, свежую. На печи медвяные венки лука — репка в репку — на семена, конечно. Легкий узел под самым потолком для сухости — тоже, должно быть, семена. На стенках те же «Неизвестная» и «Дама в лиловом». Пять окон прямо в старый сад. И на этом месте, где сейчас хата, была большая яблоня, яблоки белые, а где сени — груша. Это Иван, когда совсем износилась старая хата, захотел поселиться в брошенном саду. И поставил новую по солнцу, чтобы всходило оно в окнах и заходило. Тогда, считал, хата веселая, теплая, сухая. Так оно и вышло. Правда, пол моет Прасковья, моет, а сук синий все равно виден. Не гладкие половицы попались, не чистое дерево. Конечно, если б сам хозяин выбирал... Видно, что разные люди строили. Одним словом, солдатский дом. Колхоз имени Энгельса и машину выделял, и строительную бригаду, сельский Совет — материалы, райисполком помогал деньгами, соседи приходили, кто с топором, кто с пилой. Сама Прасковья и колодки под печь заливала: цемент с гравием замешала и залила, делала и прогоны, да так, что когда мостили пол, ни одной кирпичины не сняли, будто она уровнем проверяла свою работу.

Большая хата, хорошая, крепкая, любую гулянку справлять можно. Прасковья было пустила к себе на постой молоденького колхозного бригадира Гришу Галендарова. Незнакомые, глядя на них, не верили, что квартирант, думали — сын. И на свадьбу в деревне она с ним, и на кладбище к Ивану...

«Гоша, мне стирать», — и выварка уже стоит. Сам картошки намочит скотине, сам в печку поставит. «Гоша, поруби дрова». «Я — вечером», — отвечает. Прасковья засомневается. А он при месяце воз хвороста порубит. «Гоша, на тебе, возьми рубашку чистую». «Не», — отмахивается, дескать, на работу сойдет и эта. А Иван любил белые рубашки. «Гоша, что не женишься?!» «А ты сама и не мать, и не бабушка», — смело, весело огрызается тот. И оба безобидно хохочут... Перевели Гошу заведующим фермой в деревню Травна, далекая деревня. «Ну, я уезжаю», — говорит. У Прасковьи сердце, как под лед, — скучает по нему, как по сыну.

Привела кошка Катерина трех котят, все и живут, годуются — хватает места. Выйдет Прасковья на сумерках во двор управлять со скотиной, вернется в хату — ясик уже на полу, будто детской рукой сброшен. Скоро черная свинья Галка должна опорожиться. Выходят поросята мокренькие, околеют, если на первых днях не внести в хату, ведь на дворе стоят самые морозы.

Но стукнет дверь — придет соседка, попросит вышить к свадьбе дочери рушник — им после свадьбы завешивают «кут» (красный угол) в доме. Прасковья нарисует любой цвет, посадит на рушник пару «зязюлек» (кукушек). «Какие это птушки?» — спрашивала она у меня, показывая очередную вышивку. И рада была, что я угадала — похоже, значит. Другая придет, позовет на гулянье, все ее к себе зовут, если в доме намечается праздник. Что, может, у Прасковьи родни много? Нет, зовут ее ради песен. «Все поле колотится, як Паша Горбачева поет», — говорят. К ней бы, думаю, в хату, в этот маленький своеобразный центр народной культуры, приводить на воспитательный час из местной школы детей. Пусть бы учились вышивать, петь да и плясать «зеленую роцу», учились красоте человеческих отношений, милосердию. Не у каждого ведь в семье, не у всех в деревне такая бабушка...

Связывает Прасковья узел слабенько, чтобы не смять наряды. Закрывает сундук. Я спохватываюсь, что забыла отдать ей свой подарок: теплый серый платок. Прасковья принимает его, будто радуется, но, вижу, мысли свои не отпускает, глядя на него, думает что-то про себя:

— Глухой платок, толстый...

На прощание прошу ее подарить мне случайно попавшийся на глаза деревянный гребень, которым когда-то чесали лен.

— А во-о-ой! — изумляется Прасковья моей просьбе. — Это ж ломачина непотребная! — И весело спрашивает: — Ты рассказывать мне на деревне про такой тебе подарок, ти не? Я ж про твои гости всем похвалюсь!

Уже на пороге, завернувшись буданчиком в клетчатую «покрывную» шаль — ее когда-то привез из Эссентуков Иван, — Прасковья вдруг, будто решаясь, попросила:

— Ты мне купи лучше — а деньги у меня есть — платок во какой: чтобы поле было вишневое или малиновое, а по нем цветы разные. Не гляди, что яркое, — подзадоривает она меня.

— Чей это конь стоит? На нем бела грива... — облегченно, словно сказала главное свое, запела Прасковья.

И мне легко на душе от ее просьбы. И песня ее про коня с белой гривой у ее порога, деревья в инее, будто серебром елочным ветки обернуты, сороки с длинными хвостами на снегу, и недавнее солнце за морозной занавесью, как пряник, обкатанный в сахарной пудре, — все это предновогоднее, все мне — подарочное.

— Гляди, завтра ничего не роби, — хитро шепчет Прасковья уже на остановке автобуса. — Варвара ж завтра...

Вот вижу, уже вглядывается в кого-то из приехавших — узнает, здороваются. Кто-то из встречающих трогает ее за плечо, должно быть, спрашивает, кого это она провожала. Вот смеется, повернувшись, чьей-то шутке. Стоит в толпе своей большой родни деревни Стайки, заговорила — забыла махнуть вслед. Ну и хорошо, ну и слава богу. Слава людям! — так сказала бы сама Прасковья.

д. Стайки,
Краснопольский район,
Могилевская область.

Рис. А. ОСТРОМЕНЦКОГО.

«Крестьянка» получает много писем, в которых читатели спрашивают, какие льготы установлены для работников сельских культурно-просветительных учреждений. Ответить на этот вопрос редакция попросила заведующую культурно-массовым отделом ЦК профсоюза работников сельского хозяйства Лидию Андреевну БЕЛОКОННУЮ.

Сельские работники культуры пользуются широкими льготами. Они имеют право на получение ссуды на хозяйственное обзаведение, бесплатные квартиры с отоплением и освещением, для них установлены доплаты и премии за высокие показатели в труде, льготы по пенсионному обеспечению и государственному социальному страхованию.

Ссуды на хозяйственное обзаведение предназначены для молодых специалистов, окончивших высшие или средние специальные учебные заведения и направленных в сельские учреждения культуры и киносети. Ссуда до 1000 рублей выдается на пять лет, погашение ее начинается с третьего года после получения. Деньги эти можно использовать на строительство, капитальный ремонт или расширение дома, ими можно уплатить вступительный взнос в жилищно-строительный кооператив, приобрести на них мебель, одежду, обувь, сельскохозяйственный инвентарь и т. п. Не разрешается использовать выданную для хозяйственного обзаведения ссуду на строительство гаража, покупку машины, мотоцикла, дорогостоящих мебельных гарнитуров и других предметов не первой необходимости.

Всем культработникам и киномеханикам, которые живут и трудятся в сельской местности, должны быть предоставлены бесплатные квартиры с отоплением и освещением. По этому поводу и в редакцию «Кре-

**ПО ВАШИМ ПИСЬМАМ
МЕРЫ ПРИНЯТЫ**

ГОТОВИТСЯ К ОТКРЫТИЮ

«В нашем селе Репьевка Волоконовского района Белгородской области есть красивый Дом культуры. Но красив он только с виду. Почти каждый день на его дверях замок, помещение запущено. О проведении каких-либо мероприятий мы уже и не говорим...» — написали в редакцию молодые жители села.

Комиссия отдела культуры Волоко-

СЕЛЬСКИМ РАБОТНИКАМ КУЛЬТУРЫ

стьянки» и к нам, в ЦК профсоюза, идет много писем. Авторы их спрашивают: положена ли бесплатная квартира с бесплатным отоплением и освещением тому, кто работает в сельском культурно-просветительном учреждении, а живет в городе? Отвечаю: не положена. Два условия здесь непереносимы: и работа в селе, и проживание в селе.

Право на бесплатную квартиру с отоплением и освещением сохраняется за работниками сельских культурно-просветительных учреждений и киномеханиками и при их уходе на пенсию. Но здесь тоже есть два обязательных условия: их трудовой стаж в сельском учреждении культуры должен быть не менее десяти лет, и перед уходом на пенсию они должны работать в таком учреждении. Льготы по коммунальным услугам сохраняются за ними и проживающими с ними членами семей и в случае преобразования сельского поселка в поселок городского типа (рабочий поселок), если работники культуры в этом поселке пользуются такими льготами. Причем не имеет значения, работает ли человек после ухода на пенсию или нет, и если работает, то где — в культпросветучреждении или в любом другом.

Члены семьи пенсионера правом на бесплатную квартиру с отоплением и освещением продолжают пользоваться и после его смерти, если при жизни его они этим правом пользовались и после смерти получают за него пенсию, являющуюся для них единственным источником средств для существования.

Распространяется право пользования бесплатными квартирами с бесплатным отоплением и освещением и на соответствующих работников профсоюзных учреждений культуры. Средства для этого выделяются из фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства предприятий и организаций, перешедших на новую систему планирования и экономического стимулирования производства. В тех учреждениях, организациях, предприятиях, которые на новую систему еще не перешли, расходы производятся за счет фонда пред-

приятия. Дирекциям сельских профтехучилищ дано право производить расходы, необходимые для предоставления льгот культпросветработникам, за счет госбюджета, если за счет этих культпросветучреждения содержатся.

На членов колхозов, имеющих высшее или среднее специальное образование и работающих по специальности в колхозных учреждениях культуры, распространены условия государственного пенсионного обеспечения, выплат пособий и других видов обеспечения по государственному социальному страхованию, предусмотренных постановлением Совета Министров СССР от 20 июля 1964 года «О государственном пенсионном обеспечении и социальном страховании председателей, специалистов и механизаторов колхозов».

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 ноября 1977 года «О мерах по дальнейшему улучшению культурного обслуживания сельского населения» колхозам рекомендовано за активную культурно-массовую работу на селе в отдельных случаях устанавливать работникам клубов и киномеханикам доплату — до 30 процентов их оклада.

Положением о фонде материального поощрения совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий предусмотрено право администрации совхоза и комитета профсоюза совместным решением поощрять по итогам работы хозяйства за год работников профсоюзных дворцов культуры и техники, домов культуры, домов юного техника, клубов, автоклубов, библиотек, красных уголков, находящихся на балансе данного совхоза.

Для усиления материальной заинтересованности работников профсоюзной киносети в улучшении обслуживания населения Секретариат ВЦСПС в марте 1985 года утвердил новое положение об их премировании. В нем предусмотрено премирование руководящих, инженерно-технических работников, служащих, рабочих и других категорий работников киноустановок, клубов, домов, дворцов культуры и прочих клубных профсоюзных учреждений, имеющих план

кинообслуживания населения и доходов от него. Премирование должно быть организовано так, чтобы размер премии находился в прямой зависимости от величины трудового вклада коллектива и каждого работника, чтобы премии были поощрением высокопроизводительного труда, инициативы и творческого отношения к делу, проявления высокой ответственности работников за выполнение плана, за соблюдение государственной, производственной и трудовой дисциплины.

Основным условием премирования является выполнение плана по числу зрителей и сбору средств от киносеансов. Работники, выполнившие план, получают премии до 15 процентов их месячного должностного оклада, а за каждый процент перевыполнения плана — до 2 процентов. За пропаганду лучших советских кинофильмов, в результате которой их посмотрело не менее половины всех зрителей, размер премии может быть увеличен до 50 процентов оклада (но общий размер ее в расчете на месяц не должен превышать половины должностного оклада работника).

Постановлением ЦК КПСС «О мерах по улучшению использования клубных учреждений и спортивных сооружений» от 12 июня 1985 года предусмотрено осуществить новые меры для создания работникам сельских культпросветучреждений и киносети хороших жилищно-бытовых условий. А Министерству культуры СССР, Спорткомитету СССР, Минвузу СССР, Госплану СССР, Советам Министров союзных республик поручено расширить прием сельской молодежи в институты культуры и институты физической культуры, причем колхозы, совхозы и другие сельскохозяйственные учреждения имеют право направлять их за счет своих стипендий, а детей колхозников и работников совхозов — независимо от их стажа трудовой деятельности.

Все эти меры направлены на дальнейший подъем работы культурно-просветительных учреждений села, улучшение культурного обслуживания сельских жителей.

новского райисполкома, куда «Крестьянка» направила это письмо, проверила изложенные в нем факты. По сообщению заведующего отделом культуры А. Т. Поддубного, сейчас в здании ведутся ремонтные работы. Директор Репьевского Дома культуры В. В. Корева за нарушение трудовой дисциплины и неисполнение своих служебных обязанностей от занимаемой должности освобождена.

ПО ПРОСЬБЕ РОДИТЕЛЕЙ

Рабочие опытно-производственного хозяйства «Брянское» Брянской области написали в редакцию о том, что в летнее

время сотрудников детского сада привлекают к сельскохозяйственным работам, потому что детсад закрыт.

«Крестьянка» направила это письмо в Брянский обком профсоюза работников сельского хозяйства. Председатель обкома профсоюза И. В. Вербенец сообщил: «Администрации ОПХ «Брянское» указано на ее неправильные действия. Районным отделом народного образования установлен контроль за режимом работы детского сада».

ЗАДОЛГО ДО ЗИМЫ

«С большой тревогой ожидаем мы наступления холодов. Еще прошлой зимой

отопительная система четырех домов села Любимовки пришла в негодность. Руководство колхоза «8-е Марта» обещало привести систему в порядок, однако никаких работ не ведет», — написали в редакцию супруги Шевцовы из Кореневского района Курской области.

По сообщению заместителя председателя Кореневского райисполкома А. П. Рыженко, жалоба проверена с выездом на место, факты, приведенные в письме, подтвердились. Правление колхоза «8-е Марта» приобрело оборудование для ремонта отопительной системы, ремонт ведет районное объединение «Сельхозтехника». Исполком райсовета контролирует ход работ.

ОТ АВТОРА

Время действия романа «Экспансия» — первый послевоенный год, когда освобожденная от фашизма Европа так радовалась миру и когда уже возникала новая угроза этому миру... Это год, когда Черчилль выступил в Фултоне с известной антисоветской речью; когда Нюрнбергский трибунал, несмотря на протест советского судьи Никитченко, оправдал трех крупных нацистских преступников; когда западные державы воспротивились принятию решения Советом Безопасности о разрыве дипломатических отношений стран — членов ООН с фашистской Испанией. Когда четко вырисовывается агрессивная, враждебная позиция в политике реакционных американских кругов по отношению к Советскому Союзу, их стремление сохранить и использовать в борьбе с коммунизмом нацистских недобитков, которых затем возьмет на службу ЦРУ.

Место действия романа — франкистская Испания. Я побывал там впервые в 1971 году, встречался с бывшими немецкими генералами, с Отто Скорцени. Своими глазами видел, как в Мадриде на авинида Хенералиссимо в ресторане Эль Бодегон гитлеровцы обменивались фашистскими приветствиями, а последний при Гитлере военный атташе Франко генерал де Молина сам рассказывал мне о сотрудничестве нацистских служб франкистской Испании и гитлеровской Германии.

Позже, в 1973 году, вместе с перуанским антифашистом Сезаром Угарте мы участвовали в кампании по разоблачению отца душегубок Вальтера Рауфа и нациста Федерико Швендта; в 1980 году я встречался с бывшим эсэсовским генералом Карлом Вольфом; были поездки в Чили, Аргентину, Сицилию... В основу книги легли не только документы, свидетельства очевидцев, но и личные впечатления. Так понимаю я долг литератора перед взыскательным нашим читателем — писать о том, что не только узнал и почувствовал, но и исследовал...

Главный герой романа знаком читателям по книгам «Семнадцать мгновений весны» и «Приказано выжить». Это Максим Исаев, а вернее, Всеволод Владимиров. Псевдоним «Максим Максимович Исаев» он называет Дзержинскому в двадцать первом году, а уж в двадцать седьмом Менжинский утвердит «Штирлица». Теперь, после того, как Штирлиц оказался вывезенным нацистами из Берлина в Мадрид, он доктор Макс Брунн.

В предлагаемых главах из романа обстоятельства сталкивают Штирлица-Брунна с американским разведчиком Поллом Роумэном, ведущим по собственной инициативе розыск гитлеровских преступников. Оба они втянуты в глубоко законспирированную нацистскую цепь, в которой активно действуют бывший фашистский генерал Гелен, подполковник абвера Кемп, нацист Гаузнер, орудие и жертва их интриг норвежка Криста...

Действие нового романа «Экспансия-II», который я недавно закончил, перемещается в Аргентину. Полностью он будет опубликован в журнале «Знамя». С главами из этого романа в будущем году познакомятся и читатели «Крестьянки».

Ю. СЕМЕНОВ

ШТИРЛИЦ. МАДРИД, ОКТАБРЬ, 1946 *

...Штирлиц вышел на улицу, залитую солнцем; утром Пол дал триста долларов, сейчас в хирургически чистой, отделанной кафелем кассе он получил еще двести; с этими деньгами я доберусь до Парижа, подумал он. Это мой шанс, последний, судя по всему. Они расставили капканы так, что потом мне не выбраться... Нет, я не должен возвращаться в мою конуру, я сейчас пойду на Сибелес и позвоню с центрального почтамта в бюро аренды. Я стану звонить так, чтобы люди, которые идут за мной, а они обязательно идут, увидели тот номер, который я стану набирать, и слышали то, о чем я буду говорить. Я обзвоню несколько бюро, и у каждого, с кем буду говорить, спрошу о предложениях, потом запишу адреса, попрошу подробно растолковать, как их лучше найти, подъезд и этаж; вопрос об этаже я обязан замотивировать интересом к тому, есть ли в доме лифт, мне тяжело подниматься, это действительно так, здесь знают, что у меня все еще болит левая нога и нет-нет, да сводит поясницу так, что я теряю сознание. Я отправлюсь в то бюро, которое расположено на первом этаже, я поеду туда на метро, чтобы люди, которые идут за мной, убедились в том, что я не предпринимаю попыток оторваться от них. Наверняка они пустили за мною испанцев... Пусть они убедятся, что я действительно иду в бюро аренды; первый этаж — мой шанс, испанские дома особые, они скрытны, в них всегда заключена тайна, существует много дверей, ведущих во двор или на другую улицу... Не тешь себя надеждой заранее, подумал Штирлиц. Вполне вероятно, что дверь во двор забита, они очень похожи на нас, милые моему сердцу испанцы, обожают забивать двери или заставлять их громадными шкафами, а тебе сейчас не под силу передвигать шкафы. Как это говорил слуга Николая Ивановича Ванюшина во Владивостоке? Вступит? Точнее не скажешь; когда боль пронзает поясницу, она вступает; попробуй, кстати, переведи это на другой язык...

— Эй! — Пол Роумэн окликнул Штирлица, когда тот, посмотрев на часы, поднялся из-за столика маленького кафе в двух блоках от автовокзала. — Вы куда?

— А вам какое дело? — Штирлиц пожал плечами, сразу же ощутив боль в пояснице и усталость, которая давяще опустилась на плечи, словно кто надавил очень сильной рукой, а большим пальцем уперся в хрупкую косточку ключицы.

— То есть как это?! — Роумэн оторопел от этих слов; ждал всего, чего угодно, только не такой реакции.

— Да так. Какой сегодня день? То-то и оно. Не человек для субботы, а суббота для человека. Или я должен отмечаться перед тем, как решу покинуть квартиру?

— Звонить должны.

— Почему? Не должен. Мы об этом не уговаривались.

— Ладно, Брунн. Если вы не скажете, зачем приехали сюда, — я передам вас здешней полиции...

ШТИРЛ

МАД

Штирлиц закурил, вздохнул, щелкнул пальцами, щелчка не получилось, шепот какой-то, а не щелчок, куда ему до испанцев, у тех это с рождения; тогда он медленно обернулся к стойке, опасаясь, что боль растечется по всему телу, и попросил:

— Два кофе, пожалуйста.

— Нет у меня времени распивать с вами кофе, — сказал Роумэн. — Или вы отвечаете на мой вопрос, или я связываюсь с полицией, там ждут моего звонка.

— Да отвечу я вам... Не злитесь.

...Он поднялся, устало думая о том, как Роумэн смог его вычислить; сделал вывод, что здешняя служба начала контактировать с американцами: еще один удар по его надежде на дружество победителей. Жаль...

— У вас машина рядом? — спросил Штирлиц.

— Да.

— Впрочем, здесь недалеко. Пойдем пешком?

— Как хотите, — ответил Роумэн. — Я-то здоровый, это вы калека.

Они шли молча, Штирлиц снова чуть прихрамывал, боль в пояснице стала режущей, будь она проклята. Все в нашей жизни определяют мгновения: я прекрасно себя чувствовал, пока этот парень не окликнул меня; один миг, и все изменилось...

ШТИРЛИЦ. МАДРИД, НОЯБРЬ, 1946

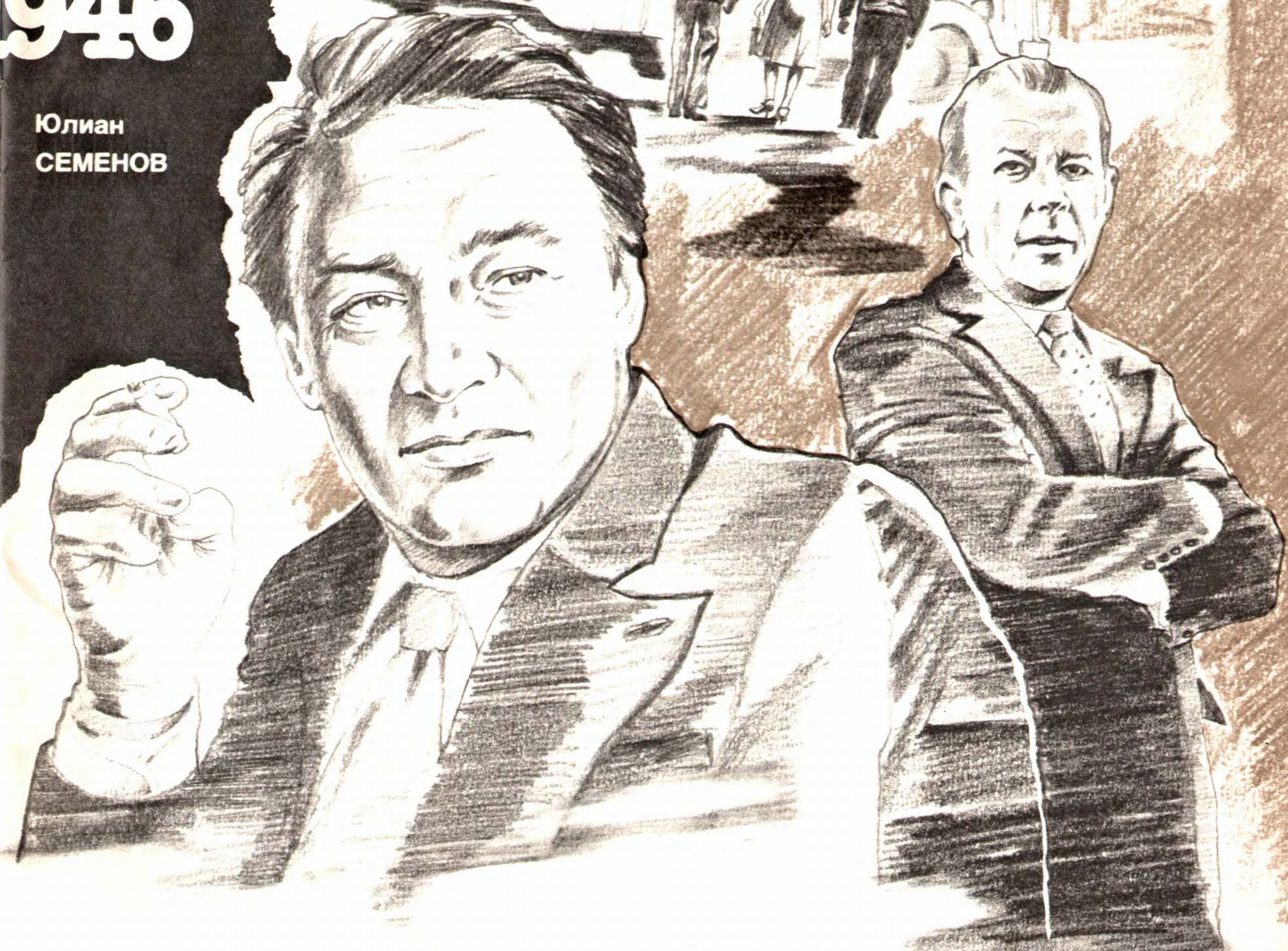
Эта папка лежала так, чтобы человек, открывший шкаф, сразу же обратил на нее внимание.

Именно поэтому Штирлиц не взял ее, а принялся за разбор других документов. Он убедился, что поступил правильно, и что эту папку ему подсовывали, когда неожиданно зашел Кемп, осведомился, как идут дела, попросил сеньора Анхела сварить его волшебный кофе: «совершенно раскалывается голова; медицина должна найти объяснение не только для психопатов, но и «климатопатов», то есть для тех, кто болезненно реагирует на приближающуюся перемену погоды, становясь абсолютно невменяемым»; только

* Главы из романа «Экспансия» печатаются с сокращениями.

ИЦ. РИД... 1946

Юлиан
СЕМЕНОВ

после этого рассеянно взглянул на открытый шкаф, задержавшись именно на той папке с грифом «секретно», которая по-прежнему лежала на своем месте — не тронутой.

...Перед началом обеденного перерыва Штирлиц вновь заглянул в зал, где за своим столом картинно восседал Анхел.

— Вы не позволите мне еще раз почитать американские пресс-релизы с Нюрнбергского процесса? — спросил он. — Я бы ради этого отказался от обеда...

— Хм... Вообще-то я имею право давать эти материалы только гражданам Соединенных Штатов, — ответил Анхел. — Нет, нет, это указание наших властей, испанских, а не руководства концерна. Кто-то уже успел стукнуть, что вы начали работать с этими материалами, скандала, правда, не было, но все-таки... Хорошо, хорошо, — заметив, как дрогнуло лицо Штирлица, торопливо заключил он, — кое-что я дам, но, пожалуйста, если кто-либо войдет сюда, спрячьте подшивку в стол. Договорились?

Рис. В. ФЕДОРОВА.

— Я спрячу ее так, что не найдет даже сатана.

— Сатана найдет все, — вздохнул Анхел. — На то он и сатана...

Штирлиц сначала не поверил глазам, заставил себя перечитать первую полосу еще раз; да, ошибки быть не могло: три нацистских преступника — президент Рейхсбанка Ялмар Шахт, вице-канцлер

фон Папен и заместитель Геббельса, главный рейхспропагандист Фриче — были оправданы Нюрнбергским трибуналом, несмотря на особое мнение советского судьи.

Вот и оформилась тенденция, подумал Штирлиц. Она так тревожна, так демонстративна, что теперь-то мне ясно, отчего американская разведка подошла ко мне именно сейчас, я им теперь нужен, я и подобные мне, потому что они оправдали того, кто давал деньги на создание армии рейха, того, кто передал правительственную власть сильной личности, Адольфу Гитлеру, наконец, того, кто был главным антикоммунистическим пропагандистом рейха. Три проводника тенденции, которую нельзя иначе обозначить, как антисоветскую, ибо, нравится это кому-то или нет, Советская Россия есть центр коммунизма; три человека, обменивавшиеся с Гитлером дружескими рукопожатиями, стоявшие рядом с ним на трибунах, когда он принимал парады армии и СС, сегодня, спустя всего лишь восемнадцать месяцев после окончания войны, признаны невиновными...

Армия и имперское правительство так же оправданы, преступными организациями не признаны...

...Через час кто-то позвонил Анхелу, тот засуетился, сказал, что уходит на два часа, но Штирлиц и тогда не прикоснулся к папке, и лишь после того, как он разобрался с нижней полкой и перешел на вторую, лишь когда Анхел вернулся в архив, он положил эту папку на стол, потому что сейчас его не интерес к ней мог сыграть против него же.

Открыв первую страницу, он до конца убедился в том, что папку ему подсовывали, ибо на сопровождающей бумаге было напечатано: «Документы получены при обыске аргентинского гражданина Аугусто Канилья, подозреваемого в работе на секретную службу русских. Разглашению не подлежат».

Стоп, сказал себе Штирлиц, значит, они подозревают меня в том же, в чем подозревал Мюллер? Или я впадаю в манию подозрительности? Они ведь должны исследовать меня со всех сторон, это их право. Я зря паникую. Все то, чем я занимался до этого, представляло интерес для американцев, разве нет? Да, бесспорно, но американцы владеют всей документацией, это их собственность, чего же им паниковать? А здесь мне прямо подсказывают, кто заинтересован в этих документах. Зачем? Чтобы я сделал с них копию? И передал связнику?

...Он бросил папку на полку небрежно, так, чтобы это видел Анхел, и, посмотрев на часы, спросил у него разрешения уйти пораньше; Кемп прав, видимо, будет меняться погода, у меня тоже раскалывается затылок.

Такси он остановил возле здания концерна, следом за ним никто не тащился, хотя — судя по тому, как ему навязывали аргентинскую папку, — должны были бы. Он попросил шофера отвезти его к музею Прадо...

— Послушайте, Брун... Не утомляет, что я постоянно называю вас разными именами?

— Я привык.

— Может быть, удобнее, если я стану называть вас Бользен? — спросил Роумэн.

— Это тоже псевдоним... Один черт...

— Хорошо, буду называть вас Штирлиц...

— Убеждены, что это моя настоящая фамилия?

...Роумэн пригласил его погулять в парке Ретиро; Штирлиц отдал должное тому, как элегантно Роумэн проверился; увидел слежку, улыбнулся, заметил: «Это не мои люди, видимо, испанцы проявляют инициативу, а возможно, ваши, Штирлиц»; выслушал его ответ: «Увы, теперь я лишен возможности ставить слежку», согласно кивнул, полез за своими, как всегда, мятыми сигаретами, снова спросив:

— Ну, хорошо, какова же ваша настоящая фамилия?

— А что, если бы она оказалась английской?

— Но ведь этого не может быть...

— Зачем я вам нужен, Пол?

— Замечаете, мы не отвечаем друг другу, только спрашиваем.

— Порою вопрос является одновременно ответом.

— Верно... Вы мне нужны, ибо я должен понять механику возможной инфильтрации нацизма в поры другого общества. Как такое возможно? Кого используют? Где? Что выдвигается на первый план?

— На первый план выдвигается оболванивание общества...

— Это слишком общо, а потому грубо, доктор. Я сформулирую предмет моего интереса иначе: допустима ли инфильтрация нацистов в общественную жизнь, скажем, Англии? Или Франции?

— Во Францию им путь заказан, они могут пытаться начать новое предприятие лишь в той стране, где их не знают, где люди не видали нацизм воочию...

— Но это Америка, — сказал Роумэн.

— Какая? — уточнил Штирлиц. — Их две.

Помолчав, Роумэн неожиданно спросил:

— У вас есть семья, доктор?

— Это — мое дело.

— Вы предпринимали какие-то шаги, чтобы найти вашу семью?

— Это — мое дело, — повторил Штирлиц.

— Следовательно, вас это не очень-то тревожит... Хорошо, тогда я сформулирую мой интерес: вы готовы войти в мое предприятие по выявлению столпов нацизма? Здесь я узнал кое-какие подходы, но в Мадриде вы оказались в фокусе внимания здешней тайной полиции... Увы, я не могу работать без их помощи... А в Латинской Америке вы — спичка в урне на Пятой авеню...

— Хм, занятно, — Штирлиц посмотрел на пачку сигарет, зажатую в руке Роумэна; тот протянул ее, достал из кармана спички, чиркнул, дал огонек, ловко прикрыв ладонью, — чисто солдатский жест; Штирлиц прикурил, сладко затаился, откинув голову, словно глотал большую пилюлю, и повторил, — очень занятно...

— Вам занятно мое предложение? Или сама ситуация?

— И то и это. Почему вы решили мне поверить? Отчего вы, мой противник, делаете мне такое предложение? Должны быть какие-то мотивы, которые привели вас к такого рода решению, нет?

— Как вам сказать... Я получил на вас

документы, доктор... Помимо тех, от мисс Фрайтаг, отравленной на пароме... Я получил бумаги, из которых явствует, что вы — тем же ядом, как и в первом случае, — отправили к праотцам некоего мистера Рубенау, когда он ехал из рейха в Швейцарию по указанию группенфюрера Мюллера...

— Неужели он его все-таки убил? — обернулся Штирлиц. — Неужели?!

Роумэн сразу же отметил, как изменилось лицо Штирлица: оно постарело в долю секунды, стали видны мелкие морщины под глазами, сделалась особенно заметной бледность, прозрачное нездоровье кожи и огромная, невысказанная боль, постоянно жившая в его глазах.

Вот что мне всегда в нем нравилось, понял Роумэн. Я раньше не обращал на это внимания, я воспринимал его целиком, вкуче, а сейчас я понял его глаза, он словно смертельно раненный человек, который бежит из последних сил, надеясь, что еще один шаг, и он упадет в руки друга; у меня были такие же глаза, когда я вернулся домой после немцев... Я помню свои глаза, я их часто рассматривал в зеркале, я учился прятать свою боль от окружающих — сомнут и растопчут, я был обязан казаться сильным, иначе не проживешь, я и сейчас веду ту же игру, боясь признаться себе в том, что теперь мне еще хуже, чем три года назад — обмануться дважды в главном, в выборе друга, — паскудная ситуация. То, что я сейчас затеваю — не что иное, как способ не рухнуть, удержаться на плаву... Нет, сказал он себе, зачем же уж так...

— Как и когда это случилось? — спросил Штирлиц, и по тому, как он смотрел на Роумэна, тот понял, что он спрашивает его об этом второй раз, раньше он не слышал...

— О чем вы?

— О Рубенау.

— Я не помню. Интересует точная дата?

— Да.

— В апреле сорок пятого. Есть полицейский протокол, отпечатки ваших пальцев, адрес доктора Бользена в Бабельсберге, я покажу вам. Теперь вы поняли, отчего я решил вам поверить? Вы в безвыходном положении. Решите уйти — я передам вас Нюрнбергскому трибуналу... Пока еще вас не ищут. Так, во всяком случае, как Бормана, Мюллера, Эйхмана, Штангля, Менгеле, Барбье или Вальтера Рауфа... Если вы пойдете на то, чтобы обмануть меня, если я все же ошибся в вас — я выдам вас и умою руки...

Это было бы счастьем, подумал Штирлиц. Это лучший выход, если он передаст меня Нюрнбергскому трибуналу, это — свои, это дорога домой... Бедный Роумэн... Он чего-то недоговаривает. Видимо, он вышел на какие-то звенья нацистской сети и испугался...

— Во-первых, — сказал наконец Штирлиц (они сейчас говорили медленно, паузы были тяжелыми, слышимыми), — я был бы рад предстать перед трибуналом, потому что лишь там я доказал бы свою невиновность. Тем не менее, во-вторых, я готов принять ваше предложение. Только давайте уговоримся: вы расскажете мне, отчего решили заняться поиском столпов наци, изучением возможностей инфильтрации гитлеризма в демократические общества, а я, в свою очередь, объясню, почему согласился войти в ваше дело.

— Что касается побудительных причин, толкнувших меня на авантюру с укрывшимися наци... Какие-то вещи, связанные с практикой моей работы, я не имею права открывать вам. То, что я вам предлагаю,— мое личное предприятие. Я занимаюсь им в свободное от службы время...

— Как долго намерены продолжать ваше личное предприятие?

— До тех пор, пока не закончу.

— Милый мой человек, да ведь вам часы отпущены. Вполне может быть, что вы уже задействованы как обвиняемый, связанный с красными...

— Америка не рейх, доктор.

Штирлиц жестко усмехнулся:

— Тогда зачем же интересуетесь возможностью инфильтрации тоталитаризма нацистского типа в поры демократического общества?

— Я опубликую те материалы, которые хочу получить с вашей помощью, доктор... А это, видимо, достаточно страшные материалы... Кое-что я уже знаю... Про тех наци, которых использует кто-то из нашей службы...

— Кому вы скажете об этом?

— Людям.

— Соберете митинг?

— Есть газеты и радио.

— Сколько стоит хорошая газета, Пол? У вас хватит денег, чтобы купить газету? Или уплатить за час времени на Си-би-эс? Не будьте идеалистом, право.

— А кем прикажете быть? Материалистом, что ли?!

— Назовите это прагматизмом, не стану спорить.

— Хотите сказать, что ситуация безвыходная?

Таких не бывает.

— Ну, так что же тогда?

— Тогда надо искать вторую силу — в системе ваших американских сил, — которой будет выгодна ваша информация. Она должна вам помочь в своих узкокорыстных целях... Я не знаю — борьба за президентство, схватка конкурентов, сами думайте, вы там живете, не я.

— Слушайте, ответьте, когда вы стали таким?

— Я был таким всегда.

— Нет, я имею в виду другое... Вы говорите как человек, который был в оппозиции к Гитлеру...

— А если я был в оппозиции к Гитлеру?

— Здесь, — Роумэн похлопал себя по внутреннему карману пиджака, — у меня есть такие документы, за которые вы бы отдали полжизни. Поэтому я спрашиваю еще раз: почему вас не повесили?

— Повезло.

— Кто это может подтвердить?

Это может подтвердить пастор Шлаг, подумал Штирлиц, если только он жив, но, подтвердив это, он неминуемо скажет про то, что я работал на русских...

Они поднялись на четвертый этаж; возле двери в свою квартиру Роумэн опустился на колени, тщательно осмотрел замок, достал из плоского чемоданчика конверт с «пылью», снял с ручки двери «пальцы», только после этого осторожно повернул ключ и вошел в сумрак прихожей, сразу же ощутив сухой горьковатый запах «кельнской туалетной воды», которую любила Криста.

Сколько надо дней, подумал Роумэн,

чтобы новый запах сделался в твоём доме постоянным. Она прожила у меня девять дней... Сколько же это будет часов? Чуть больше двухсот... Двести шестнадцать, если быть точным, самая считающая нация, это у нас получается автоматически, щелк-щелк, и готов ответ, платите в кассу. Интересно, а сколько минут прожила у меня Криста? Двести шестнадцать на шестидесят. Интересно, смогу в уме?

Он замер, начал считать, вышло двенадцать тысяч девятьсот шестьдесят минут. Достав ручку, он пересчитал на уголке салфетки, сошло.

А если разбить минуты на секунды, подумал он, тогда Криста прожила у меня вообще уйму времени. Я ведь ни разу не спросил ее, что такое «теория чисел», которой она занимается. А занимается ли, подумал он. Может быть, ей сочинили эту самую теорию для легенды? Гаузнер — человек универсальный, знает, как работать с интеллигентными, вроде меня, к тому же от кого-то получил хорошую информацию — даже про то, что я не успевал в колледже по точным дисциплинам. Ладно, сказал он себе, с этим мы тоже разберемся. Когда Криста вернется, я скажу ей, что знаю все, абсолютно все. И, несмотря на это, очень ее люблю. Так люблю, что не могу без нее. И пусть она выбросит из своей головы прошлое. Меня не касается прошлое. Люди должны уговориться о том, что прошлое — если только они не геринги и борманы с кальтенбруннерами — принадлежит им, только им и никому другому. Нельзя казнить человека за то, как он жил прежде, до того, как ты встретился с ним, — это инквизиция. Если ты любишь человека, который за двенадцать тысяч минут оставил в твоём доме прекрасный запах горькой кельнской воды, и тот порядок, который сделался живым, важным, и всюду угадывается присутствие женщины, и оно не раздражает тебя, привыкшего к одиночеству, а наоборот, заставляет сердце сжиматься щемящей нежностью, неведомой тебе раньше, а может быть, забытой так прочно, будто и не было ее никогда, тогда к черту ее прошлое!

— Я сейчас, — повторил Роумэн, отворив дверь в ванную. — Устраивайтесь, я мигом.

...Роумэн вышел из ванной, переодевшись в куртку, сказал, что, видимо, вечер будет хлопотным, предстоит поехать по ряду адресов, глядишь, и за город стоняем, и предложил чашку крепкого кофе.

— Спасибо, — ответил Штирлиц, покашливая. — С удовольствием выпью. Я мало спал сегодня.

Роумэн почесал кончик носа:

— Черт его знает... Пожалуй... Здесь кто-то был без меня. Мою отметину в замке нарушили, дурачки. Я же хитрый...

...И в это время раздался телефонный звонок.

— Да, — ответил Роумэн, прямо-таки сорвав трубку телефона с рычага... — Очень хорошо... Спасибо... Когда автобус прибывает в Мадрид? — Он посмотрел на часы. — Ага... Очень хорошо... Вы, надеюсь, сказали, что я ее встречу? Молодец... Спасибо еще раз.

Положив трубку, он еще раз посмотрел на часы и сказал:

— У нас тьма времени. Через пять часов мы должны подъехать на автовокзал.

...Спустившись вниз, Роумэн зашел в маленькую застекленную комнату дежурного, еще раз уточнил по транспортному справочнику точное время (если в Испании можно говорить о таковом) прибытия автобуса из Севильи — экспресса «Сур-Норте» — и начал листать толстую тетрадь (похожую на ту, в которой отец записывал удои своих племенных коров), где были зарегистрированы адреса и телефоны дипломатов, сотрудников военного атташе, представителей прессы и руководителей ведущих фирм, аккредитованных при министерстве экономики.

Он медленно вел пальцем по именам, заставляя себя видеть лица корреспондентов ЮПИ, Ассошиэтед Пресс, «Лук», «Кольерс», «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост»; он верил в физиогномику, ему всегда казалось, что человек с открытым, красивым лицом не может сделать подлость.

Роумэн сразу же понял, что к Липшицу он звонить не станет: слишком молод, не воевал, из бедной семьи, лишен поэтому врожденной тяги к независимости мышления и поступков, постоянная оглядка на тех, от кого зависело да и поныне зависит его будущее; Ник из «Вашингтон пост» нравился Роумэну, славный человек, воевал, приятен собой, но его газета слишком близка к администрации, ему будет не просто напечатать в завтрашнем номере своей газеты то, что необходимо опубликовать после того, как будет закончен разговор с Кристой — она главный свидетель Пола, она и Штирлиц, она важнее, ее показания будут (не имеют права не быть) сокрушительными: «организация», которую возглавляет гитлеровский генерал Гелен, начала развертывание своей агентурной цепи в мире, работает, используя провокацию как метод деятельности; она скажет все про то задание, которое сейчас ей поручил Гаузнер, а уж потом все это дело, да и не только это, а прокомментирует он, Роумэн; отступать некуда: все равно ему придется уйти с государственной службы, потому что он не намерен бросать Кристу, он любит ее, и она будет с ним. Всегда. До конца дней его.

А она этого хочет? Роумэн ухмылялся себе этот вопрос, но даже не стал отвечать на него: он показался ему надоедливым, как осенняя муха, и таким же обреченным; он сейчас чувствовал себя собранным, литым и устремленным; я женюсь на ней здесь, в Мадриде, решил он, Криста получит мою фамилию, и ее не посмеют не впустить в Штаты... Отобьемся, сказал он себе, обязан отбиться. Когда все молчат, должен найтись кто-то один, который скажет правду. И она не имеет права быть приблизительной — тогда ее легко ошельмовать и подвергнуть осмеянию...

...Роумэн остановился на Александре Вутвуде из Чикаго... Вальяжен, сед и добродушен, к тому же не боялся говорить то, что думал; Роумэн верил таким людям: если человек вынужден что-то скрывать, он никогда не решится на отчаянный поступок, побоится — гири неведомой тайны не позволят ему шагнуть в пустоту.

...Вутвуд выслушал Роумэна, сказал, что он перенесет разговор, заказанный с Чикаго на ночь, если действительно Пол обещает ему сногшибательную сенса-

цию, и пообещал приехать на автостанцию, куда прибывает рейс из Севильи.

Роумэн задумчиво положил трубку... Значит, сегодня что-то произойдет... Что?

— Что? — переспросил Штирлиц и вздохнул. — Поскольку я не знаю всего того, что знаете вы, буду строить логическую схему, совершенно голую, а вы корректируйте, соотнося с той информацией, которой владеете...

— Знаете, я тоже умею мыслить логически, так что не стоит меня этому учить. Я задам вопрос еще более однозначно: как бы поступили люди Гиммлера, если бы некто из стана их противников узнал то, чего он не имел права знать?

— Люди Гиммлера могли бы пойти по двум путям: либо они должны устроить такую провокацию, которая сделает вас их послушным орудием, — перевербовка и все такое прочее, либо вас должны устранить. Немедленно. Сегодня же...

— Первое исключено, — отрезал Роумэн. — Им не на чем меня прижать.

— Тогда поезжайте в посольство и ударяйте оттуда по вашим врагам залпами информации. Вам ведь есть что сказать?

— Захотят ли меня услышать, доктор?

— Это ваше дело, а не мое, вы вправе распоряжаться именами людей, которые вошли в круг вашего интереса.

— Я довольно долго смотрел в ваши глаза, доктор... И я пришел к выводу, что вы не откажетесь сказать нашему журналисту Вутвуду про Рубенау, и про Фрайтаг, и про Кемпа... Вы прокомментируете то, что посчитаете нужным после того, как послушаете мои вопросы, обращенные к Кристе... Да, мы ее скоро встретим... Я люблю ее... Вот в чем штука... Ее зовут Криста Кристиансен... Точнее, Кристина... Вы скажете то, что сочтете нужным сказать, только после того, как Вутвуд придет к автобусу и запишет показания Кристины... Мои тоже... По нашим законам всегда требуется два свидетеля. Я, уввы, не в счет; если бы для дела хватало моих и ее показаний, я бы не стал вас просить...

— Хотите ударить по тем национал-социалистам, которые ушли от возмездия? Я так вас должен понимать?

— Так.

— Это ваша главная задача?

— Да.

— Ваша женщина... Криста... Ей есть что сказать?

— Да.

— Она вам призналась в чем-то?

— Она любит меня.

— Она вам открылась?

— Нет.

— Хорошо, давайте я послушаю то, что она станет говорить вашему Вутвуду...

...Он не смог этого сделать.

Его поразило лицо Роумэна, когда из автобуса «Сур-Норте» вышли все пассажиры, а женщины, которую он ждал, не оказалось. Его лицо сделалось белым, словно обсыпали мелом; когда он провел пальцами по лицу, словно снимая с себя маску, на лбу и щеках остались бурые полосы, будто кожу прижгли каленым железом.

Он взбросился в автобус, словно атлет:

движения его были стремительны и пружинисты; шофер, испугавшись чего-то, сказал, что красивую сеньориту с чернорыжим котенком в руках встретили на двадцать седьмом километре два синьора; судя по описанию, понял Роумэн, один из них был Густав Гаузнер; вторым был не Кемп, а кто-то другой, приметы не сходились, — ростом человек был очень высок.

— Сеньорита сразу же согласилась выйти из автобуса? — спросил Роумэн. — Она ничего не сказала вам или своим соседям по креслу? Не сопротивлялась?

— Нет, нет, иначе бы я почувствовал неладное, кабальеро... Она сразу же вышла с седым, и они сели в его машину...

...В три часа утра Роумэн остановил машину возле посольства, поднялся к себе, принял четыре таблетки аспирина, сунул голову под холодную воду, тщательно растер волосы полотенцем и только потом достал из сейфа чистый паспорт гражданина США, приклеил одну из многих фотографий Штирлица, которые хранил у себя, написал фамилию Брюлл, имя Макс, дату рождения — 8 октября 1900 года. После этого поставил парагвайскую визу — вполне надежна, в консульстве республики работают свои люди...

— Берите такси и гоните в аэропорт, — сказал он. — Сейчас мы покатаем по городу, чтобы оторваться от тех, кто нас пасет... Самолет за океан уходит через три часа, успеете. Паспорт надежен, виза тоже. Связь, если меня сегодня не укокошат, будем осуществлять через вашу подругу Клаудию, помните ее адрес?

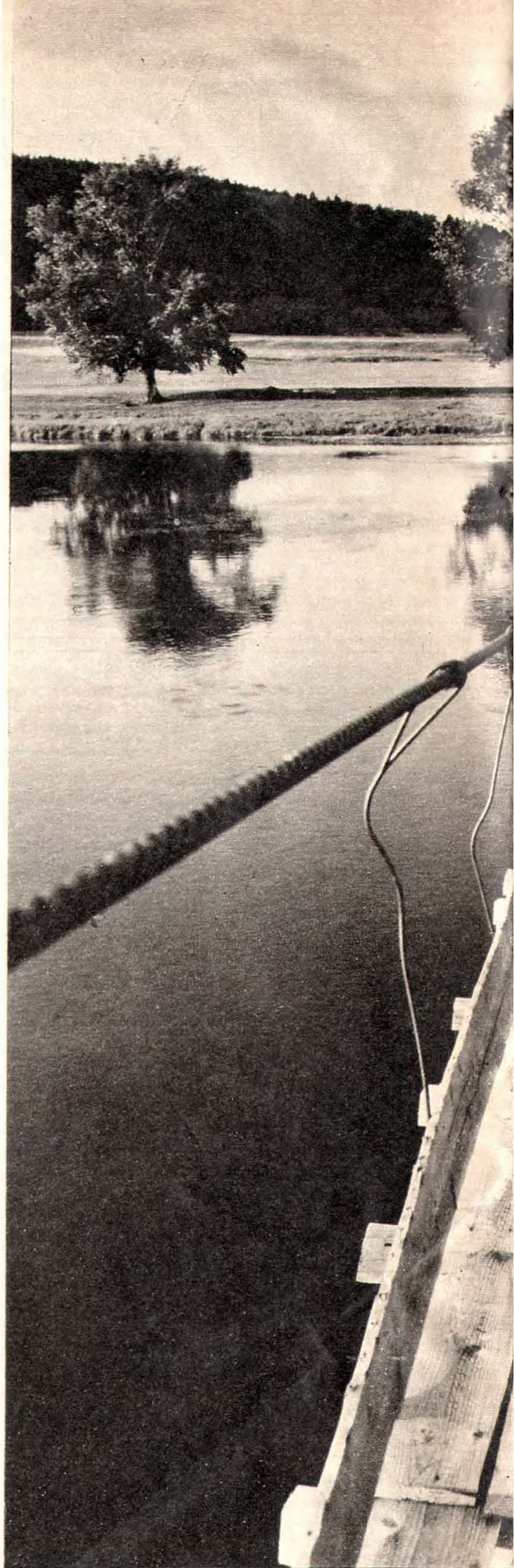
— Да...

— Если вы решите воспользоваться ситуацией и исчезнуть... Можно, конечно... Только это будет очень бесчестно... Не только по отношению ко мне... По отношению к людям, доктор... Я назову ряд имен и дам адреса, которые помогут вам ориентироваться в том деле, которым я пытался заниматься последние полгода...

Рейс, на котором Штирлиц вылетел в Латинскую Америку, а также номер паспорта и имя, вписанное в него, Гелен узнал через сорок минут после того, как самолет испанской авиакомпании взмыл в небо...

...Когда Роумэн вошел в квартиру, первое, что оглушило его и смяло, был все тот же тонкий, едва уловимый запах кельнской воды, но сейчас он казался ему таким пронзительно-беззащитным, что сердце его сжало так, что он ахнул и привалился к зеркалу. Он закрыл глаза, положил руку на грудь, сказал себе, что ничего еще не кончено, я найду девочку, я буду последним негодяем, если не найду ее, зачем я все это затеял, боже ты мой, жил бы иллюзией счастья, как все, так нет, начал искать правду...

Роумэн вздохнул, открыл глаза и первое, что увидел, был пистолет в руке Гаузнера; немец стоял в конце коридора и почесывал нос большим пальцем левой руки...

Как-то обратилась ко мне женщина из молдавской глубинки. Горестно жаловалась на свою судьбу: дескать, ни за что ни про что лишили ее материнских прав, сына определили в школу-интернат, а она с этим не согласна. Естественно, я позвонила в Министерство просвещения Молдавии. Мне тут же, не успела я и слова вымолвить, назвали имя-отчество этой женщины, а главное, во всех подробностях рассказали ее историю. Оказалось, женщина, о которой идет речь, много лет бродяжничает. Пока ребе-

нок был мал, она спокойно относилась к тому, что он живет в детском доме. Ее пытались (прежде чем лишить родительских прав) устроить на работу в это же учреждение, чтобы была поближе к сынишке.— не хотела. Время от времени она забирала ребенка, увозила с собой. Однажды его нашли запертого в пустом доме, голодного, грязного. И после этого вопрос о лишении родительских прав был решен окончательно и бесповоротно. Мать ни разу не оспаривала решение суда, однако навещала сына, а вот когда он пошел в школу-интернат, стала требовать, чтобы ей отдали мальчика. Но сделать это без восстановления в родительских правах невозможно.

а в суд мать не обращается, видимо, понимая, что оснований для решения в ее пользу пока нет. Такая вот история...

Несколько лет назад по всей Молдавии было решено провести рейд и проверить, как устроены дети, оставшиеся без родительского попечения. Не только те, кто живет в соответствующих учреждениях, детских домах, школах-интернатах, домах ребенка, но и те, кого воспитывают бабушки-дедушки, дальняя родня, а то и вовсе посторонние люди.

Не стоит говорить, какая это боль, какая травма для ребенка — остаться без родителей. Причин может быть много, и меньше всего среди них тех, что связаны с сирот-

ством в прямом смысле слова. Такой ребенок требует немедленного нашего участия и, конечно, вмешательства в его жизнь органов Советской власти, потому что права его надежно охраняются нашими законами от всякого на них посягательства. Но ведь и вмешательство, и участие могут быть формальными, по службе, а могут быть, как говорится, и по долгу, и по душе.

Тут я ненадолго отвлекусь и расскажу историю, не имеющую вроде бы прямого отношения к молдавскому опыту. Однако именно она лучше всего докажет, как нужно, чтобы этот опыт был распространен повсеместно.

Раиса Николаевна Атепаева, больничная нянечка из села Дубровка Бахчисарайского района Крымской области, оказалась вдруг с двухмесячным подкидышем на руках. Пошла она в исполком сельского Совета (а куда же?), ее направили в районную комиссию по делам несовершеннолетних, оттуда в районо, оттуда в загс, из загса — на поиски роддома, где появился на свет малыш. Хождение это длилось ни много ни мало — почти полгода. А потом понадобилось меньше недели, чтобы все нужные документы оформить...

Занимаясь делом Раисы Николаевны, я представила себе, что было бы, если бы пришла она не в свой сельсовет, а к секретарю Костештского исполкома сельского Совета Александре Васильевне Григорице. Так и вижу ее мягкое, полное доброжелательства лицо, слышу голос, каким она убеждает свою посетительницу не волноваться, воображаю, как благодарит за то, что она взяла на себя хлопоты о малыше, не торопится от него избавиться, не хочет передавать в Дом ребенка. Да разве погнала бы Александра Васильевна немолодую уже женщину с младенцем на руках в райцентр. Никогда! Сама бы всюду дозвонилась, всюду съездила, коли была бы в том нужда. Потому что слова «ребенок в беде» для Александры Васильевны всегда призыв к немедленному действию.

На специально организованном Министерством просвещения Молдавии многодневном семинаре, куда съехались со всех концов республики работники районо — будущие инспектора по охране детства, постигала и она новую для себя науку, слагаемые которой и педагогика, и чисто юридические вопросы, и, главное, доброта и человечность. Почему последнее кажется мне главным? Сейчас объясню. Вот лишают отца с матерью родительских прав. Все верно, все по закону, и выхода другого нет. Но как детей-то у них отбирать? Как отрывать их, ни в чем не повинных, от материнской юбки?

Инспектор по охране детства Кутузовского районного отдела народного образования Тамара Николаевна Дашкевич рассказывала мне, что у детей даже температура поднимается. «Везу его в детский дом, а он весь горит, бредит и все мать зовет». Нельзя человеку, не умеющему чувствовать чужую боль, заниматься таким делом. Александра Васильевна же для него будто самой природой создана. В чьем-то доме беда — она тут как тут. Ей и «выявлять» ничего не надо: каждый ребенок, лишившийся родителей, проходит не только через журналы учета, но и через ее сердце. Наверное, именно поэтому нет на ее совести греха — таких решений детской судьбы, когда все вроде и правильно, а не по-людски.

Сколько в селе подопечных, где и как живут, учатся, в чем у кого из них нужда, кому шифер на крышу, кому лес на пристройку, кому пальтишко к началу учебного года — на все эти вопросы у Александры Васильевны тотчас готов ответ. Ни в какие

документы ей заглядывать не надо — не ошибется.

Остался мальчик без родительского попечения. Учится в школе-интернате. Конец недели проводит у соседей, а дом сельсовет сдает, деньги — на сберкнижку, к совершеннолетию наберется на обустройство.

Или, к примеру, надо найти опекуна. Александра Васильевна не спешит, думает. Все обстоятельства десять раз переберет, взвесит. У соседей восемь своих детей, а они готовы и подопечного в дом взять. Не тяжело ли? Лишь бы девочке в этом доме хорошо было, рассуждает председатель опекунского совета, а в остальном поможем.

...Мы сидели в уютном кабинете Александры Васильевны. За окном высоко в гору взбиралось утопающее в садах и виноградниках село Костешты. На столе красовались плоды этих садов. А женщины, собравшиеся за столом, подперев головы непривычными к безделью руками, все вспоминали и вспоминали, все пересказывали нелегкие детские судьбы, которые непонятно как сложились бы, если бы не действовал так безотказно закон сохранения добра.

Он действовал, конечно, и раньше. Всегда находились добрые души и щедрые руки, готовые поддержать того, кому худо. Но действия эти были стихийны, кому-то могло повезти, а кому-то нет. Сейчас судьба каждого без исключения ребенка, по той или иной причине лишившегося попечения родителей, в поле внимания местных органов власти. О детях заботятся не только по доброте душевной, но и по долгу службы конкретные люди, персонально за это отвечающие. И это очень важно.

Сто пятьдесят детей, лишившихся родительского попечения, живут в селах Кутузовского района. И, конечно, инспектору по охране детства, каким бы сверхдобросовестным он ни был, невозможно постоянно держать этих детей в поле зрения, если не организовать самые настоящие подразделения этой службы в исполкомах сельских Советов. Участки для застройки и топливо, фураж для скотины и контроль за сохранностью имущества, устройство ребят в летнее время и забота о том, чтобы получили они все формы помощи, положенные по закону, — вот самый поверхностный перечень того, что делают на местах работники, подобные Александре Васильевне Григорице. А сколько сверх того!

Александра Васильевна и в школу зайдет поговорить, как учиться подопечный, и в детский дом или интернат с гостинцами съездит, и в дома, где живут опекаемые дети, заглянет, чтобы осторожно, ненавязчиво посмотреть, все ли у них ладно.

И, конечно, на первом месте беспокойство о том, чтобы определить ребенка наилучшим для него образом. В Молдавии всем видам опеки предпочитают семейную. Пусть преотлично детское учреждение, а все же дом лучше. Поэтому идет Александра Васильевна даже на то, чтобы остались дети в своем доме, а соседи-опекуны за ними приглядывали, во всем им помогали. Вот недавно вернулся из армии один из четырех осиротевших детей. Первым делом зашел в сельский Совет — низко поклонился Александре Васильевне за то, что никуда сестер не отправляла. А теперь дождалась девочки брата — он сам будет над ними опекуном. А уж Александра Васильевна расстарается: и дом поможет отремонтировать, и уголь завезет, и на свадьбу в посаженные матери пойдет.

Сейчас в Костештах на учете двадцать детей, лишившихся родительского попечения. Четверо в детских учреждениях, но на каникулы приезжают. И опять Александре Васильевне забота — так их определить,

чтобы заработали за лето: лишняя копейка не помешает. Ну, а шестнадцать здесь, в селе. Над каждым установлена опека по всем правилам. За пособиями, правда, и сейчас редко обращаются: неудобно вроде. Но Александра Васильевна сама следит за тем, чтобы ребенок получал все, что ему положено. А если опекуны не нуждаются в его пособиях, деньги кладутся на книжку.

Если не удалось устроить ребенка в селе, Александра Васильевна отвозит его в детское учреждение сама: чтобы знал, что есть у него дом, есть куда вернуться. И она же заботится о том, чтобы братья и сестры не разлучались, что случается из-за того, что один может попасть в Дом ребенка, другой — в дошкольный детский дом, а кто-то — в школу-интернат.

Вот почему в Молдавии считают, что вслед за семьей, как лучшей формой опекуна, идет разновозрастный детский дом, где братья и сестры могут расти вместе.

Наверное, потому, что десятки детских судеб прошли перед глазами Александры Васильевны, она до последнего бьется за женщину, которой угрожает лишение родительских прав. И уговорами действует, и припугнуть не боится.

А то позовет «заблудшую душу» в сельсовет вечером, посидят они рядом. Одна выплечется, другая выслушает, пообещает что-нибудь придумать. И придумывает: с работой поможет, дитя пристроит в детское учреждение, пока мама в чувство придет, порядок в доме подчас вместе с ней наведет.

А сколько раз выступала перед односельчанами, рассказывала, какая это страшная беда, когда дети растут сиротами при живых родителях, а родители доживают свои дни в одиночестве при живых детях.

Молдавский опыт охраны детства представляет сейчас особый интерес. В январе этого года Политбюро ЦК КПСС наметило меры по улучшению воспитания, обучения и материального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без родительского попечения. Устанавливаются денежные пособия для детей, находящихся под опекой и попечительством. Отныне в каждом районном отделе народного образования будет инспектор по охране детства.

Вновь назначенным сотрудникам (а можно, не боясь преувеличения, сказать, что им выпадет труднейший участок работы) есть чему поучиться в Молдавии. Строжайшее соблюдение законодательства, настоящая юридическая грамотность, сердечность и чрезвычайно глубокое осознание всей важности дела, которому они служат, — вот черты стиля, который прослеживается сверху донизу: в кабинетах заместителя председателя Совета Министров республики Нелли Павловны Кириак (она возглавляет республиканскую комиссию по делам несовершеннолетних) и министра просвещения Дмитрия Георгиевича Зиду, в уютном уголке, который отведен Кутузовским отделом народного образования Тамаре Николаевне Дашкевич, и в маленькой, залитой солнцем комнате исполкома Костештского сельского Совета, где стоит стол Александры Васильевны Григорицы, всегда готовой вскочить из-за этого стола, выйти и броситься на помощь ребенку, которому такая помощь нужна.

Инспектор по охране детства... Особая, ни с одной другой не сравнимая должность. Пожелаем же тем, кому предстоит ее занять, такой же безоглядной способности «тратить сердце», какую я увидела в молдавском селе Костешты.

И. ОВЧИННИКОВА

Фото Б. МАКСИМОВА.

ПОЭТИЧЕСКИЙ КЛУБ

Татьяна БЕК

В стихах Татьяны Бек практически нет эффектных метафор и сравнений. Манера Бек сдержанна и строга. Цена слова в ее стихах достаточно высока, то, о чем она пишет, оплачено ее собственной жизнью, биографией души. У Татьяны Бек вышли два сборника стихов, она член Союза писателей СССР. Предлагаем вашему вниманию новые стихи поэтессы.

ЭВАКУАЦИЯ

*Над маемой пассажиров —
Ненастоящая крыша.
Эвакуация в Киров.
Мама, и Нина, и Миша.*

*Страшная эта година
Вырыта бомбой, как яма.
Мальчик и старшая Нина
Смотрят печально и прямо...*

*Противу стрелки бесчинно
Я прилетаю упрямо!*

*Я
прилетаю
упрямо
С кашей в железной посуде:
— Здравствуй, грядущая мама,
Здравствуйте, Миша и Нина,
Нищие тощие люди.*

*Я еще буду нескоро.
Может быть, вовсе не буду.
Но среди гнева и мора,
В пекле надежды и драмы,
Где только дети и мамы, —
Мама,
и Нина,
и Миша*

*Вдруг улыбнутся, заслыша
Песенку, равную чуду:
«Плакать не надо.
Грянет Победа.
Жизнь заискрится повсюду.
Мирную купим посуду.
Я нарожусь...»*

* * *

— Не надо, лоб не морщи,
Не замыкайся, верь:
У сердца хватит мощи
Воспрянуть от потерь.

...И правда:
все желанней
Шиповник на ветру.
От разочарований,
Подумав, не умру!

Пойду, вполне живая,
По родине живой,
Приветственно кивая
Прозревшей головой

И зная, что проходим—
Не завтра, предположим,
Но в некую пургу—
Еще и помогу!

МОЕЙ РОДНЕ

Увы, давно... Точней— давным-давно
За станцией, за озером, за радугой
Ходили в деревенское кино,
Обедали на скатерти залатанной.

Во времена каникулярных дач,
Теперь невероятных дешевизною,
Писали письма, надували мяч,
Бродили земляничною отчизною.

Давным-давно, а кажется— вчера
Любили жизнь любимые друг дружкой...
Иные дни. Иные вечера.
Распался круг. Стемнело над опушкой.

Виновна ль я, что существуют вкось?
Или не я, а ветер и поветрие?
Спасибо, что хоть в памяти— не врозь,
Мои родные,
давние,
пресветлые...

Рис. В. ДАВЫДОВА.

* * *

Душа мужает, раздвигая ширь,
Когда друг друга несмертельно раним...
Стоит разлука. На рассвете раннем
Я вижу сон огромный, как Сибирь.

Не так ли чует запахи слепой?
Из области далекой и давнишней
То звездами, то тиной, то вишней
Так сладко пахнет, что хоть волком вой.

...Безудержная в ревности своей,
Я слабовольна и нетерпелива.
А жизнь благоуханней, чем крапива,
И жжет сильней, и старится скорей.

Во сне, во сне гляжу издалека,
Как человек, которому за сорок,
Желая заглушить тоску и морок,
Ладонью грубой ловит светляка.

Он тоже видит спозаранку сон,
Где без дороги мы плутаем оба...
Какое счастье, что любовь— чащоба.
Чащоба, а не стриженный газон.

* * *

Хозяйская печка с поленьями,
Над крышей— планета Юпитер,
И, чей не припомню, с оленями
Колючий и ласковый свитер.

И вечное пение примуса,
И две занавески из марли...
Росточек был слабый, но принялся.
Младенец заплакал. «Не жар ли»,—

Бегут и тревожатся, пробуя
Губами румяные щеки...
Ты выросла— высоколобая.
Ты миру диктуешь уроки.

А что ты на деле увидела
Значительней этого дома,
Где жизнь под опекой Юпитера
Была по-ребячьи ведома?

* * *

Я буду старой, буду белой,
Глухой, нелепой, неумелой,
Дающей лишние советы,—
Ну, словом: брошка и штiblеты.

А все-таки я буду сильной!
Глухой к обидам и двузначной.
Не на трибуне тары-бары,
А на бумаге— мемуары.

Да! Независимо от моды
Я воссоздам вот эти годы
Безжалостно, сердечно, сухо...
Я буду честная старуха.

* * *

Я любила неровню. Дышала неровно
К человеку, чей немолодой макинтош
И дыряв, и замызган, но светится, словно
Жизнь, которая— дар, как ее ни корежь.

Я любила неровню. Я знала о риске.
Но влекла, как медведицу— мед, кабала.
Я писала во сне по четыре записки
И к почтовому ящику ощупью шла.

Эти письма бежали бегом. Догоняли
Адресата. Врывались в его перекур.
И ответ возвращался по диагонали:
— Испарись, нежеланная!

Чур меня, чур.

Испарялась. Но в виде дождя или града
Выпадала на землю с небесных высот.
И зачинщик ненастья, свистя виновато,
Не любил. Но казалось—
полюбит вот-вот.

ДОРОЖНОЕ

Каких людей, какую панораму
Увидит из окошка пассажир!
Но темен мир,
Коль некому отбить с дороги телеграмму
И незачем искать базарный сувенир.

Зато репейник несказанно-ярок,
Когда вдали, посудую гремя,
Шумит семья...
Копилку-свинку и корзину яблок
Везет старик— счастливее, чем я.

Первая в стране ученическая бригада Григорополисской школы Ставрополя насчитывала несколько десятков подростков. Сегодня в ребячьих бригадах более трех миллионов школьников. Уникальный, пожалуй, случай в истории педагогики, когда отдельный новаторский опыт вылился в массовую практику, педагогический почин стал широким социальным явлением.

За тридцать лет ученические бригады прошли путь от тяпки до освоения сложнейших механизмов, от кукурузного поля к многоотраслевому сельскохозяйственному труду, от эпизодических работ к круглогодичному циклу, системе. Но зерно опыта все то же: самостоятельный, производительный, коллективный, умело организованный труд младших, опирающийся на доверие и помощь старших. В этом, по-моему, жизненная сила опыта, то, что роднит, объединяет разные ребячьи характеры и разные поколения ученических бригад. Приглядеться бы к ним повнимательнее, решая задачи школьной реформы.

А приглядеться есть к чему и задуматься есть над чем.

В станице Григорополисской случай свел меня с Сергеем Ивановичем Мерзликиным, агрономом колхоза «Россия», воспитанником Григорополисской бригады начала шестидесятых. Я все допытывался, как он,

транслирующий передачи в классы и на фермы, в зеленый театр на краю поля для членов ученической бригады. Школьная ферма, поставляющая молоко не только в школьную столовую, но и в детский сад. А

А теперь из отчета НИИ общей педагогики: «...заготовленный веточный корм не доходит до скота, так как в ученических бригадах и хозяйствах нет условий для сушки и переработки веток. Поэтому в конечном счете заготовленные ветки преют или в лучшем случае подкладываются под колеса буксующих машин. Это наносит большой вред делу воспитания школьников, которые видят безрезультатность и вредность затраченного труда и массу загубленных деревьев». Ничего себе, нравственный эффект!..

За бессмысленной и бесполезной заготовкой веников и за прочими «показушными» делами стоит, по сути, недоверие к ребячьему труду, их силам, способностям, самостоятельности. Такой подход не имеет ничего общего с воспитанием. Мы часто говорим: дети — наша надежда, наша смена. Какими они вырастут? Гадать не надо. Будущее вырастает из настоящего, завтрашний день начинается сегодня, и не стоит удивляться, почему так получается, что из разных школ и ученических бригад выходят люди беспокойные и равнодушные, влюбленные в труд и презирующие его. А зависит это от нас, взрослых.

В Темижбекской школе Новоалександровского района Ставрополя в звенье механизаторов, опытников, шелководов набирают чуть ли не по конкурсу. И «спецсчет» ребячьей бригады налицо: пя-

В ШКОЛЕ, КАК В ЖИЗНИ

Сергей Мерзликин, выбрал свой единственный путь, что заложила в нем бригада? А он с болью о своем: о дожде, о граде, о прорастающем в валках зерне, о том, что вот какое оно, сельское хозяйство: путей решения много, а выбрать надо единственный.

— Все думаешь,—говорил Сергей Иванович,—как ты, агроном, передаешь знания механизатору. Как его учесть, труд специалиста? Только по конечному результату. Есть урожай, значит, передал. Но что значит передал? Что для этого сделал?..

А ведь, по сути, он о том же: что и как передаем мы, взрослые, детям?

Вы, наверное, слышали о Халданской школе в Азербайджане. Сейчас на ее счету в банке более миллиона рублей. А двадцать лет назад... Двадцать лет назад, когда пришел директором З.Г.Шоюбов, ныне народный учитель СССР, школа была просто развалюхой.

Первое, что сделал Шоюбов,—собрал учителей, и все вместе они решили: прежде всего надо создать «воспитательные объекты». И они стали создавать. Сначала появился спортивный городок с плавательным бассейном, стадионом, тиром. Выстроили его за три года ученики вместе с учителями и родителями. Одновременно на двух гектарах ребята начали выращивать саженцы, снабжая ими каждый двор. Потом появилась школьная оранжерея и парники. Год от года «объектов» становилось все больше и больше: пять гектаров гранатового сада, учебные кабинеты и телецентр,

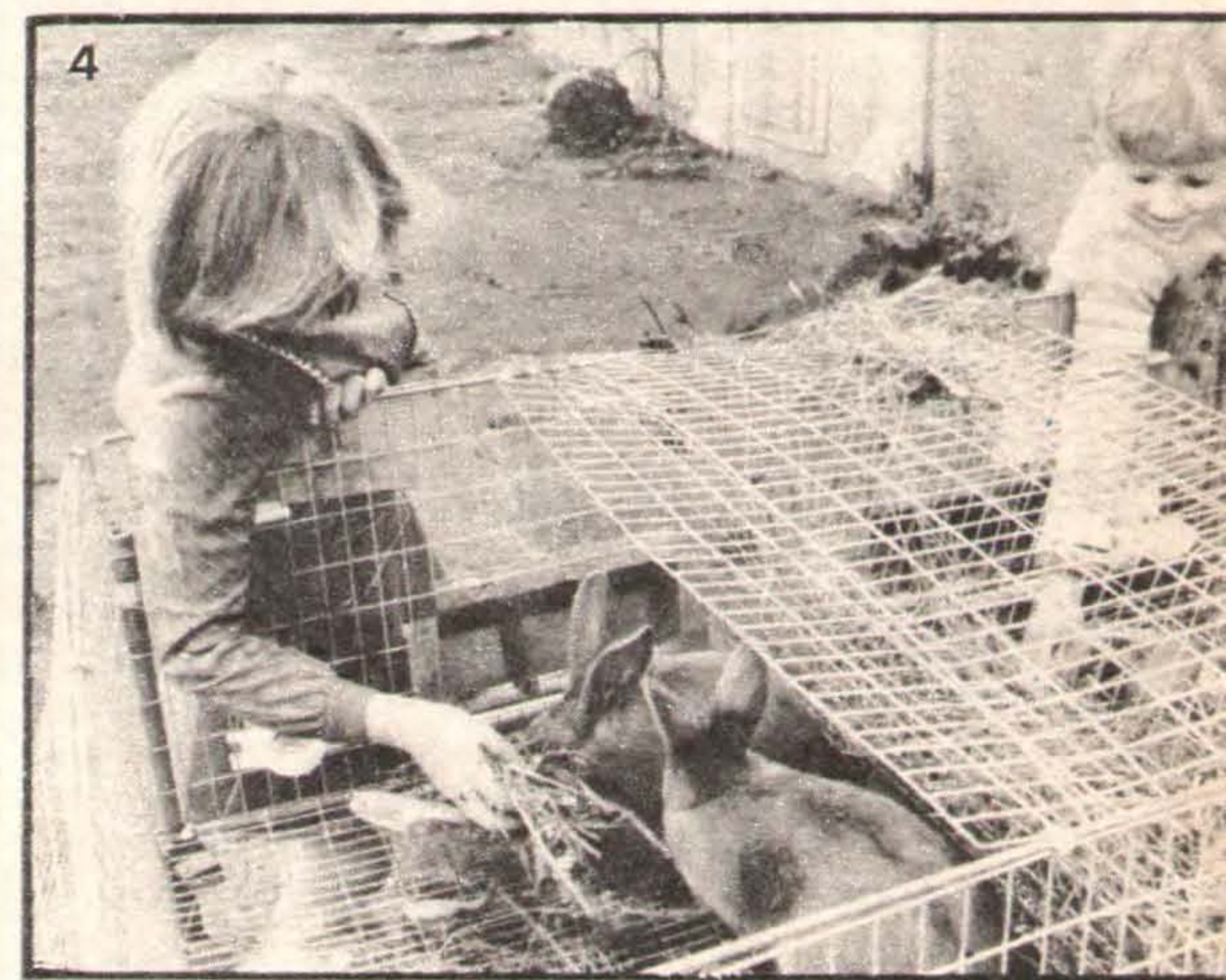
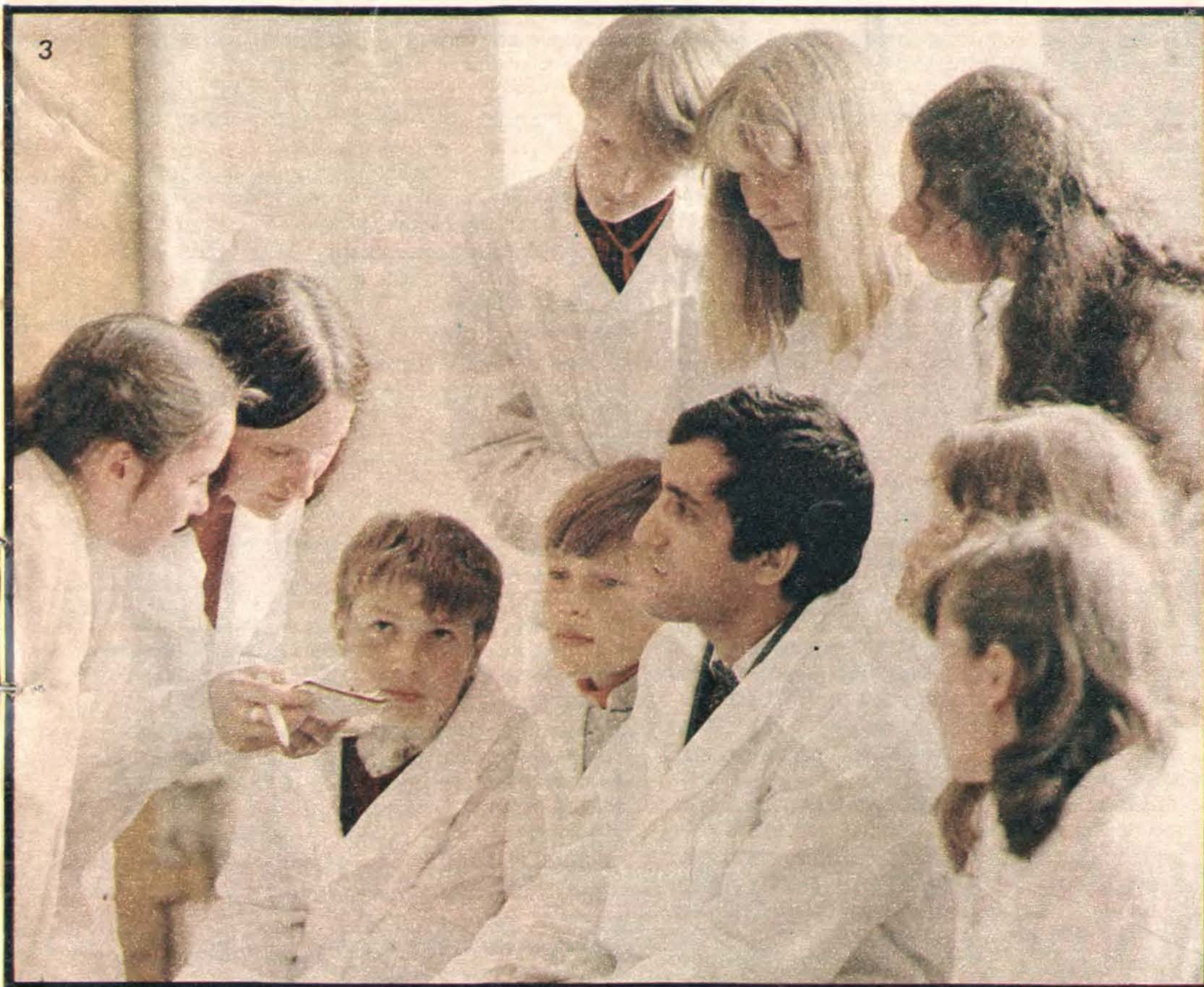
на полутора сотнях гектаров раскинулся посаженный ребятами бор из эльдаровской ели.

Год назад ученической производственной бригаде присвоили звание лауреата премии Ленинского комсомола. Официально в ней числится 250 учеников седьмых—десятых классов. На самом деле — вся школа. Самые маленькие выращивают лимоны, ребята постарше, пятишестиклассники работают в теплице и оранжерее, семиклассники — в садоводстве, ученики восьмых классов — лесоводы и птицеводы, девятиклассники — хлопководы, а десятиклассники — животноводы. «У нас не работающих нет», — гордо заявил внеклассный организатор И. А. Адыгезалов.

Школьный счет в банке растет с каждым годом. Но есть у халданцев и «спецсчет», который не приобретешь, не измеришь никакими миллионами, — это воспитанное с детства в каждом без исключения школьнике трудолюбие, непреходящее ощущение радости коллективного труда, преобразующего все вокруг.

Но бывает и так. Читаю инструкцию по Некрасовскому району Ярославской области (и этот район вовсе не исключение). «Нормы заготовки веточного корма на три летних месяца на одного учащегося. Количество веников: I—III классы — 25 штук, IV—VI классы — 75 штук, VII—VIII — 100 штук, IX—X — 200 штук. Примечание: в каждом заготовленном венике должно быть не менее 20 веток. Кроме веток берез, заготавливаются также ветки хвойных пород».

1. Оля Ермакова из Покровской средней школы колхоза «Искра» Тепло-Огаревского района Тульской области.

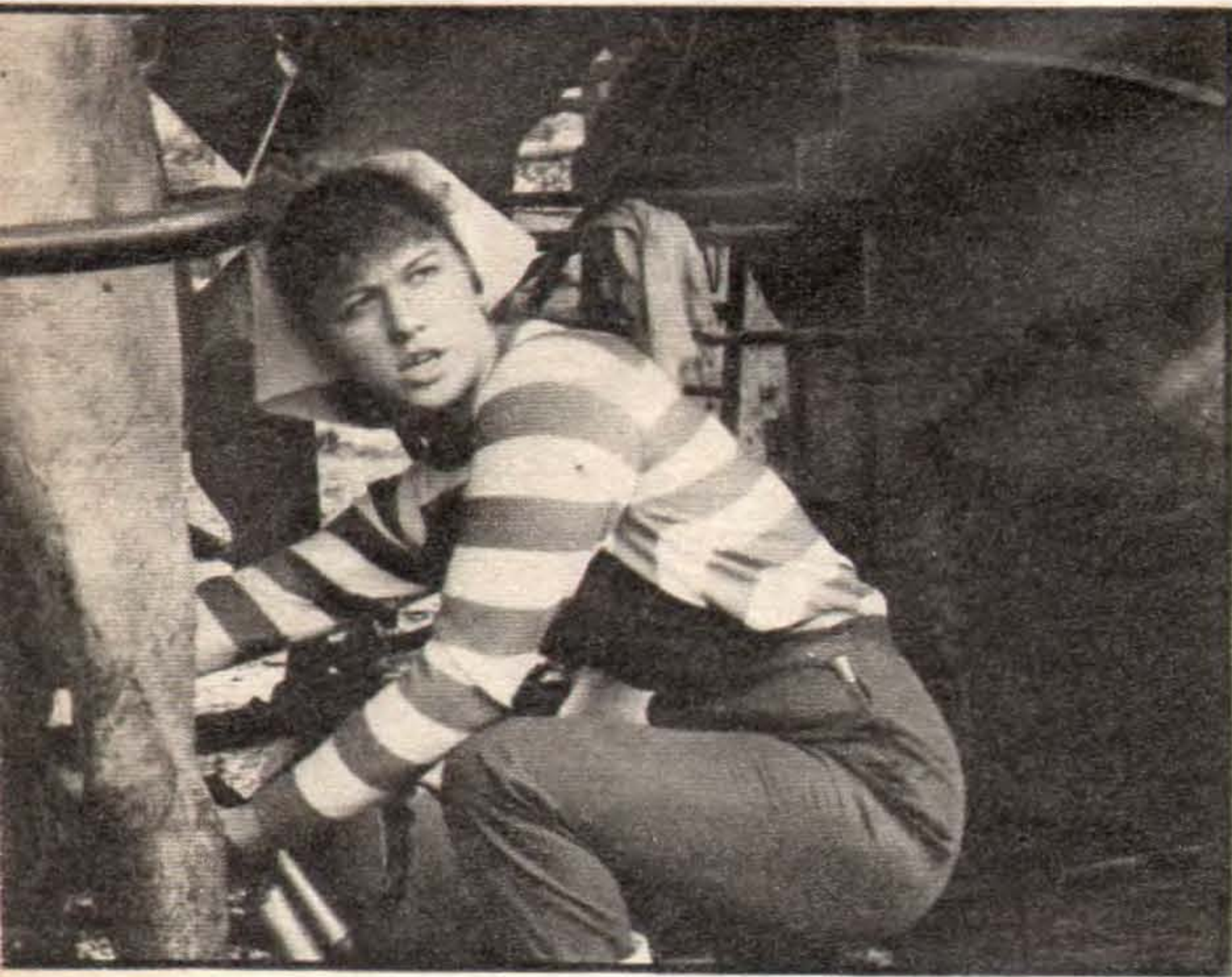
2. Все довольны: и урожай отличный, и поработали отлично.

3. Будущие животноводы.

4. С кроликами хлопот невпроворот. Но малышам нравится!

Фото П. РОГОТНЕВА,
Б. БОРИСОВА.

Доить корову для Вали Ворониной — привычное дело.

тая часть совхоза «Темижбекский» — выпускники ученических бригад.

В опыте ученических бригад ясно прослеживается взаимосвязь: уровень воспитания и хозяйствования прямо пропорциональны их взаимной согласованности. И срабатывает эта формула практически всегда. Возьмем отношения отдельного хозяйства и школы. Вот село Смирново, что в Шатковском районе Горьковской области. Директором школы начинал тут Урвин, а директором совхоза — Галочкин. Оба Анатолии Ивановичи, обоим было чуть за тридцать. Даже директорами стали в один год. И хозяйства тому и другому достались запущенные. Наследство одного давало себя знать в прорывах в животноводстве, устаревшей технологии, нехватке рабочих рук. У другого не доставало умных наставников, средств и сил для качественного скачка в организации обучения и труда ребят, их всестороннего развития. Анатолии Ивановичи поняли, что успехи или просчеты одного есть продолжение успехов и просчетов другого. И стало ясно, что надо сегодня, сейчас растить для совхоза механизаторов, животноводов, специалистов в школе, в ученической бригаде. Вот тогда, незадолго до школьной реформы, и возник микроколхоз «Школьный» — опора поднимающегося совхозного хозяйства, его передовой участок.

Удивительный микроколхоз детей от семи до шестнадцати — на хозрасчете и с чистой прибылью, с председателем Димой Мосолковым, тогда учеником восьмого класса, со своим правлением и главными специалистами. Ныне у «Школьного» двадцать гектаров пашни на совхозной земле, парк техники, лесничество в пятьдесят гектаров, где уже грибы пошли, свиначник на сто голов, опытнический участок, на котором испытывают новые технологии. Даже собственный конь, универсальность использования которого в хозяйстве решили доказать подростки. Директор совхоза Анатолий Иванович Галочкин всегда идет ребятам навстречу не только потому, что «Школьный» дает реальную экономическую пользу, хотя и это немаловажно. Он смотрит дальше, отлично понимая, что здесь идет профориентация подростков — будущих работников совхоза.

Недавно я узнал, что Анатолий Иванович, директор школы, стал секретарем парткома совхоза «Смирновский», значит, связь «совхоз — школа» и вовсе сделалась неразрывной...

Но вот другая пара «хозяйство — школа», чтобы далеко не ходить — в том же районе, в совхозе «Власть Советов».

«Мы теперь, знаете, — говорит заслуженный учитель школы РСФСР П. Д. Ерышев, — уж не краску, не гвозди — производительный труд выпрашиваем». Раз выпросили трактор, провести снегозадержание на полях. Трудились ребята с утра до ночи, а наутро совхозное начальство темнее тучи. «Разве плохо работали?» «Да при чем тут работа, — отвечают, — погляди, заявления на столе, вы у трактористов хлеб отбиваете». Весной, как посеют овес, вику, горох, школьный директор ребятам объясняет, как земле помочь влагу держать. И снова с услугами в совхоз: давайте мы сделаем прикатывание. Глядят уже с раздражением: «Хватит уж, прикатали...» Что же, хозяйству ребячьи руки не нужны? Это смотря зачем, объясняет мне Ерышев. Иной раз самосвал прямо на школьный двор свеклу вывалит, вот, говорят, после математики подзаймитесь...

За каждым таким примером, а их не так мало в практике ученических бригад, — бездумное отношение к ребячьему труду, к труду вообще. Говорю так, потому что не раз убеждался: те, кто рассматривает школьников как подсобников и в хозяйстве своем насаждают подобную психологию. К сожалению, у таких руководителей изменения в отношении к ученической бригаде пока не произошло или происходит слишком медленно. А ведь, согласно школьной реформе, ученическая бригада должна стать структурным подразделением хозяйства. И во многих колхозах и совхозах так оно и есть. На Ставрополье, например, все школьные объединения уже стали такими подразделениями и весьма рентабельными. Ежегодный объем их работы оценивается в сумму 10 миллионов рублей. Ребячьи бригады приносят реальную — и немалую! — пользу.

И вместе с тем они отличаются от взрослых бригад. Школьная бригада живет по своим особым законам: познания, игры, движения к малым и большим перспективам. Разные они, эти перспективы. В ребячьих бригадах порой причудливо переплетаются хозрасчет и стремление самоутвердиться в среде сверстников, новые формы труда и старая как мир тяга найти друга, желание, чтобы твой труд со всей серьезностью был оценен взрослыми, и перспектива получить «сладкий мешок». Ну да, поглядели бы вы на лица «трудолюбивых», «деловых», «умелых» из станицы Зеленчукская Карачаево-Черкесской автономной области, когда после грамот, благодарностей руководителей хозяйства, после выступления хора каждому звену был вручен... большой кулек с пастилой!

Живут летом ребята из Зеленчукской станицы в живописном культстане, среди гор в Камышовской котловине, в белых домиках под красной черепицей, расписанных смешными зверюшками. Рядом — волейбольная площадка, качели, фотолаборатория, дискотека — есть где отдохнуть после работы. А выращивают ребята одиннадцать новых, понемногу внедряемых в хозяйство, сортов картошки и еще помидоры, которые нигде вокруг, кроме как здесь, почему-то не растут. Говорят, тут особый микроклимат... Да, действительно, здесь особый климат, созданный не только природой, но и заботой, и теплом взрослых — педагогов, руководителей хозяйства, родителей.

Задумываюсь о будущем: какой быть ученической бригаде на пороге двадцать первого века? Видимо, экстенсивное развитие этого опыта должно уступить место интенсивному. Жизнь подсказывает и новые формы. На Алтае, например, в хозрасчетных полеводческих бригадах взрослых при планировании и учете труда уже использу-

ют компьютеры. Школьная реформа вводит современную вычислительную технику в учебный процесс. Надо бы подумать и о трудовом. В ряде развивающихся сельских районов при колхозах и совхозах действуют цеха промышленных предприятий. Но ведь и ребятам нужна смена сельскохозяйственного и промышленного труда

Однако не все это понимают. В селе Зыбково на Кировоградчине, где ведет удивительный эксперимент Михаил Петрович Щетинин, действует агропромышленный комбинат «Надежда». Ребячьи бригады трудятся в цехах деревообрабатывающем, швейном, животноводческом, изготавливают микрокалькуляторы «Электроника» с маркой фабрики города Светловодска. Работа тонкая, умная: чтение схем, пайка, наладка, проверка. Казалось бы, передний край современной педагогики, но... Школа наталкивается не только на срывы поставщиков, но и просто на непонимание местных органов власти. Был свидетелем, когда ответственный работник облисполкома в сопровождении работников облоно с явным скептицизмом рассматривала компьютерный цех: фантазия, мол, сельская школа должна быть ближе к жизни. Имелось в виду: пасли бы лучше телят...

А вот в Халданской школе, о которой мы уже говорили, думают иначе. Там на очереди — создание многопрофильного, разновозрастного комбината, где каждый школьник попробует себя в пяти профессиях: ткацком и швейном деле, механизатора-полевода и механизатора-животновода, водителя автомобиля. При этом педагоги считают, что школа-комплекс должна объединить в себе общеобразовательную школу с художественной, музыкальной, спортивной, детским садом по подготовке шестилеток.

На необходимость развития таких сельских учебно-воспитательных комплексов прямо указывает документ о школьной реформе, и такие комплексы уже действуют. А на Ставрополье, родине производственной ученической бригады, по-моему, нащупывают новое, социально и педагогически значимое решение. Вопрос в следующем: какое место должны занимать производственное обучение и производительный труд в системе школьных занятий? Быть одним из видов внеурочной работы и тем самым — вольно или невольно — психологически необязательным или стать ядром всей школьной жизни? В Григорополисской, Темижбекской и других школах выбрали второй путь. Тут несколько десятков различных кружков, клубов, объединений, но ученическая бригада — прежде всего. Ее труд — учебный, исследовательский, производственный, организационный — включен в школьное расписание. Помимо сезонных работ, минимум день в неделю каждый школьник вносит свой вклад в спецсчет бригады — в гаражах, теплицах, кабинетах профориентации, в лабораториях, на фермах, в мастерских.

Я спросил Валентину Васильевну Кулыгину, директора Темижбекской средней школы: «А не жалко прерывать интересные внеклассные занятия, аэробики, например, когда звонят из хозяйства и просят помочь?» Она ответила: «Это решают ребята. Но не было случая, чтобы не помогли».

Логика школы, считает директор, — это логика труда. Знания, рабочие навыки приобретаются, как и все в жизни, только трудом. И ребята это отлично усвоили.

А. ЦИРУЛЬНИКОВ,
кандидат педагогических наук.

Возраст торопит: чемпионы уходят. Новички перенимают эстафету у именитых спортсменов, теперь уже им рукоплещут стадионы... Чтобы ставить рекорды, нужны воля, талант, мужество и еще — молодость.

В своих письмах наши читатели часто спрашивают о том или ином знаменитом спортсмене: как складывается его дальнейшая судьба? Связано ли его будущее с прежними спортивными заслугами? Особенно много вопросов к трехкратной олимпийской чемпионке, многократной чемпионке мира и Европы по фигурному катанию Ирине РОДНИНОЙ.

— Ирина, несколько лет назад вы были в зените славы. В честь ваших побед звучали гимны, поднимались флаги, любители спорта в разных странах наперебой просили автографы... Не грустно ли вспоминать об этом?

— Что такое слава? Это не только, когда тебя узнают, просят автографы, показывают по телевидению. Это прежде всего повышенные требования к тебе, когда каждый твой поступок, каждое слово — на людях, под пристальным вниманием твоих коллег и огромной аудитории болельщиков. Когда от тебя каждый раз как от чемпиона ждут чего-то большего. Так что для меня слава, как, думаю, и для любого другого чемпиона, — это напряженнейший труд.

Конечно же, для любого спортсмена уход из спорта — нелегкое испытание. И каждый сам решает, чем ему заниматься. Многие становятся тренерами, некоторые — научными работниками, кто-то приобретает и вовсе далекую от спорта специальность. По-разному складываются судьбы чемпионов. Ведь и в зените своей славы спортсмен, как правило, уже ориентирован на какое-то поприще, имеет или приобретает поллюбившуюся ему специальность.

— Расскажите, пожалуйста, чем вы заняты сейчас.

— Сейчас у меня, если можно так сказать, отдых от «тяжести славы». Но до сих пор многие болельщики следят за сегодняшней моей работой. Я тренирую специальную спортивную группу по фигурному катанию. Занятия проходят на катке «Кристалл» в Лужниках. У меня пять взрослых пар, остальные — малыши. Наиболее известные из моих учеников В. Першина и М. Акбаров. В этом году они стали бронзовыми призерами чемпионата Европы и вот уже четыре года — участники чемпионата мира и Европы, члены сборной СССР.

Думаю, что я на своем месте. Это и призвание, и профессия: я окончила институт физкультуры и по специальности тренер.

Работа у меня необыкновенно интересная и сложная. Ведь наша задача — воспитывать человека не только физически, но и морально, психологически сильным. В спорте выигрывает не только тот, кто технически лучше подготовлен, а кто силен духом, настойчив и тверд.

Грустить о прошлом — значит чувствовать, что в настоящем не достиг того, чего хотелось бы. О себе я этого сказать не могу: ведь уже горжусь успехами своих учеников.

— Ирина, но, наверное, не у всех чемпионов судьба складывается так удачно?

— Очень многое зависит от самого человека, от того, как он сам себя готовит к будущему. Есть такие, кто поживает на лаврах сегодняшних заслуг, на том счастливом этапе, когда спортивное счастье тебе улыбается, не особенно задумываясь, что будет потом. Правда, среди моих друзей таких нет.

Ребята сборной, в которой выступала я, в основном работают тренерами, а также в балете, в цирке на льду, некоторые пошли в науку, часть бывших спортсменов работает в Спорткомитете СССР, в других спортивных организациях. Вам, наверное, хорошо известна группа фигуристов под руководством мастера фигурного катания Юрия Овчинникова. Сегодня многие из моих коллег по сборной выступают в этом своеобразном ледовом театре. Юрий отбирает в свою труппу ребят не только по высоким спортивным титулам, но и по артистическим данным, ведь фигурное катание — один из наиболее зрелищных видов спорта. Труппа Овчинникова, по-моему, совершенно нового направления нежели привычный для нас профессиональный балет на льду: небольшая, мобильная, быстро меняющая свой репертуар. Ее миниатюры

на ледовой сцене — словно яркие театральные сюжеты.

Олимпийская чемпионка, чемпионка мира и Европы Людмила Пахомова теперь тоже тренер, и ее ученики успешно выступают на мировой арене. Ведет она и специальное отделение для тренеров и хореографов при балетмейстерском факультете Государственного института театрального искусства, а я помогаю ей.

Известный в прошлом фигурист Сергей Четверухин теперь, один из руководителей Московского балета на льду. Олимпийская чемпионка, чемпионка мира и Европы Наташа Линичук тренирует фигуристов. Она же была одной из первых ведущих телепрограммы по аэробике. Ирина Моисеева тоже тренер. Андрей Миненков, ее муж, защищает диссертацию по спортивной тематике. Елена Водорезова, закончив заниматься спортом, сейчас учится в институте. Марина Черкасова тоже студентка. Для многих из нас спорт определил выбор профессий — потому так часто чемпионы становятся тренерами.

Спортивный век намного короче любого другого, и поэтому время жизни в нем более напряжено и сжато. Но когда есть ученики — живешь по-прежнему напряженно и ярко.

Записала М. ЭРАТОВА.

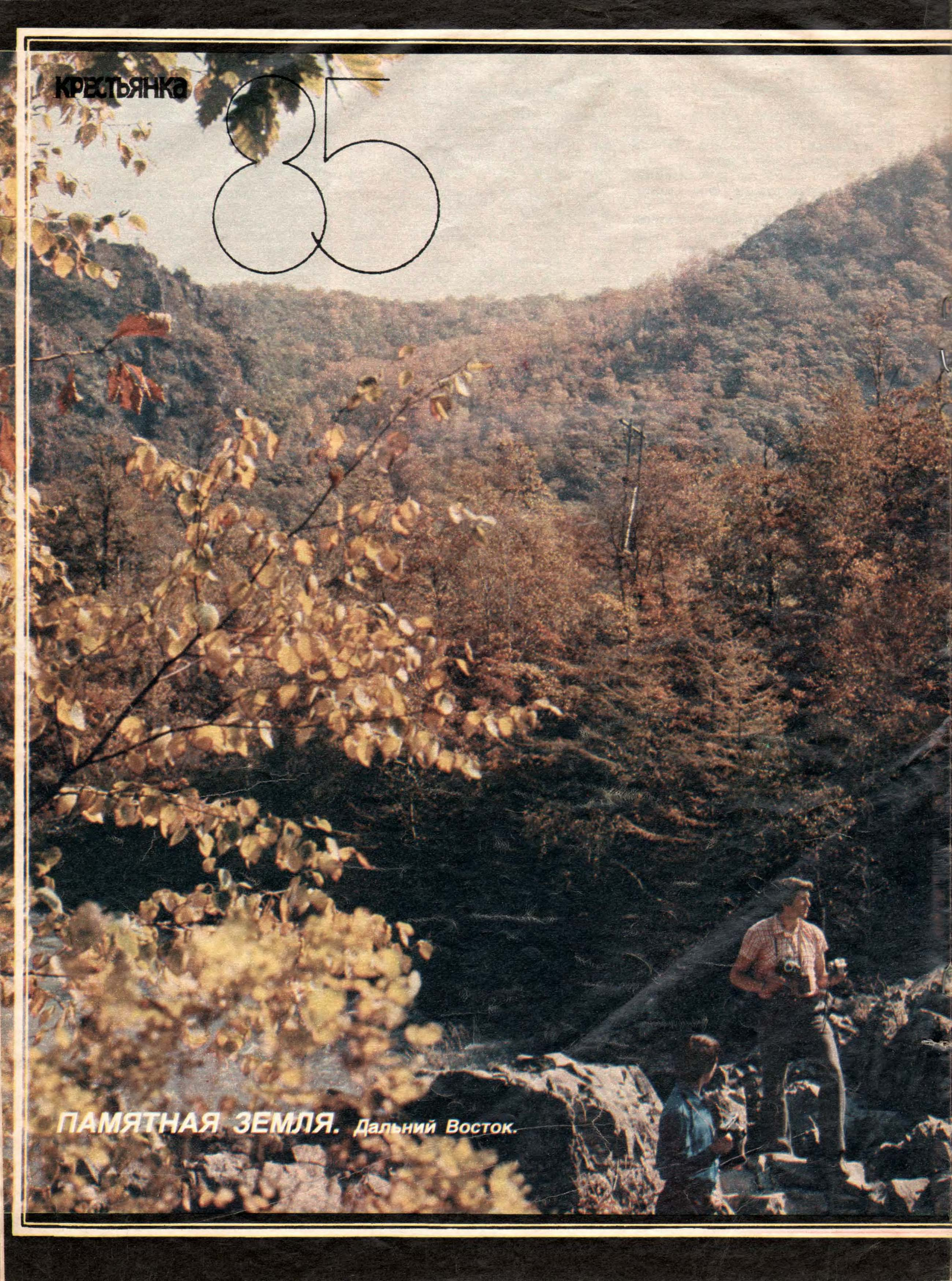
Ирина Роднина
с сыном.

Фото А. БОЧИНИНА.

КРЕСТЬЯНКА

35

ПАМЯТНАЯ ЗЕМЛЯ. Дальний Восток.

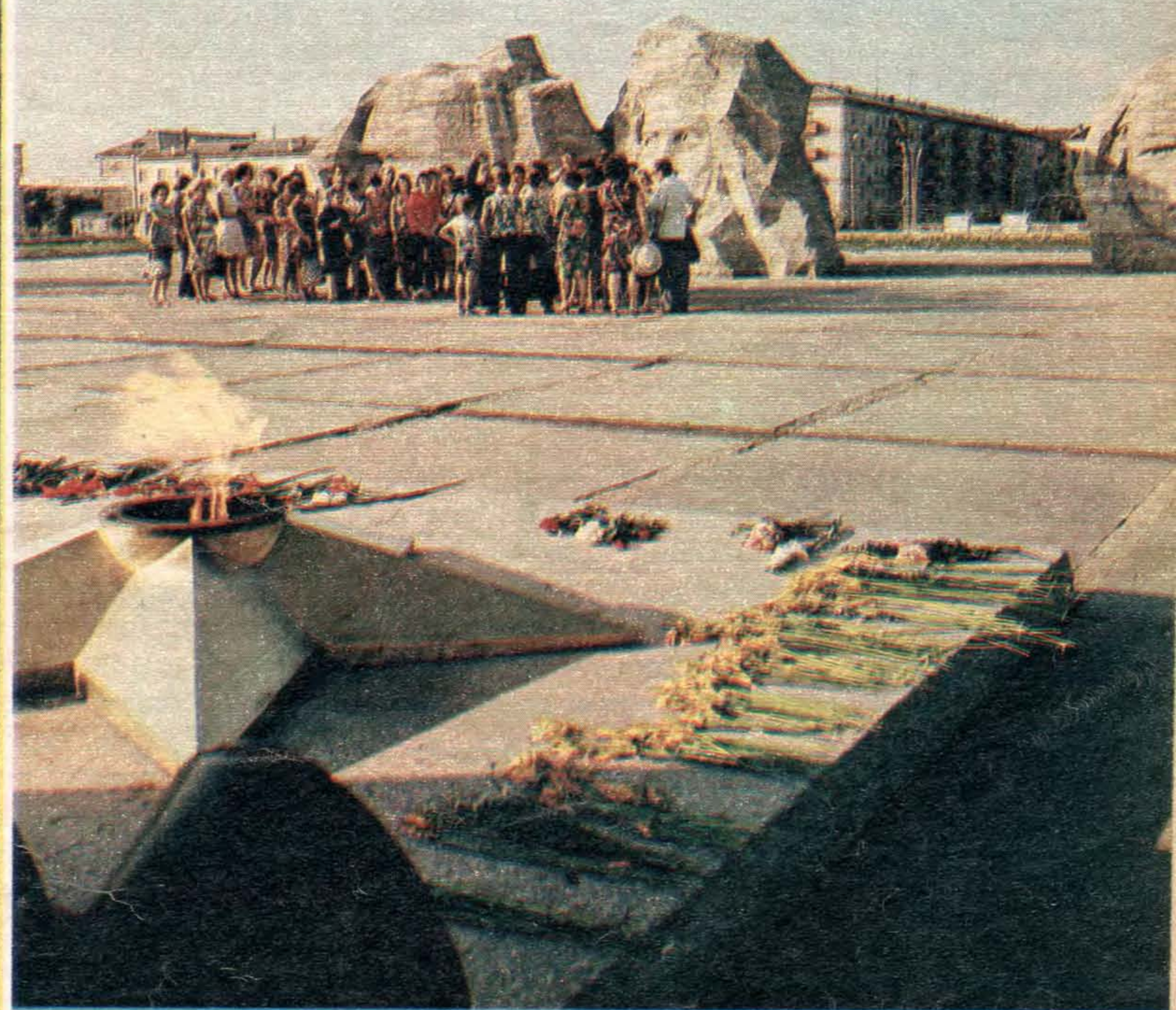
ОКТАБРЬ

Понедельник	7	14	21	28	
Вторник	1	8	15	22	29
Среда	2	9	16	23	30
Четверг	3	10	17	24	31
Пятница	4	11	18	25	
Суббота	5	12	19	26	
Воскресенье	6	13	20	27	

НОЯБРЬ

Понедельник	4	11	18	25	
Вторник	5	12	19	26	
Среда	6	13	20	27	
Четверг	7	14	21	28	
Пятница	1	8	15	22	29
Суббота	2	9	16	23	30
Воскресенье	3	10	17	24	

Комсомольск-на-Амуре. Памятник погибшим землякам.

ДЕКАБРЬ

Понедельник	2	9	16	23	30
Вторник	3	10	17	24	31
Среда	4	11	18	25	
Четверг	5	12	19	26	
Пятница	6	13	20	27	
Суббота	7	14	21	28	
Воскресенье	1	8	15	22	29

Документальная

Фильм называется «Милые красавицы России. Истории, рассказанные на свадьбе». Искренне и просто, словно одному тебе, а немногим миллионам телезрителей, рассказывают женщины о нелегком своем счастье.

Сколько уже написано, сколько фильмов снято об этих свадьбах — с обязательными хлебом-солью, с обрядовыми песнями да причитаниями, ну и, конечно, с безудержными, лихими плясками. А кто не хочет плясать, те остаются за столом — поговорить, вспомнить. И обязательно найдется кто-то, кто будет задавать тон этому маленькому застольному островку. Да и как тут, глядя на счастье молодых, не вспомнить свою молодость, свою любовь. Идут истории одна за другой...

Вот пожилая женщина рассказывает, как она, Александра Ивановна Демченко, в разрушенном фашистами Севастополе получала торопливо написанное на шершавой бумаге брачное свидетельство...

Та же любовь заставила Нину Федотовну Попову поехать за мужем в далекий северный край и лаской своей высветлить самые трудные дни его жизни...

Четыре года мать Николая Александровича Дегтярева, нынешнего председателя колхоза, прислушивалась к каждому шороху — ждала сына с фронта. Однажды на стук встала, подошла к двери: «Я знаю, это Коля вернулся» — и не ошиблась...

Автор этого фильма Валентина Яковлевна Никиткина исходила много фронтовых дорог и повидала на войне много судеб. Но особенно остро переживала она за судьбу женщин. Поставленные рядом, эти слова — «женщина» и «война» — режут слух: есть в их сочетании что-то до боли неестественное, чуждое нормальному течению жизни. И хотя писатели, режиссеры, художники, поэты отдали дань колоссальному вкладу женщин в Победу, Никиткина чувствовала, что без ее «милых красавиц России» рассказ о женщинах будет неполным.

Какими стали они сейчас? Разве поблекла их красота? Нет, они по-прежнему красивы — добротой своей, сердечностью, душевной щедростью. Они живут в полную силу, работают, любят, растят детей, внуков...

В памяти Валентины Яковлевны годы войны слились в одну бесконечную дорогу, по которой идет и идет их маленький медсанбат. В батальоне ее звали «носатиком». Пусть бы уж звали «журавликом», что ли, как добрый медсанбатовский ездовой Герасим Кузьмич. Вот ведь: кругом всенародное горе, тяжелейшая работа и каждый день на твоих глазах смерть молодых, вчера еще здоровых ребят, и вдруг... слезы из-за беззлобного поддразнивания. Выходит, дети всегда дети. Валя Никитки-

на и школу-то не закончила, тайком от матери убежала на фронт.

В 1943 году ее ранили. Лежа на госпитальной койке, Валентина «прокручивала» свои фронтовые километры: эпизоды всплывали один за другим. Их было много, и рука сама тянулась к листкам «истории болезни» — на обороте листов можно было писать...

...Как-то осенью сорок первого наткнулись медсанбатовские девчонки на пасеку. Старик-пасечник основательно подкрепил их медком да еще дал с собой огромную тяжелую рамку с медом. И, гордо держа эту рамку над головой, зашагали Валя и ее подруга по черной осенней грязи. Подружка поскользнулась и как держала рамку высоко над головой, так и упала носом в грязь, только рамку еще выше подняла, чтобы не испачкать. Так и лежала, пока ее не освободили от сладкого груза. Потом долго хохотали, вспоминая, как девушка вымазалась с ног до головы, а угощение спасла.

Каких только случаев не было на дорогах войны... Когда Никиткину спрашивают, что было для нее на войне самым трудным, она вспоминает и бои, и раненых, и... лампу: когда врач оперировал, Валя светила ему лампой. Самая короткая операция — два часа, а лампу надо держать неподвижно, иначе она дает движущиеся тени. Руки потом долго не поднимаются...

Как хотелось тогда в госпитале все, все записать! Кажется, это и был первый шаг к кино. Второй шаг определил ее судьбу: Валя поехала в Алма-Ату, где во время войны размещался Институт кинематографии. Это шаг от заметок на госпитальной «истории болезни» к настоящему сценарию.

И снова дороги — приходилось ездить в бесконечные командировки, а ведь ранение оставило след на всю жизнь, донимало нездоровьем. И на руках уже был ребенок. Но характер, впервые проявившийся в сорок первом, продолжал сказываться: фронт прошли, а в мирное время не выстоим, не справимся? Ранение — ничего, ребенок — не помеха, еще и второго родим, и третьего. Забегая вперед, скажем, что через какое-то время так и получилось. Чтобы, несмотря на болезнь, выстоять, удержаться, все силы отдать хлопотной нелегкой работе и, ни на секунду от этой работы не отрываясь, поднять троих детей — какой тут действительно нужен характер!

Собирая на четвертом курсе материал для сценария о школе, студентка настолько глубоко окунулась в ее проблемы, что даже главное Валентино призвание как будто отошло на второй план. К тому же Никиткина поняла, что слишком мало еще знает, чтобы писать о школе. И Валентина Яковлевна пошла туда работать. За пятнадцать своих школьных лет — от пионервожатой до директора — она хорошо узнала школу, но все-таки вернулась в кино.

Первой ответственной и крупной работой Валентины Яковлевны можно считать «Летопись полувека» — документальную ленту к юбилею революции. Тогда впервые столкнулась Никиткина с тем, как трудно из огромного жизненного материала отобрать самое необходимое.

Должны были снимать в Высочанах картину «Доктор из нашей деревни» о враче, Герое Социалистического Труда Алексее Гавриловиче Антонове. Сколько он сделал для села! Сам вместе с сельским медперсоналом построил в деревне больницу на пятьдесят коек. Как же важно было не принизить унылым повествованием яркую судьбу такого человека...

Оказалось, всего в сценарии не предвидишь. Когда приехали на место, встретились в Высочанах со студенткой-практиканткой Витебского мединститута Светланой. Неожиданно для всех Светлана стала одним из действующих лиц фильма. И совсем иначе зазвучали слова Антонова, когда он заговорил с начинающим врачом, будущей своей сменой...

«Разговорить» человека перед камерой — чуть ли не самая сложная задача документалиста. А в хороших фильмах мы видим, как люди, крайне далекие от актерства, держат себя так, будто всю жизнь выступали с экрана. Людей ли специально отбирают таких, что не сробеют, или снимают их тайком, скрытой камерой?

— Ни то, ни другое, конечно, — объясняет Никиткина. — Тем и трудны такие вот синхронные съемки, что одна на другую не похожи. Иногда на то, чтобы «разговорить» собеседника, уходит страшно много времени. Не включая камеру, спрашиваю о том, о сем, рассказываю о себе. Никогда не боюсь задавать вопросов, ведь человеку всегда хочется поделиться с собеседником тем, чего тот не знает, и он быстрее «включается». А иногда... В том же «Докторе из нашей деревни» был эпизод, в котором Светлана плакала оттого, что умер неизлечимо больной человек. Как снимали? Мы сидели с ней вдвоем в узенькой раздевалке для врачей. Осветительные приборы будто бы случайно остались от прошлой съемки, микрофон спрятан в карман одного из халатов. Оператор снимает из коридора, через открытую дверь. Мы разговариваем. Нет, конечно, мы никогда тайком не используем отснятый материал, мы потом сказали Светлане, что снимали ее, но она лишь рукой махнула: «Зареванная я...» В таких ситуациях, я думаю, есть одна только подсказка — твоя совесть.

Валентина Яковлевна права: совесть — главный помощник в выборе средств для работы с людьми. Но ведь далеко не перед каждым готов человек обнажить свою душу. Он раскроется, если почувствует, что перед ним не просто до-

Хроника о любви

Валентина Яковлевна Никиткина: «Меня привлекают люди села...»

тошный «киношник», а отзывчивый человек, которому дорого твое дело и твоя жизнь, что твои слезы могут вызвать слезы и у него и любое движение твоей души будет им замечено и понято правильно. Помните кинокадр, когда председатель колхоза из «Милых красавиц России» не смог сдержать слез перед камерой? Он знал, кому, как не Валентине Яковлевне, понять его. Ведь судьбы похожи — оба прошли войну...

Валентина Яковлевна пишет и снимает в основном о селе. Почему?

— Прежде всего, конечно, потому, что меня привлекают люди села — они по-настоящему умеют отдавать себя, свой труд другим. Первый раз я почувствовала это во время съемок в селе Черняном. Сняв там фильм «Три спасибо в день» и уехав домой, я вдруг заскучала по селу. И вернулась, чтобы снять «Черняновские хроники».

Мне хотелось показать, как люди берегут эту землю, растят на ней хлеб, как течет их будничная жизнь. Потом я возвращалась еще три раза, сняла картины «Крестьянские дети, или Пора экзаменов», «Первая весна» и «Хлеб завтрашнего дня». И чем глубже узнавала я этих людей, тем больше хотелось для них сделать...

На одной из бесконечных заснеженных фронтовых дорог отстала Валя от медсанбата. На окраине какого-то села постучалась в избу и попросилась переночевать. Не очень-то симпатичной показалась девочке хозяйка, неразговорчивая и неласковая. Ну да ладно, скорее поесть и на печку — спать. Утром хозяйка разбудила ее, и у Вали перехватило дыхание: вся ее одежда была выстирана, высушена и отглажена, шинель отчищена, тяжелые кирзовые сапоги просушены и смазаны. Значит, женщина всю ночь работала, чтобы к утру поспеть. А мыла у

нее почти не было, это Валя еще с вечера заметила.

— Никогда не забуду я этот урок доброты: делать в полную силу что можешь именно тогда, когда это нужно другому, не ожидая ни просьбы, ни намека, сердцем узнавая о необходимости помочь...

83 фильма создала Валентина Яковлевна Никиткина, написала две книги — «Свет на лицах» о своем опыте работы в документальном кино и автобиографическую повесть «Сны со снегами и звездами». К 40-летию Победы она награждена орденом Отечественной войны II степени. Выше многочисленных призов на всесоюзных и международных кинофестивалях ценит Никиткина зрительское признание. Знаете, сколько ей пишут и какие это сердечные и благодарные письма!

Екатерина БАРАБАШ

Ткачиха
Вита Купстите.

Ярмарка

«Этой ярмарки краски...»

Покупка
так
покупка! —
на
радость
всей
деревне.

...Дети сосредоточенно мяли податливую глину, дивясь на свои руки и все больше в них веря. Никто не стал бы смеяться, если б ничего и не получилось. Подбодрили бы, утешили,

предложили покататься на пони, угостили баранкой или позвали послушать, как играет маленький оркестрик. И все же — как хотелось, чтоб вышло! Здесь, в Шяуляе, этого особенно хочется.

Именно здесь, на традиционной ярмарке ремесел. Вышивальщицы, вязальщицы, гончары и резчики по дереву съезжаются в Шяуляй, когда позади летняя страда и упорный труд земледельцев воплощен в том, что не совсем точно называют «дарами» осени. Приезжают не для того, чтоб лишний раз полюбоваться литыми помидорами или крутобокими яблоками, — вернее, не только для этого. Здесь крестьянская Литва предстает еще и искусной мастерицей. Теплота керамики и изысканность плетеных корзинок, уют тканых ковров, и лукавство деревянных фигурок — во всем этом столько радости!

Потому так празднично бывает каждый год в Шяуляе в день народных ремесел. Потому так важно было ребятишкам, чтобы в их руках куски глины «заговорили» с каждым, кто только на них взглянет.

В. КОЛЧЕВ

На первой странице обложки — Она Стракшене. Ее вязаные и домотканые изделия пользуются успехом на ярмарке.

Фото Вадима ОПАЛИНА.

ЧТО ПОКАЗАЛ СМОТР

Проведенный вновь ЦК профсоюза работников сельского хозяйства совместно с редколлегией журнала «Крестьянка» Всесоюзный общественный смотр условий труда, быта и отдыха трудящихся женщин еще раз убедительно показал, что там, где хозяйственные руководители и профкомы проявляют конкретную и повседневную заботу о сельских труженицах и их семьях, заметнее трудовые достижения, успешно выполняются государственные планы.

В пензенском колхозе «Гигант» женщины составляют почти половину коллектива. Хозяйство — правофланговое в социалистическом соревновании не только в Кузнецком районе, но и во всей области. На самых ответственных участках — в цехе животноводства и растениеводстве — женщин большинство. И забота о них здесь не знает перерывов или каникул.

На фермах действуют два медицинских профилактория. Причем один введен в строй с учетом пожеланий работниц в прошлом году, во время смотра. На всех участках производства, где трудятся колхозницы, оборудованы санитарно-бытовые помещения. Работающие женщины получают горячие обеды, а те, кому необходимо, и диетическое питание: в колхозной столовой организованы диетические столы. Труженицы отдыхают и лечатся в межколхозных санаториях.

Для каждого ребенка есть место в яслях или детском саду, летом дети отдыхают в пионерском лагере.

Не забыли в хозяйстве и о повышении профессионального мастерства работниц: еще 8 животноводов стали классными специалистами.

Среди победителей смотра и коллектив Аксайской райсельхозтехники Ростовской области. Здесь для всех женщин условия труда приведены в полное соответствие с санитарно-гигиеническими нормами. Только по совершенствованию технологических процессов и условий труда внедрено более 40 рационализаторских предложений, из них 12 внесли сами работницы. Многие женщины повысили свой профессиональный уровень — возможности для этого есть.

Окружены заботой женщины-строители в Слонимской мехколонне Гродненского облмежколхозстроя. Улучшая организацию труда, все более механизировав его, здесь стремятся к тому, чтобы в первую очередь облегчить условия работы женщин — маляров, штукатуров. Действует свой спортивно-оздоровительный комплекс, оборудована комната гигиены, регулярно проводятся медицинские обследования. В результате заболеваемость женщин резко сократилась.

Почетной грамотой ЦК профсоюза и дипломом редколлегии журнала награжден также колхоз имени Жданова Запорожской области. Это хозяйство — неоднократный победитель Всесоюзного социалистического соревнования. В колхозе созданы условия и для производительного труда, и для отдыха. Много лет работает

народный хор, который не раз становился победителем областных смотров самодеятельного искусства. В сельском Доме культуры в различных объединениях по интересам занимаются более 120 колхозниц.

Число коллективов, где женщинам-труженицам уделяется повседневное внимание, неуклонно растет. Но, к сожалению, далеко не везде добрые намерения подкрепляются конкретными делами, действительными усилиями хозяйственных руководителей и комитетов профсоюза.

По-прежнему, как показывают проверки да и поступающие письма, в ряде колхозов, совхозов, других предприятий сельского хозяйства многие женщины заняты ручным трудом, они не в полной мере пользуются положенными льготами и преимуществами. В некоторых хозяйствах Красноярской и Борского районов Куйбышевской области никак не приведут в порядок санитарно-бытовые помещения на фермах. Для женщин не оборудованы гардеробные, в бытовках нет горячей воды.

В Узбекистане, Туркмении и в некоторых других регионах даже лучшим труженицам, передовикам производства длительное время не присваивают классность мастеров растениеводства, орошения и животноводства.

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР и ВЦСПС завершается переход на новые предельно допустимые нагрузки для женщин при подъеме и перемещении тяжестей вручную, но далеко не во всех хозяйствах разработаны мероприятия по осуществлению этого постановления.

Еще раз хочется сказать о спецодежде. Для тружеников села по установленным типовым нормам она выделяется в полном объеме. И качество ее заметно улучшилось. Необходимо, чтобы каждое хозяйство вовремя составляло заявку с указанием ростов и размеров и только комиссионно принимало спецодежду от Госкомсельхозтехники на склады, а затем организовывало стирку, химчистку и ремонт как на месте, так и в комбинатах бытового обслуживания. По всем этим вопросам имеются указания Советов Министров союзных республик. Кроме того, Госплан СССР и ЦСУ СССР письмом от 25 февраля 1985 года разъяснили всем органам, что работы по химчистке и стирке спецодежды теперь планируются и учитываются предприятиями бытового обслуживания.

Сейчас на всех сельскохозяйственных предприятиях завершается разработка комплексных планов улучшения условий, охраны труда и санитарно-оздоровительных мероприятий на будущее пятилетие. В них есть специальные показатели, касающиеся трудящихся женщин. Профсоюзные комитеты обязаны добиться реализации намечаемых мер. Наши труженицы заслуживают и внимания, и заботы.

А. ПОПОВ,
секретарь ЦК профсоюза
работников сельского хозяйства.

ЛЮБАВИН

Главы из неопубликованной книги

Обидно рано оборвалась жизнь замечательного писателя, актера и режиссера Василия Макаровича Шукшина. Не все задуманное он успел осуществить. Незавершенной считал и вторую книгу своего романа «Любовины»...

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию главы из этой книги.

Иван Любавин возвращается в родную деревню, где живут его отец и брат Пашка. Едет он туда вместе с молодыми учителями Майей и Юрием. А первым, кого встречает, оказывается секретарь райкома Родионов, когда-то любивший мать Ивана...

...Жены Родионова не было дома, зато была дочь.

— Здравствуйте,— сказал Иван, входя в ту самую комнату, в которой они с секретарем пили вчера чай.

Ему негромко ответили:

— Здравствуйте.

На диване, поджав под себя ноги, лежала крупная женщина с красивой шеей и маленькой, гладко причесанной головой. Читала книгу. На Ивана посмотрела мельком—поздоровалась и отвернулась. Короткая юбка ее вздернулась. Он так поспешно отвернулся, что у него в шее что-то хрустнуло.

— Познакомься, Мария,— сказал Родионов,— это Любавин Иван, мой старый друг.

Мария повернула голову к Ивану: в глазах ее, серых, спокойных, немножко усталых,—ленивое любопытство. Подала крупную белую руку. Иван пожал ее, пожал немножко крепче, чем обычно, когда знакомился с женщинами. Увидел, как на короткий миг глаза ее стали чуть-чуть веселей. Она, не стесняясь, окинула взглядом всего его.

— Что-то больно молод для старого друга,— сказала она и улыбнулась. Улыбка у нее скупая, злая, усталая—уголки губ вниз. Но именно она, эта улыбка, врезала вдруг в сознание Ивана мысль, что женщина эта красива. Красива не той легкой, скоро отцветающей красотой, а прочной, никому не нужной, нехорошей красотой. Такая красота знает, что она—красота, и уж не заволнуется, не забудет о себе, не испортит себя слезами... И она всегда каменным образом ждет себе кого-нибудь, кого может подчинить своей власти. Без подчинения себе, без поклонения она не мыслит существования, тоскует. Поэтому она никому не нужна—ее боятся. Боятся, потому что очень уж снисходительно, очень спокойно выбирает она тех, кого должна подчинить, а подчинив, так же спокойно и снисходительно ждет других. Она всегда ждет—вот что пугает. И, может быть, именно поэтому к ней так тянет—всем хочется оказаться счастливее других. Иван один раз в жизни уже встречал такую красоту—женщину с такой красотой. Во время той самой драки, когда сердце его пронизывал смертельный холодок, такая же вот красивая стояла и спокойно смотрела на все. Не кричала. Не звала на помощь. Стояла и смотрела. И за

это любил ее Иван. Это была его жена. Из-за нее потом, когда она ушла от него, мучился и не находил себе места. Но только та, кроме всего прочего, была очень глупа, и это делало ее особенно неумолимой.

— А где мать наша?—спросил Родионов у дочери.

— Пошла в кино.

Мария встала с дивана, поправила юбку, пошла из комнаты—рослая, легкая, с крутыми бедрами. Юбка и кофта были тесны ей—так, наверно, было задумано. Это должно было доконать того, кого она ждала, чтобы подчинить себе.

«Уж не меня ли она ждет?»—с тревогой подумал Иван.

...Мария села рядом с Иваном, причем так, что ногой—бедром—коснулась его ноги, но не обратила на это внимания. Ивана опять охватило тревожное и радостное предчувствие.

«Нет, тут что-то будет»,—подумал он. Угрюмость понемногу сходила с его лица, глаза засветились необидной насмешливостью. Он потихоньку убрал свою ногу и опять подумал: «Будет дело».

— А ты чего в кино не пошла?—спросил Родионов.

— Не хочется,—ответила Мария, лениво перегнулась назад, через стул, включила приемник. Опять коснулась своей ногой ноги Ивана. И опять не обратила на это внимания, причем действительно не обратила: Иван умел разбираться, когда не обращают внимания, а когда делают вид, что не обращают. Он не убрал свою ногу.

Из приемника полилась хорошая музыка. А может, показалось, что хорошая. Во всяком случае, с музыкой Ивану стало еще лучше.

— Странное вы поколение, молодые люди,—заговорил Родионов,—иногда просто трудно понимать вас.

— Мы пассивные, неинициативные, равнодушные,—спокойно стала перечислять Мария.—Неужели активность в том только и заключается, чтобы в кино каждый вечер бегать?

— Не в том, конечно.

— А в чем?—Мария взяла со стола спички, прикурила.

— А в том хотя бы, что ты вот куришь! Да еще при отце.

Мария слабо усмехнулась, но продолжала курить.

— Ведь это же дико!—Родионов по-

смотрел на Ивана, точно призывая его согласиться с ним.

— А без отца не дико?

Родионов сердито глянул на дочь. И отвернулся. Видно, это был старый разговор у них.

— Я понимаю, о чем ты говоришь, отец. Но вот чего я действительно не понимаю: почему я сейчас должна волноваться, суетиться, проявлять инициативу?.. Во-первых, где проявлять? На работе? Я неплохо работаю, меня даже хвалят. Что еще? Целина? Но сколько бы я ни волновалась по поводу целины, я ничего не изменю—ее вспахнут без меня. И посеют, и уберут хлеб, и выполнят план. Что еще? Государственные вопросы? Там тоже без меня все сделают. Что я должна делать, чтобы не казаться равнодушной? Заметки писать в областную газету? Не умею... Все идет своим чередом—что же тут волноваться?.. А в кино не люблю ходить—неинтересно. Фильмы неинтересные. Ну, что я могу сделать, если фильмы неинтересные?.. Если я знаю заранее, чем все кончится, кто кого полюбит, кто будет прав, кто виноват. Скучно.

— Что ты с фильмами привязалась? Не в фильмах дело...—Чувствовалось, что отец не сразу находит, как возразить дочери, и от этого больше злится.

Иван с интересом слушал перепалку отца с дочерью.

— А в чем?

— А в том, что ты вот сейчас сидишь и преспокойненько меня же спрашиваешь: «А почему я должна волноваться?» Да ты молодая, черт возьми-то! Поэтому. Почему я, старик, должен волноваться?

— По должности.

— Поехала!.. Не то ведь совсем говоришь! И не так думаешь. Кривляешься.

— Возможно.

«Сам ты не то говоришь»,—с досадой и сожалением подумал Иван: его начала раздражать деланная невозмутимость молодой женщины. Захотелось, чтобы ей хорошо, крепко ответили.

— Вот!.. Вот это самое и называется равнодушием.

— Неубедительно.

Иван заскучал. Разговор перестал его интересовать. Кроме того, ему разонравилась Мария. Захотелось уйти домой.

— Пожалуй, поздно,—сказал он, глядя на Родионова. Тот спохватился.

— Ты что? Ну нет. Это, брат, нет...

Иван усмехнулся, вспомнив брата Пашку: сидит сейчас, наверно, с отцом и с Гринькой и учит их петь про восемнадцать лет.

— А вы с кем согласны: с отцом или со мной?—спросила вдруг Мария.

Иван спокойно посмотрел ей прямо в глаза.

— Мое дело маленькое.

— Ну, а все-таки? Вы же слышали, о чем мы говорили...

— А о чем вы говорили?—Ивана охватило непонятное раздражение. Показа-

МНЫ

Василий ШУКШИН

лось ему, что женщина ждет от него какой-нибудь смешной глупости — тоже, видно, заскучала. — Вы в общем-то ни о чем и не говорили. А вы особенно.

— Так их, Иван! — поддакнул Родионов и испортил все дело: Иван замолчал.

— Так, — неопределенно сказала Мария и опять, как давеча, просто и весело оглядела его всего, потом внимательно посмотрела в глаза.

— Что? — спросил Иван.

— Ничего...

«Воображаешь из себя много», — подумал о ней Иван. И почувствовал, что женщина наступила ему на ногу. Иван ухом не повел. Как сидел, так продолжал сидеть — в сторону Марии не посмотрел... Женщина опять наступила на его ногу. У Ивана сдвоило сердце... Он откинулся на спинку стула, нехотя полез в карман за папиросами. На женщину опять не посмотрел. Она убрала ногу.

«Вот так. Так-то оно лучше будет», — весело и победно подумал Иван. Домой идти расхотелось.

— Ну так споем? — Родионов посмотрел на Ивана.

— Я певец неважный. Подтянуть, если что, могу, — сказал тот.

— Какую вы любите? — спросила Мария.

— Гоп со смычком. — Иван посмотрел на женщину и улыбнулся. И понял, что пощупил рискованно: у той нехорошо дрогнули крупные ноздри красивого прямого носа, и так же, чуть дрогнув, сузились холодноватые глаза. — Русскую какую-нибудь.

Родионов встал.

— Сейчас гитару принесу, — сказал он и вышел из комнаты.

Иван внутренне весь подобрался — ждал.

— Вы молодец, — насмешливо сказала Мария.

— Спасибо, — вежливо поблагодарил Иван. И спокойно, и серьезно посмотрел на нее. — Стараюсь.

Мария слегка растерялась. Иван понял, почему: она, видите ли, позволила себе вызывающе смелый жест — наступила на ногу. А это не приняли. (Причем это, конечно, надо было принять и понять как знак союзнической солидарности в борьбе со стариками.) Но после этого молодой союзник может «по-товарищески» обнять женщину за талию, а при удобном случае притиснуть в углу. И тогда-то получит в ответ обжигающую пощечину. Иван эти штучки знал. Потом выяснится, что она просто «хотела обратить его внимание

Рис. Е. ФЛЕРОВОЙ.

на то-то и на то-то, а он, оказывается, понял это вон как!..».

«Сильно умная», — думал Иван о женщине. Он не хотел затевать с ней никакой игры. Он устарел для игры.

— А где гитара-то, Мария? — спросил из другой комнаты Родионов.

— На комодке, наверно! — громко сказала Мария. — Или за ящиком.

Иван аккуратненько мизинцем стряхнул пепел в блюдечко.

— Вы оригинальничаете или действительно такой? — спросила женщина.

— Какой?

— Такой... что-то вроде телеграфного столба — прямой и скучный.

— Я бы ответил, но неудобно — в гостях все-таки.

— А вы коротко — в двух словах.

— В двух словах не умею. Я не учитель.

— А вы кто, кстати?

— Шофер.

Женщина не сумела скрыть удивления. Ивана это окончательно развеселило. Он повернулся к женщине и тут со всей ясностью понял: она красива, как черт ее знает кто!

— Что? — спросил он и опять улыбнулся.

Женщина ничего не сказала, пристально и серьезно смотрела на него.

Родионов нашел наконец гитару. Неумело забренькал, направляясь к ним.

— Ну-ка!.. — сказал он, подавая гитару дочери.

Мария взяла ее, отодвинулась со стулом от стола, положила ногу на ногу...

— Так что же?.. — Мария посмотрела с усмешкой на Ивана.

— Что хотите. Спойте только одна.

Мария подстроила гитару, подумала... Запела негромко:

Не брани меня, родная.

Что я так его люблю...

При первых же звуках песни, необычайно верно выбранной, у Ивана заболело в груди сладко и мучительно. Пела Мария хорошо, на редкость хорошо — просто, тихо, точно о себе рассказывала. А Иван так и видел: стоит русская девка в сарафане и просит матушку: «Не брани ты меня, милая, не надо...» Мария пела и задумчиво смотрела в темное окно. Гитара тоже задумчиво гудела, навевала ту тихую грусть, которая где-то когда-то родилась и осталась жить в песне.

Я не знаю, что такое

Вдруг случилось со мной...

«Ох ты!..» — Иван посмотрел на Родионову. Тот сидел, накоршунившись над столом, печально смотрел в стол. Наверно, многое он прощал дочери за ее песни. И стоило. Ах, какая же это глубокая, чистая, нерукотворная красота — русская песня, да еще когда ее чувствуют, понимают. Все в ней: и хитреца наша особенная — незлая, и грусть наша молчаливая, и простота наша неподдельная, и любовь наша неуклюжая, доверчивая, и сила наша — то гневная, то добрая... И терпение великое, и слабость, и стойкость — все.

Мария допела песню, положила ладонь на струны, посмотрела с улыбкой на Ивана и на отца; она знала, что поет хорошо.

— Чего носы повесили?

Родионов очнулся, поднял глаза, внимательно и долго смотрел на дочь, точно изучал.

— Давайте вместе какую-нибудь? — предложила Мария.

— Ну уж нет! — возразил Иван.

Родионов тоже сказал:

— Зачем? Спой еще.

— Я о прошлом уже не мечтаю... — запела Мария, и опять властное чувство щемящей тоски и скорби — странной какой-то скорби: как будто вовсе и не скорбь это, а такое состояние, когда говорят: «Э-э, да чего мы! Вот она, жизнь-то! Жить надо!» — такое чувство опять сразу охватило Ивана. И он увидел степь и солнце... И почему-то зазвенела над степью милая музыка далекого детства — точно где колокольчики вызванивали тихо и тонко. В таком состоянии люди плачут. Или молятся. Или начинают любить.

«Наверно, я влюбился в нее», — думал Иван. И не пугался, и не тревожился больше. — Значит, песни эти будут мои. Вся она моя будет». Это радовало.

У Родионова были другие мысли. Он думал:

«Почему я еще горюю? Да у меня же хорошая жизнь была — я же любил всю жизнь. Другие в двадцать пять лет скисают, а я всю жизнь любил. Радоваться надо, а не горевать».

Песня кончилась.

Долго все трое сидели молча — додумывали те думы, какие породила песня. Жалко было уходить из того смутного, радостного и грустного мира, в который вводила песня.

— Да-а, — сказал Родионов. — Так-то, братцы.

Иван смотрел на руку женщины, лежащую на струнах, и его подмывало сильное желание взять ее и положить себе на грудь...

* * *

Танцы в клубе были в разгаре.

Иван купил в окошечке, в фойе, билет, вошел в зал. И первого, кого увидел, брата — Пашку. Пашка танцевал с той самой девушкой, с которой ехал сюда Иван, — с Майей. Иван присел на стул возле стенки, стал смотреть на танцующих. Подумал: «Вообще-то никакого тут не захолустье. Девки одеваются так же, как в городе. Даже лучше — скромнее».

Пашка, проходя мимо него, сделал рожу: Иван понял это так: держу в руках такое, что самому не верится. Майя была очень стройная девушка... В общем, красивая. Она тоже увидела Ивана, улыбнулась, кивнула головой. Иван улыбнулся в ответ.

Когда танец кончился, Пашка с Майей подошли к нему.

— Пospорили из-за тебя, братка! — заорал радостный Пашка. — Она говорит, что ты не танцуешь, а я говорю — танцует...

Майя засмеялась, откинув назад голову. Пашка смотрел на нее, улыбался... А глаза не улыбались, глаза пожирали красивую девушку. Похоже было, что он опять влюбился. И сейчас был тот момент, когда он, расправив крылья, готов был взлететь в голубой вольный мир изменчивого, трудного своего счастья.

Майю позвали; в клубе были еще двое из тех, с кем ехал сюда Иван: парень-учитель и вторая девушка. Поздоровались с Иваном. И увели Майю. Пашка проводил ее тоскливым взглядом.

— Нравится? — спросил Иван.

— А?.. Кошмар, — сказал Пашка, — меня опять сфотографировали.

— Хорошая девушка, — подзадорил Иван. — Скромная, умная...

Пашка заволновался, поправил рубашку, хэкнул...

Заиграла музыка. С Майей пошел танцевать парень-учитель. Пашка не мог спокойно смотреть на это.

— Пойдем покурим, — сказал он.

Вышли в фойе, закурили. Стояли и смотрели на танцующих через дверь. Иван заметил, как проходившие около двери девушки окидывают его оценивающим взглядом.

«Мария всех бы тут заслонила», — подумал Иван, и опять в душу его вьелось сомнение. Подумалось, что не мужа ищет и ждет Мария, не любви, а чего-то другого, черт ее знает чего.

— Ерунда, — сказал Пашка. — Если враг не сдастся, его уничтожают. Это я тебе как танкист говорю.

— Нет, плохо твое дело. Ты видишь, как он на нее смотрит?

— Ну и что? Пусть пока посмотрит.

— Пока посмотрит, а там, глядишь, комсомольская свадьба.

Пашка посмотрел на брата и ничего не сказал, он сам чуял немалую опасность со стороны этого парня-учителя.

Танец кончился.

— Пойдем, — сказал Иван, — не зевай, главное.

Вошли в зал.

С ходу заиграла музыка. Объявили:

— Дамский танец!

Пашка пошел было в ту сторону зала, где сидела Майя, но она сама шла к ним.

— У меня будет беспартийная свадьба! — гордо сказал Пашка, возвращаясь на место. — Сама идет.

Но Майя шла не к нему, а к Ивану.

— Пойдемте, я вас приглашаю!

— Но я же...

— Ничего, надо учиться. Пойдемте, пойдемте. Это вальс, очень просто.

Иван положил тяжелую руку на ее беленькое полуголое плечико... Майя сняла ее, взяла в свою руку.

— А правой поддерживайте меня слегка за талию, — велела она. — Так. Теперь пошли... Раз! Делайте, как я. Раз... два... Пошли с грехом пополам.

— Вот и получается! — Майя была довольна.

«Пашка сейчас рвет и мечет», — думал Иван.

— Охота вам возиться со мной. Павел-то хорошо ведь танцует.

— Он действительно ваш брат?

— Да.

— Он очень смешной. Он говорит, что влюбился в меня. — Майя засмеялась.

Иван серьезно смотрел на нее. А сам думал: «Вот первая ошибка Пашкина — сразу про любовь начинает».

— А что тут смешного? — спросил он.

— Ну как же!.. Первый раз видит и сразу — влюблен.

— Бывает и так.

— С вами так бывало?

«Выпила она, что ли?» — недоумевал Иван. Уж очень смело, свободно держит себя. Учительница все-таки...

— Бывало. Сколько раз.

— Да? А вы женаты?

— Женат, — соврал Иван. Девушка его не интересовала. Даже неудобно стало, что он таскается с ней по залу — на смех людям.

— Все, — сказал он, — натанцевался. Голова закружилась.

— Ну-у, такой большой, а голова закружилась.

Иван подвел ее к Пашке.

— Выручай, браток, я не могу больше.

Пашка взял Майю и умчал ее на середину зала.

Иван вышел на улицу и широким, решительным шагом направился к Родионовым. После того, как он подержал в руках чужую, ненужную ему женщину, в нем пробудилось вдруг неодолимое желание взять так же бережно в руки люби-

мую, желанную. Пока шел, выдумывал способ, как вызвать Марию на улицу. Решил так: написать записку и сунуть ей незаметно. А к Родионову у него есть дело: спросить насчет завтра — когда подавать машину.

Остановился у столба, под электрической лампочкой, написал на клочке бумаги химическим карандашом:

«Выйди. Надо сказать пару слов».

Все Родионовы были дома. Мария слушала музыку в своей комнате, Кузьма Николаич сидел в прихожей на корточках — чинил примус, хозяйка кроила на столе в другой комнате материю.

— Здравствуйте, — сказал Иван, увидел через дверь Марию, и у него екнуло сердце.

Родионов поднялся.

— Я на минуту, — сказал Иван, проходя в комнату Марии. — Я хотел спросить: когда завтра выезжаем? — Получилось так, что он прошел в комнату впереди секретаря.

— Завтра никуда не поедет. — ответил Родионов. — Садись.

Иван остановился около Марии, заслонил ее собой от Родионова, бросил на колени ей бумажный комочек-записку. И отвернулся. Он не видел, взяла ли она его, — почувствовал, что взяла. На сердце стало немного веселее.

— Не едем, значит?

— Нет. Садись.

— Да я на минуту... хотел спросить только.

— Садись! Чаю поьем сейчас, — настаивал Родионов, но Иван уперся на своем.

— Нет, пойду. Спасибо большое.

— Ну-у, елки зеленые!.. — Кузьма Николаич был огорчен. — Чего так?

— Да надо идти. — Ивану не терпелось уйти. Не терпелось скорей начать ждать. Что если выйдет! Почему-то не верилось, что Мария выйдет. Неужели выйдет?

Попрощавшись, он вышел на улицу, облегченно вздохнул... Отошел к воротам, прислонился к столбу, закурил.

«Заварил кашу».

Ждать пришлось долго. Иван решил уже, что Мария не выйдет, но отойти от столба не было сил. Стоял, материл себя.

Вдруг сеничная дверь скрипнула; кто-то вышел на крыльцо, остановился... Иван отделился от столба, кашлянул... Мария — это была она — спустилась с крыльца, подошла к нему.

— Ну?

Белело в темноте ее холеное крупное лицо, блестели веселые холодные глаза.

— Сейчас скажу... — охрипшим голосом проговорил Иван: он струсил. — Нравись ты мне.

Мария усмехнулась. Некоторое время молчала, потом спросила:

— Все?

— А чего еще?

— Можно идти?

Иван растерялся... Долго молчал.

— Что ты из себя строишь вообще-то? — спросил он, желая казаться спокойным. — Ты можешь объяснить?

Мария засмеялась. Смеялась негромко, весело, в нос. Иван пошел прочь от нее. Стало невыносимо тяжело и стыдно. Шаггал, матерился шепотом и думал:

«Ну, ладно. Это вы над Любавиными смеетесь? Ладно».

Вспомнилось почему-то, как смеялась в клубе над Пашкой веселая девушка Майя.

«Ладно».

(Окончание в следующем номере).

199 лет назад в Шотландии выпшел томик стихов, написанных молодым бедным фермером. Сам себя он считал неплохим пахарем, лихо справлялся с молотьюбой... «Все знают наш деревенский обычай, — вспоминал он, — во время жатвы давать парням в подручные девушек. Моей помощницей была прелестная девочка, всего одной весной моложе меня. У нас в Шотландии про таких говорят: «Хорошая, пригожая да ласковая». Короче говоря, она, сама того не зная, впервые пробудила в моем сердце ту пленительную страсть, которую я и по сей день, несмотря на горькие разочарования, опасливую житейскую мудрость и книжную философию, считаю самой светлой из всех человеческих радостей...»
Имя молодого фермера и поэта —

Роберт БЕРНС

* * *

В полях, под снегом и дождем,
Мой милый друг,
Мой бедный друг,
Тебя укрыл бы я плащом
От зимних вьюг,
От зимних вьюг.

А если мука суждена
Тебе судьбой,
Тебе судьбой,
Готов я скорбь твою до дна
Делить с тобой,
Делить с тобой.

Пускай сойду я в мрачный дол,
Где ночь кругом,
Где ночь кругом, —
Во тьме я солнце бы нашел
С тобой вдвоем,
С тобой вдвоем.

И если б дали мне в удел
Весь шар земной,
Весь шар земной,
С каким бы счастьем я владел
Тобой одной,
Тобой одной.

ПЕСНЯ

Ты свисти — тебя не заставлю я ждать,
Ты свисти — тебя не заставлю я ждать.
Пусть будут браниться отец мой и мать,
Ты свисти — тебя не заставлю я ждать!

Но в оба гляди, пробираясь ко мне.
Найди ты лазейку в садовой стене,
Найди три ступеньки в саду при луне.
Иди, но как будто идешь не ко мне,
Иди, будто вовсе идешь не ко мне.

А если мы встретимся в церкви, смотри:
С подружкой моей, не со мной говори,
Украдкой мне ласковый взгляд подари,
А больше — смотри! — на меня не смотри,
А больше — смотри! — на меня не смотри!

Другим говори, нашу тайну храня,
Что нет тебе дела совсем до меня.
Но, даже шутя, берегись как огня,
Чтоб кто-то не отнял тебя у меня,
И вправду не отнял тебя у меня!

Ты свисти — тебя не заставлю я ждать,
Ты свисти — тебя не заставлю я ждать.
Пусть будут браниться отец мой и мать,
Ты свисти — тебя не заставлю я ждать!

ЗАСТОЛЬНАЯ

У женщин нрав порой лукав,
И прихотлив, и прочее, —
Но тот, в ком есть отвага, честь, —
Их верный раб и прочее.

И прочее,
И прочее,
И все такое прочее.
Одну из тех, кто лучше всех,
Себе в подруги прочу я.

На свете чту я красоту,
Красавиц всех и прочее.
От них отпасть,
Презреть их власть —
Позор, и грех, и прочее.

Но есть одна. Она умна,
Мила, добра и прочее.
И чья вина, что мне она
Куда милей, чем прочие!

* * *

Пробираясь до калитки
Полям вдоль межи,
Дженни вымокла до нитки
Вечером во ржи.

Очень холодно девчонке,
Бьет девчонку дрожь:
Замочила все юбочки,
Идя через рожь.

Если кто-то звал кого-то
Сквозь густую рожь
И кого-то обнял кто-то,
Что с него возьмешь?

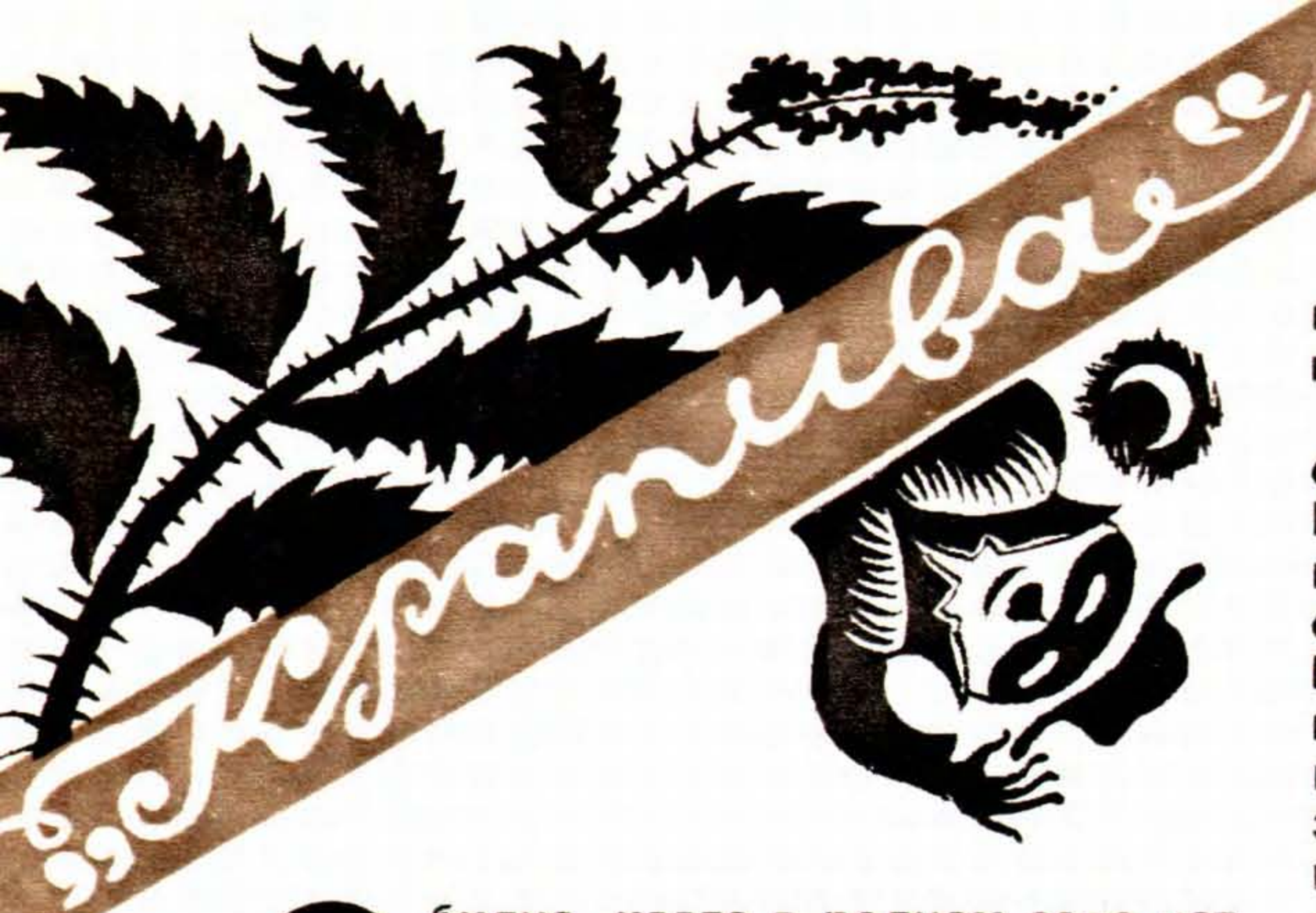
И какая нам забота,
Если у межи
Целовался с кем-то кто-то
Вечером во ржи!..

Переводы С. Маршака

Рис. Е. НОВИКОВОЙ.

СТРОЖИМОЛЮБВИ

Обидно, когда в родном селе нет магазина. Еще обиднее, когда магазин вроде бы и есть, и в то же время его нет: стоит он пригорюнившись, глядит тоскливо и безнадежно на своих бывших покупателей пустыми запыленными витринами. А покупатель с упреком — на него...

Так случилось в селе Базыкино Ливенского района Орловской области. Внезапно сдав дела и рассчитавшись, продавец магазина покинул пределы района и обосновался в соседнем. С тех пор и стоит магазин закрытым, взирая на мир пустыми глазницами. А базыкинцы на попутках едут в город Ливны. За мылом, за солью, за спичками...

— Э, да мы, оказывается, не одиноки! — могут воскликнуть жители деревни Лиль Бокситогорского района Ленинградской области. — Картина такая же, как у нас...

— И у нас, — отзовутся жители села Никитино Щучанского района Курганской области. — Живем друг от друга за тысячи километров, а ситуация одна и та же!

И та, и все-таки немного не та. Потому что базыкинцев, в отличие от лильцев, никто пока не заставляет заниматься подбором кадров продавцов. Лильцам же прямо говорят:

— Если хотите, чтобы работал магазин, — ищите продавца.

А руководители торговли Щучанского района пошли дальше — всю ответственность за малосознательных тружеников прилавка возложили на правление местного колхоза. Они явно не надеются на успех неорганизованных масс...

«Если хотите...» Это новая форма самообслуживания с неограниченными возможностями. Стоит лишь перенести ее на другие сферы жизни — и все давно привычное нам в корне изменится. Хочешь, например, поехать на работу на автобусе — покупай бензин и запасные шины, хочешь помыться в общественной бане — нагрей воды и запасись тазиком, хочешь укоротить брюки — приходи в мастерскую со своей швейной машинкой и складным металлическим метром...

«Если хотите, ищите продавца...»

А в результате под носом у райпо и других контролирующих органов вдруг появляются за прилавком этикие умельцы от торговли, которым в высшей степени наплевать на запросы покупателей, так как все помыслы и деяния этих умельцев направлены на выполнение плана любой ценой и на еще кое-что,

приносящее личное материальное благополучие.

«Дорогая «Крапива»! — пишут жители села Михайловка уже упомянутого выше Щучанского района. — Поглядела бы ты, как работают наши продавцы, когда поступает в магазин много вина и водки. Вдохновенно работают, красиво, с шутками и прибаутками. Зайдешь хлеба купить — а тебе такой взгляд подарят, что забываешь, зачем и пришел. Оно и понятно: люди план делают, а ты с двадцатью копейками лезешь, время отнимаешь».

Если бы спрос так удовлетворялся и на все другие продукты! Так нет же, не удовлетворяется! И очень часто не потому, что этих продуктов на складах и базах нет, а потому, что работники прилавка не знают, чего и сколько надо. Завезешь мало — плохо, завезешь много — еще хуже, залеживаться будет. А тут уж без торговли с нагрузкой не обойтись...

Ведь если бы труженики прилавка села Галибиха Воскресенского района Горьковской области хоть на минуту подумали о спросе, разве они не вспомнили бы, что почти все их покупатели имеют огороды и выращивают капусту? А вспомнив, разве завезли бы они столько этого белоснежного овоща, что, борясь за план, вынуждены были навязывать по кочану к каждой коробке овсяных хлопьев?

Покупатели не удержались от возмущения, но работники прилавка дали им такую отповедь, что пришлось отступить.

Как отступили они и перед продавцами магазина в совхозе «Бояровский» Камешкирского района Пензенской области, где все, что пользуется спросом, продается только с нагрузкой. Даже отпускают рыбу по 37 копеек за килограмм, умельцы в белых халатах, заботясь о покупателе, навязывают ему в нагрузку полкило «Ивасей» по 2 рубля 65 копеек за килограмм.

— Да где же вы, вышестоящие торговые инстанции? — познакомившись с такими фактами, встревожилась «Крапива». — Куда смотрите? Что думаете по этому поводу?

— Лично мы — на месте, — отпарировали руководители торговли Воскресенского района Горьковской области. — Письмо твоих читателей проверили. Факты подтвердились. За торговлю с нагрузкой заведующей магазином А. Максимовой и продавцу А. Турлановой объявили по выговору.

— А мы пошли дальше, — сообщили руководители Витебского облпотребсоюза. — Не только наказали продавцов за антисанитарное состояние магазина в

деревне Старые Крюки, но и обязали правление Миорского райпотребсоюза поставить работу этого магазина на контроль.

«Неужели на контроль? — удивилась «Крапива». — А потребовалось всего лишь отчаянное письмо читателей и вмешательство журнала...»

Как не вспомнить здесь другой случай. Переслала «Крестьянка» письмо работников хлопкозавода г. Джума Самаркандской области в областные торговые инстанции. В письме том говорилось, что некоторые работники местного универмага с честностью и порядочностью находятся в затянувшейся принципиальной ссоре.

— Не может быть! — возмутились вышестоящие торговые руководители. — Ведь работа этого магазина у нас на контроле!

Но возмущение возмущением, а проверять факты надо. И когда проверили, глазам своим не поверили. Все товары, пользующиеся спросом, минуя прилавок, шли транзитом, в обувном и одежном дефиците щеголяли лишь работники торговли, их родные и близкие, цены на товары продавцы устанавливали кому какие вздумается...

Материалы проверки пришлось передать в следственные органы. Продавцы Г. Ачиллова, Р. Мардинов и Т. Махмудова получили по... строгому выговору, директор универмага Ш. Тураева освобождена от должности... на три месяца.

«Крапиву» уверяют, что злостные нарушения правил советской торговли пресечены навсегда. А деятельность Джумского универмага взята на новый строгий контроль...

Значит, что же, можно больше не беспокоиться, получив подобное сообщение? Хотелось бы полагаться на то, что «контроль» — действительно надежный защитник интересов покупателей, а не новая бюрократическая уловка для отвода глаз. Но вот пришло к нам письмо из деревни Боброво Дубровенского района Витебской области. Магазин, сообщали читатели, торгует с нагрузкой. В воскресенье, когда у всех выходной, он не работает, а открыт в часы, когда колхозники целый день в поле и на фермах.

По просьбе редакции руководители торговли Дубровенского района выходной день магазина перенесли на понедельник, торговлю с нагрузкой запретили. И что очень важно — взяли его работу на контроль...

А недавно из этой деревни снова написали: «Дорогая «Крапива», после твоего вмешательства порядок в магазине был наведен. Но через полгода все вернулось на круги своя...»

Так как же быть? Надеяться, что местные инспектирующие органы справятся с выходящими из подчинения и самоуправствующими работниками торговли или взять магазины по всем указанным читателями адресам на контроль «Крапивы»?..

И. ШМЕЛЕВ

В САДУ. Главная забота садовода сейчас — урожай осенне-зимних сортов. Когда приступать к его уборке? В первой половине сентября садоводы средней полосы убирают яблоки: «анис полосатый» и «анис алый», «борвинку», «антоновку шестисотграммовую», «мелбу», «уэлси», «штрейфлинг», «шафран анисовый». А во второй половине месяца более поздние сорта: «китайку», «бефлеркитайку», «антоновку обыкновенную», «апорт», «жигулевское».

В сентябре начинает созревать слива. Самый ранний урожай собираем с «ренклода тамбовского», «рекорда», «скороплодной». Позже созревают «желтая местная» и «скороспелка красная» и, наконец, «венгерка московская», «ренклод северный» и «сизый голубок».

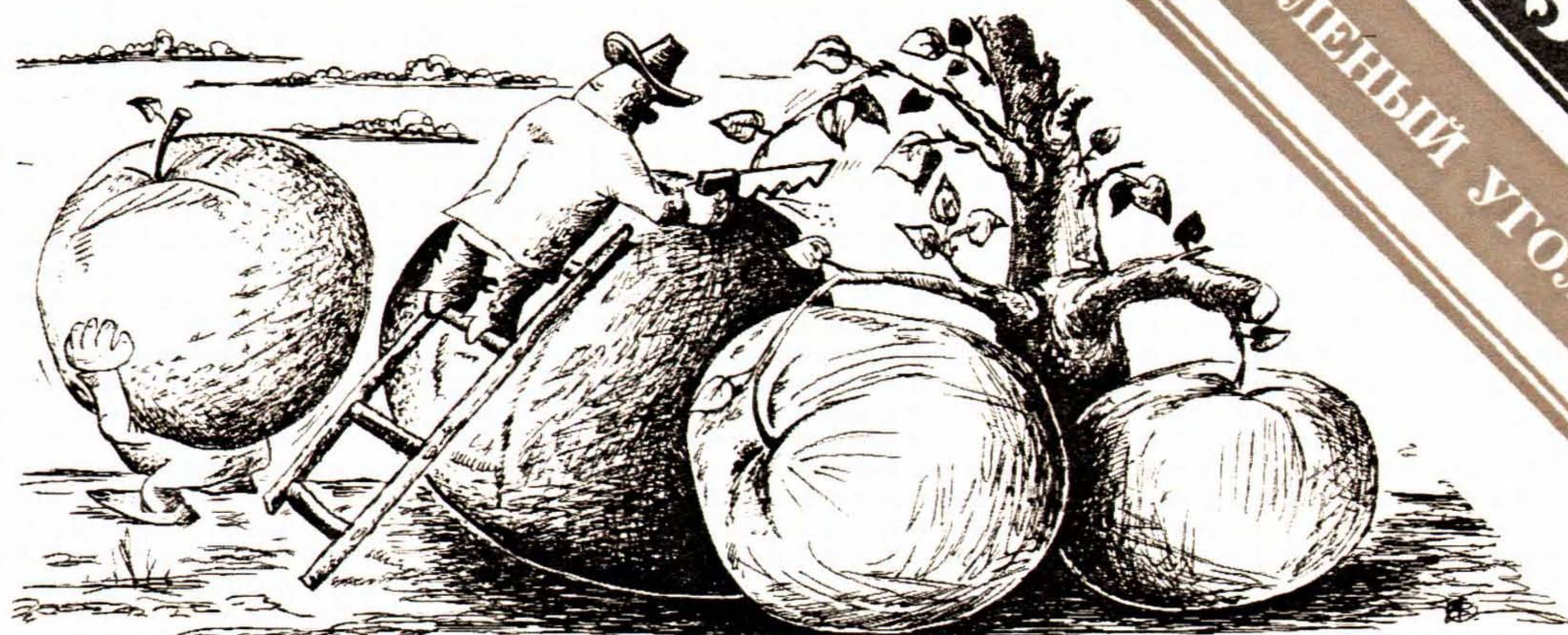
В этом месяце в средней полосе приступают к осенней обрезке плодовых деревьев и ягодников. Вырезают больные и сухие ветви и побеги, растущие внутрь кроны.

Если вы хотите развести на своем участке смородину, то сентябрь — лучшее время для этого. Одревесневшие черенки красной и белой смородины заготавливают в первой половине месяца, а черной — во второй. Для этого выбирают здоровый вызревший однолетний побег и из средней его части нарезают черенки с 5—6 почками. Листья с черенка удаляют. Подготовленный посадочный материал сажают так, чтобы на поверхности осталось две почки. Не забудьте о поливе!

В конце месяца начинают перекопку приствольных кругов плодовых и ягодных культур. Яблоню и грушу перекапывают на глубину до 20 см, сливу и вишню — до 15 см, смородину и крыжовник — на 7—10 см. Эту работу выполняйте аккуратно, лучше вилами, а не лопатой, чтобы не повредить корневую систему растений. Землю необходимо перекапывать от ствола к краю приствольного круга, и пусть крупные комья останутся лежать на зиму: так сохранится больше влаги.

Много работы сейчас и на земляничных грядках. Здесь надо удалить сорняки, взрыхлить землю между рядами, внести удобрения.

Большую популярность в последнее время завоевала у садоводов-любителей облепиха. В условиях средней полосы она дает очень хорошие урожаи, если ее правильно выращивать. Для посадки подбирают открытые, солнечные места с рыхлой, достаточно плодородной почвой.

ОСЕННИЕ ЗАБОТЫ

Вот и наступил сентябрь — первый месяц осени.

Днем еще по-летнему жарко, но ночью уже возможны и заморозки. Спешите использовать тихие, погожие дни «бабьего лета» для уборки урожая и других осенних работ.

Облепиха не выносит застоя грунтовых вод. На 5—6 женских растений высаживают одно мужское. Наиболее ценные сорта облепихи: «дар Катюни», «золотой початок», «витаминная». В сентябре уже можно собирать урожай этой ценной культуры, хотя плоды ее могут оставаться на ветках до морозов.

Заглянем теперь НА ОГОРОД. В начале месяца надо успеть с уборкой помидоров. Их убирают, пока ночная температура не опустилась ниже 7—8°. Опоздаешь — и почти наверняка плоды почернеют, заболели фитифторозом. Помидоры, собранные с больших растений, закладывают на дозаривание отдельно от здоровых, но перед этим их прогревают в горячей воде (с температурой 60° в течение 2—3 минут). Лучшая температура для дозаривания помидоров 20—25°.

В ясные, солнечные дни на-

чинайте выкапывать картофель. Перед закладкой на хранение обязательно просушите его. Собранный урожай сортируют, отбирают на семена здоровые, не очень крупные клубни, для хранения — целые, не поврежденные при уборке.

Одновременно убирают и капусту. Чтобы уберечь созревший кочан от растрескивания, пригните его несколько раз в одну сторону — этим вы нарушите корневую систему растения и ослабите приток влаги в кочан. Кратковременные ночные заморозки (–2—4°) не повредят капусте, если кочаны перед уборкой оттают на корню.

Лук и чеснок, как правило, убирают вместе в первой половине сентября. Надо сделать это до заморозков.

Выбранные из земли лук и чеснок рассыпают тонким слоем для просушки на траве или фанере: солнечные лучи

прекрасно продезинфицируют луковицы. Собранный урожай можно хранить в марлевых или капроновых мешочках, корзинах, ящиках в сухом месте при температуре 18—20°. Не позже середины сентября посадите на зиму чеснок — бульбочками или дольками, внесите хорошо перепревший навоз из расчета 2—4 кг на 1 м².

За всеми этими хлопотами не забыть бы и о цветах. В ЦВЕТНИКЕ работы ничуть не меньше, чем в саду или на огороде. Наступило время посадок. О том, как правильно посадить тюльпаны, нарциссы, гиацинты и другие луковичные культуры, мы уже рассказывали на страницах журнала (№9 за 1983 г.). Теперь очередь за многолетниками. В первой половине сентября делят и высаживают примулы, ромашки, флоксы, ирисы, золотой шар. Перед делением растение выкапывают и режут корневище ножом или лопатой. Если у растения длинные, тонкие корни, то их следует укоротить на 2/3 длины. Георгины, пионы, ирисы и другие многолетники с мясистыми корнями или клубнями делят очень осторожно, стараясь не повредить их корни. Обратите внимание на то, чтобы в каждой части разделенного корневища было не меньше двух спящих почек. Перед посадкой надземную часть разделенного растения срезают, оставляя 2—3 см стебля. Почву под многолетние цветы нужно хорошо заправить органическими удобрениями (10 кг на 1 м²) с добавлением минеральных солей (200 г суперфосфата, 20 г калийной соли на 1 м²). Для растения выкапывают посадочную ямку, на дно которой насыпают небольшую горку земли, на нее и сажают растение, осторожно расправляя корни. Почву вокруг корней хорошо обжимают. После завершения всех работ в цветнике не забудьте убрать с клумб все растительные остатки.

В. СМЕРНОВА, агроном

ПОЧТА АГРОНОМА

«Когда выкапывают клубнелуковицы гладиолусов и как правильно их хранят?.. Кокорева М., Московская обл.».

Выкапывают клубнелуковицы гладиолусов после первых заморозков, в конце сентября — начале октября. Стебель срезают на высоте 10—15 см. Выкопанные клубнелуковицы просушивают при температуре 15—20°. Когда корни клубнелуковицы окончательно высохнут, их аккуратно очищают. Гладиолусы хранят в капроновых или марлевых мешочках или в мелких лотках при температуре 5—10°. Детку собирают и хранят отдельно от крупных клубнелуковиц.

«Как сохранить клубни георгинов?.. Петрова Т., Калининская обл.».

В конце сентября, до наступления заморозков, клубни георгинов выкапывают, аккуратно очищают от земли, надземную часть обрезают. Клубни сушат в защищенном от солнца месте. Хранить их следует в сухом погребе при температуре 3—10° (во влажном погребе клубни быстро загнивают). Их укладывают в ящики, иногда пересыпая сухим песком или опилками.

АПТЕКАРСКИЙ ОГОРОД

В. Иванов, кандидат медицинских наук, заслуженный врач РСФСР

В этот раз мы поговорим о целебных свойствах соков растений вашего аптекарского огорода. В народной медицине соки применялись с древнейших времен. Для лечебных целей рекомендовался только тот, который был приготовлен в свой определенный срок. Для многих растений такой срок — сентябрь.

салаты, пюре, соусы и другие блюда. Шпинат считается ценнейшим диетическим продуктом. Но еще больше его ценят за лечебные свойства.

Сок шпината рекомендуют принимать при недостатке железа в крови, при хронических гастритах с повышенной кислотностью желудочного сока. Назначают по 1/2 стакана 2 раза в день в течение 15—20 дней, независимо от времени приема пищи. Курс можно повторить через 2—3 месяца.

В сентябре начинается уборка **КАРТОФЕЛЯ** и **СВЕКЛЫ**, об их пищевой и лечебной ценности мы уже писали. Хочется напомнить о лекарственных свойствах их соков. Сок сырых клубней картофеля нормализует кислотность желудочного сока, то есть при повышенной кислотности он ее снижает, при пониженной — повышает. Его принимают при хронических гастритах, язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки. Он устраняет боль в желудке, способствует заживлению язв и эрозий слизистой желудка-кишечного тракта. Сок сырого картофеля рекомендуют и при головной боли, при повышенном давлении крови, при глаукоме. Принимать сок следует сразу после его приготовления по 1/2 стакана 2 раза в день перед едой. Курс лечения картофельным соком — 1—2 месяца.

Сок сырой свеклы не менее полезен. В нем имеются сахар, аскорбиновая кислота, протеины, пигменты, щавелевая и яблочная кислоты, соли марганца и калия. В народной медицине свеклу издавна используют в качестве мочегонного, слабительного, противовоспалительного и обезболивающего средств. Сок свеклы, смешанный пополам с медом и лимоном, употребляют при лечении гипертонической болезни и простуды. При наружном применении сок свеклы способствует лучшему заживлению ран. Для этого одновременно с внутренним употреблением на пораженное место прикладывают кашицу из корнеплодов свеклы, которую необходимо менять по мере высыхания. Принимают сок по 1/3 стакана

3 раза в день через час после еды в течение месяца. Прием свекольного сока и свеклы рекомендуют лицам, у которых выявлена повышенная функция щитовидной железы, атеросклероз сосудов головного мозга, сердечно-сосудистые заболевания с нарушением сердечного ритма. Большое количество витаминов, минеральных солей, особенно железа, калия, магния и йода, способствует восстановлению сердечного ритма и снижению артериального давления.

Наступило время заготовки **СЕЛЬДЕРЕЯ**. Его корни содержат эфирное масло, аспарагин, соли калия, кальция, фосфора, натрия, аскорбиновую кислоту, витамины, гликозиды. Сельдерей в народной медицине известен с давних пор. Его применяют для стимуляции функции почек, для выведения шлаков, возбуждения аппетита, улучшения пищеварения. Водный настой и сок корней и листьев применяют при болезнях почек и мочевого пузыря. Слизь, содержащаяся в корнях, обладает обволакивающим и противовоспалительным свойством, что важно при лечении язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки. Рекомендуется принимать сок сельдерея при ревматическом поражении суставов, подагре, аллергических состояниях (по 1/3 стакана 1—2 раза в день через час после еды в течение 2—3 недель).

Сентябрь — пора **АРБУЗОВ**. Их мякоть содержит сахар, преимущественно фруктозу, азотистые вещества, пигменты, витамины, каротин, пектиновые вещества, клетчатку. Арбуз рекомендуют принимать при заболеваниях печени и желчного пузыря, желтухе, водянке, мочекаменной болезни, циститах, пиелонефритах. Он способствует выведению жидкости из организма, улучшает работу кишечника, нормализует пищеварение. Полезен арбуз больным сахарным диабетом: можно съесть до 2—2,5 кг в день, лучше всего в течение первой половины дня.

Щедр сентябрь на ягоды — морознику, бруснику, клюкву, лимонник, рябину. А

ОБЛЕПИХА из леса все активнее переселяется на участки любителей-садоводов. Ягоды облепихи содержат холин, сахара, витамины, каротин, микроэлементы, органические кислоты, эфирные масла, дубильные вещества и фитонциды. Сочные плоды растения применяют для лечебных целей как в чистом виде, так и в консервированном. Чаще всего для консервации используют сок в смеси с сахаром в соотношении 1:2 (на 1 кг сока 2 кг сахара). Сок применяют при недостатке витаминов, при заболеваниях желудочно-кишечного тракта, при физической и умственной усталости. В медицине используют облепиховое масло, которое способствует заживлению ран и язв.

Обратите внимание на **КАЛИНУ**. В ее плодах витамина С в два раза больше, чем в лимоне и мандарине, а по содержанию железа она превосходит их в 5—10 раз. Сок плодов применяют при повышенном давлении крови, при простудных заболеваниях, бронхиальной астме, головной боли. Соком калины в смеси с медом лечат тонзиллиты и ангины, болезни печени и желчных путей. Для его приготовления из ягод отжимают сок, процеживают. Мезгу заливают водой, кипятят 5—10 минут, процеживают и отвар соединяют с выжатым соком, добавляют сахар и разливают по банкам (на 1 кг ягод — 200 г воды и 200 г сахара). Хранят сок в прохладном месте.

Если вам встретится **КЛЮКВА**, обязательно наберите ее, запасите на зиму. Клюквенный сок с медом рекомендуют принимать при простудных заболеваниях, ангинах, гипертонической болезни. Клюква утоляет жажду при лихорадочных состояниях, понижает содержание протромбина в крови. Клюквенный сок, приготовленный в виде морса, используют при лечении воспаления почек, он оказывает противомикробное действие и обладает мочегонным действием. При головной боли лучше выпить стакан клюквенного морса, чем таблетку анальгина.

Рис. А. ОБУХОВА.

Греются на солнце налитые янтарным светом тяжелые **ТЫКВЫ**, каждая — кладовая питательных веществ. В семенах тыквы содержится до 50 процентов жирного масла, в мякоти — сахара и каротин, соли фосфорной и кремниевой кислот, микроэлементы.

Сок из мякоти тыквы назначают при заболеваниях печени, почек, предстательной железы и нарушении обмена веществ (подагре, полиартритах). Он оказывает хороший лечебный эффект против рвоты беременных и при морской болезни, обладает мочегонным и послабляющим свойством. Сок принимают по 1/2 стакана 2 раза в день за 1 час до еды. Сама мякоть тыквы — и сырая, и вареная, и пареная — улучшает работу кишечника, лечит спастические колиты.

Среди трав яркой зеленью выделяется **ШПИНАТ**, его копьевидные листья еще полны сока. Из листьев готовят

СОВЕТЫ МАРИИ ИВАНОВНЫ

НАДЕВАЕМ ФАРТУКИ

Зимой еда становится довольно пресной. Но чуть-чуть солений на столе — и сразу появляется аппетит, разнообразнее выглядит обед, повышается настроение. Многим, например, нравится такое угощение, как **КВАШЕННЫЙ ЧЕСНОК**. Молочная зрелость — наилучшая стадия для заготовки чеснока квашением, да и головки у него в это время ядреные, крепкие.

Чеснок очищают от корневой мочки и шелухи, моют и, выдержав часа три-четыре в воде, ополаскивают под краном. Теперь осталось уложить головки в банки и залить предварительно сваренным и процеженным холодным рассолом. На 10 кг чеснока берут рассол из 6 литров воды, 300 г соли и 300 г 6-процентного уксуса. Чтоб соленье получилось ароматнее, имеет смысл положить сверху пучок укропа вместе со стеблями и соцветиями.

Чеснок надо оставить при комнатной температуре недели на две, а потом вынести в погреб.

МАРИНОВАННЫЙ СЛАДКИЙ КРАСНЫЙ ПЕРЕЦ и вкусен и красив. Выбрав 10 кг лучших перцев, без единой трещинки, помятости, изъяна, запасемся следующими пряностями: горстью вишневых листьев, несколькими корешками и листьями сельдерея, одной связкой зелени петрушки, тремя головками чеснока, 15—20 лавровыми листьями.

Плоды перца моем холодной водой, бланшируем 3—4 минуты, после чего охлаждаем и укладываем в банки, слегка приминая. При укладке прослаиваем перец пряностями. Наполненные банки заливаем подсолнечным маслом из расчета 20 г на 1 кг перца, а затем предварительно сваренным и охлажденным рассолом (на 10 кг перца — 7 л воды, 630 г соли и 700 г уксуса). После 10—12-дневного брожения укупуриваем банки и переносим в холодное место.

Что же касается **ФАРШИРОВАННЫХ ПЕРЦЕВ**, о которых вы, милые хозяйюшки, так настойчиво спрашиваете в своих письмах, то они готовятся несколько иначе. Фаршируют перцы после бланшировки, когда они мягки и эластичны. Состав фарша на 10 кг перца: морковь обжаренная — 7—8 кг, пастернак обжаренный — 400 г, коренья сельдерея обжаренные — 200 г, коренья петрушки обжаренные — 200 г, репчатый

Смотрю на корзины, наполненные овощами, и не могу не любоваться перламутрово-лиловыми баклажанами, нежной зеленью цветной капусты и кабачков, оранжевым пламенем моркови... Для иных заготовка — сложная обязанность, а для меня — всегда радость. Достаточно только представить себе тропку среди сугробов к погребу, а там банки с квашеными, солеными, маринованными плодами, овощами, впитавшими последние лучи уходящего лета...

ЛЕТО В КОНСЕРВНОЙ БАНКЕ

лук обжаренный — 1100 г, зелень — 100 г, соль — 200 г. При обжаривании лук нарезают кольцами, морковь, коренья — мелко.

Нафаршировав перец, раскладываем его в банки, укупуриваем и переносим на холод.

СОЛЕНЬЕ ИЗ ЦВЕТНОЙ КАПУСТЫ позволяет использовать замечательный овощ в любое время года. Лучше взять для соленья кочаны осенних сортов и перерабатывать их быстро, пока не начали темнеть. Капусту делят на соцветия, промывают чистой проточной водой, плотно укладывают в банки и заливают переваренным и охлажденным рассолом следующего состава: на 10 кг цветной капусты — 5,5 л воды, 400 г соли и 400 г уксуса. После двухнедельного брожения при комнатной температуре соленье переносят на холод.

А теперь поучимся готовить более сложные зимние припасы. Такие, скажем, как **БАКЛАЖАНЫ ФАРШИРОВАННЫЕ КВАШЕНЫЕ**. На 10 кг баклажанов — кочан капусты, 5 штук моркови, 10 корешков петрушки, 10—15 стеблей сельдерея, десяток болгарских перцев, 3 головки чеснока, несколько стеблей укропа, стакан соли.

Для засолки лучше брать поздние сорта баклажанов. Промываем плоды в теплой воде, освобождаем от плодоножек, бланшируем 5 минут и охлаждаем. Охлажденные баклажаны разрезаем вдоль, но не полностью, так, чтобы у

завязи они были целыми. Морковь, капусту, петрушку, укроп, сельдерей и перец болгарский очищаем, промываем в воде, нарезаем в виде тонкой лапши, добавляем тертый (толченый) чеснок, пересыпаем солью и хорошенько перемешиваем. Теперь остается положить готовый фарш через разрезы в баклажаны. Фаршированные баклажаны перевязываем веточками сельдерея или ниткой и ровными рядами укладываем в тщательно промытую и ошпаренную кипятком бочку, дно которой предварительно выстилаем листьями капусты. Закончив укладку, накрываем баклажаны листьями капусты, холстом, деревянной крышкой и, наконец, заливаем рассолом (3 стакана соли на 10 литров воды), а затем оставляем на сутки для брожения. После этого надо долить оставшимся рассолом баклажаны (рассол лучше всегда оставлять про запас) и опустить их в подвал для окончательного брожения на месяц.

СЛАДКОЕЖКА

Сладкая и ароматная дыня хороша, конечно, и сама по себе. А вот кто из вас, дорогие сладкоежки, отведал **ВАРЕНЬЕ ИЗ ДЫНИ**?

Если хотите, попробуем сварить. Берем дыню не полностью созревшую, с плотной и ароматной мякотью. Очилив мякоть, разрезаем дыню на кусочки толщиной 2 см и

опускаем в кипяток на 5—8 минут (чем мягче дыня, тем меньше времени на ошпаривание). Затем варим сироп: на килограмм приготовленной дыни — 1,2 кг сахара и 2 стакана воды. Залив дыню, даем ей прокипеть на медленном огне, затем снимаем и оставляем на ночь. Вечером следующего дня снова слегка провариваем дыню и снова снимаем с плиты до утра. На третий день доводим варенье до готовности, добавив в него щепотку ванилина и лимонной кислоты, но можно обойтись и без этих специй. При таком способе варки кусочки нежной дыни остаются целехонькими. Нужно только оставлять часть сиропа про запас и понемногу добавлять его перед каждой варкой.

ПОЧТА МАРИИ ИВАНОВНЫ

И. В. АСТАНКИНА из Рязанской области задает вопрос: «Можно ли в домашних условиях приготовить томатный сок?»

Разумеется, можно. Причем лучше использовать для этого перезревшие сентябрьские помидоры. Разрезав каждый томат на четыре части, уложите их в кастрюлю и нагрейте почти до кипения. Потом протрите через сито и, снова подогрев на сильном огне, тотчас разливайте в банки. Не давайте закипать томатной массе, поскольку она начнет пригорать снизу и у сока окажется неприятный вкус. После 20-минутной стерилизации укупорьте банки и вынесите их на холод.

ВАЛЕРИЙ БОЛТЫШЕВ из Сарапульского района Удмуртии спрашивает: «Знаю способ засолки зелени на зиму. А как маринуют зелень?»

Петрушку, сельдерей, укроп и всякую другую зелень, если вы, конечно, подседали ее летом для осеннего стола, можно мариновать. Делается это так. Зелень промывают и, плотно уложив в банки, заливают маринадом: на 1 л воды 1 стакан 6-процентного уксуса, 50 г соли и столько же сахара. Затем зелень стерилизуют 25—30 минут.

В. О. ЗАЙЦЕВА из Бурятии пишет: «Были мы с мужем в

лю баклажаны, так что с удовольствием поделюсь с вами несколькими рецептами.

Все продукты даю в расчете на одну порцию.

ИКРА БАКЛАЖАННАЯ (продукты: один маленький баклажан, один-два перца, один средней величины помидор, три-четыре дольки чеснока, петрушка, подсолнечное масло, уксус, соль по вкусу). Выпеченный баклажан очистить от кожуры. Так же испечь и очистить от кожуры, семян и стебельков перец. Со свежего помидора снять кожуру. Смять чеснок в ступке и смешать с протертым баклажаном, добавить мелко нарезанные перец и помидор. Приправить солью, подсолнечным маслом, уксусом и мелко нарезанной петрушкой.

ОВОЩНАЯ ЗАПЕКАНКА С БАКЛАЖАНАМИ (продукты: один средней величины баклажан, один помидор, один перец, одна столовая ложка подсолнечного масла, две столовые ложки сметаны или жирного творога, одно яйцо, одна головка репчатого лука, одна столовая ложка риса, красный перец молотый, черный перец молотый, соль).

Потушить мелко нарезанный лук в масле. Добавить нарезанный кольцами перец и рис. Тушить несколько минут и добавить нарезанный ломтиками помидор, красный перец, черный перец и соль. Нарезанный и поджаренный в масле баклажан уложить в кастрюлю, чередуя со слоями смеси, состоящей из лука, ри-

са, перца и помидора. Рассчитать продукты так, чтобы наверху был слой смеси. Залить водой или овощным бульоном и печь в духовке. Когда рис сварится окончательно, приготовить заливку из яйца и сметаны (или творога), залить блюдо и печь до образования золотистой корочки.

БАКЛАЖАНЫ С ОВОЩНОЙ НАЧИНКОЙ (продукты: один большой баклажан, большой помидор, одна столовая ложка подсолнечного масла, две-три дольки чеснока, головка репчатого лука, 20 г корня сельдерея, одна морковка, половина перца, петрушка, красный перец молотый, чайная ложка сахара, соль по вкусу). Баклажан помыть, отрезать стебелек и разрезать по длине на две части. Оставить в холодной воде на полчаса, после чего подсушить, слегка поджарить и посолить. В том же жиру потушить мелко нарезанные овощи: лук, морковку, дольки чеснока, сельдерея, петрушку, перец и половину помидора. Приготовленную начинку посолить, поперчить, наложить на одну половинку баклажана и прикрыть второй. Уложить в кастрюлю вместе с половинкой помидора и петрушкой. Долить немного воды с сахаром и печь в духовке. К столу подавать в холодном виде.

ЖАРЕННЫЕ БАКЛАЖАНЫ (продукты: один баклажан, одна столовая ложка подсолнечного масла, одна столовая ложка муки, две-три столовые ложки творога, соль,

две-три дольки чеснока, укроп). Баклажан нарезать ломтиками. Держать в холодной воде полчаса, подсушить, посолить, обвалить в муке и жарить в горячем подсолнечном масле. Подавать к столу с приправой из жирного творога, подсолненного и заправленного двумя-тремя потертыми на терке дольками чеснока и мелко нарезанным укропом. Жареные баклажаны можно залить соусом и потушить их в духовке. Соус делается так: 1 помидор, 1—2 дольки чеснока, маленькая луковица обжариваются вместе, соль, сахар и петрушку добавляю по вкусу.

Всего хорошего!

Ваша МАРИЯ ИВАНОВНА

Рис. Н. БЕШЕНКОВСКОЙ
и Е. НОВИКОВОЙ.

отпуске на Украине, угощали нас там мочеными грушами. Очень вкусно. А вот рецепт не записали. Как их готовят?»

Груши для мочения используют небольшие, зрелые, сладкие. Их тщательно промывают холодной водой и хорошенько обтирают шерстяной тряпочкой, чтоб удалить так называемый «восковой слой». Это необходимо, иначе жидкости трудно будет проникнуть внутрь плодов. Потом груши укладывают в подходящую посуду, лучше всего в большие стеклянные банки с широким горлышком. Груши укладывают пластами, пересыпая их семенами горчицы. Впрочем, можно обойтись и без семян горчицы — они лишь придают грушам своеобразный вкус. Но обязательно добавьте в воду соли (одну чайную ложку на полтора литра воды), чтоб началось брожение. Подержав банки сутки при комнатной температуре, обвяжите их пергаментной бумагой и вынесите на холод. Уже через двадцать — тридцать дней можно снимать пробу.

В очень многих письмах вы, милые хозяйки, спрашиваете меня, какими блюдами из баклажанов можно угостить своих домашних. Я сама люб-

ТАКОГО ВЫ НЕ ПРОБОВАЛИ?

Давайте устроим сегодня необычный обед: из рецептов кухни разных стран возьмем по одному блюду. Приготовить их несложно, а необходимые продукты наверняка найдутся на вашем огороде, в холодильнике или в погребе.

Краснокочанную капусту многие хозяйки используют сравнительно мало. И совершенно напрасно: она очень вкусна. Вот, например, какой САЛАТ делают из нее в Польше. Мелко нашинкуйте 500 г краснокочанной капусты, залейте небольшим количеством кипящей воды, сварите под крышкой до полуготовности, отцедите и охладите. Нарезьте мелкими кубиками 1—2 луковицы, 4—5 яблок натрите на крупной терке, все перемешайте. К 100 г воды добавьте по вкусу соль и сахар, вскипятите, остудите,

влейте 2—3 ложки уксуса, залейте салат и еще раз перемешайте. Украсьте веточками петрушки.

На первое можно приготовить ИТАЛЬЯНСКУЮ ПОХЛЕБКУ «МИНЕСТРА». Мелко нарезанные 2—3 дольки чеснока и головку лука обжарьте в масле, добавьте полстакана сельдерея и стакан моркови, также мелко нарезанных. Все слегка потушите под крышкой на слабом огне, добавьте 5 стаканов бульона, 2 чайные ложки томатной пасты, посолите, поперчите, немного проварите, не увеличивая огонь. Положите по полстакана зеленого горошка и фасоли, 4 столовые ложки риса, 2 лавровых листа и варите по-прежнему на слабом огне, пока овощи не станут мягкими. Тогда прибавьте 2 нарезанных ломтиками крупных по-

мидора, 3 столовые ложки тертого сыра и проварите еще 5 минут.

На второе советуем приготовить КАРТОФЕЛЬ ПОСАВОЙСКИ. 500 г картофеля очистите, нарежьте тонкими ломтиками и уложите в чугунок или гусятницу. Стакан молока взбейте с 2 сырыми яйцами, добавьте 2—3 ложки тертого сыра, перец, соль, залейте смесью картофель и запеките в духовке.

Это блюдо можно использовать как самостоятельное, а можно и в качестве гарнира — скажем, к ЗАПЕЧЕННЫМ ПО-ФРАНЦУЗСКИ ГРИБАМ (если вы за ними сходили). Шляпки крупных грибов (на 4 порции понадобится около 600 г) вытрите мокрым полотенцем, посыпьте солью и разложите на противне, смазанном маслом. Грибы клади-

те шляпкой вниз. Положите в каждую шляпку по кусочку масла или маргарина и на 10 минут поставьте противень в нагретую духовку. Когда грибы начнут подсыхать, добавьте еще понемногу жира.

На десерт хороши ЯБЛОКИ В ТЕСТЕ ПО-НЕМЕЦКИ. Замесите тесто из 250 г теплой воды, полчайной ложки дрожжей, 350 г муки, 30 г растительного масла, 20 г сахара и добавьте соли по вкусу. Взбейте 2 белка со 100 г сахара, соедините с тестом и перемешайте. Очищенные, с вынутой сердцевинной яблоки нарежьте кольцами толщиной около 1 см, вилкой опускайте их в тесто, вынимайте и жарьте во фритюре, пока они не станут слегка желтоватого цвета. Подавайте горячими, посыпав сахаром.

А. ЕФРЕМОВ

По многочисленным просьбам читательниц мы помещаем выкройку блузона. Блузон — это блуза с притачным поясом на линии бедер. Сегодня, когда мода не проводит резких границ между одеждой повседневной для работы и одеждой для отдыха, блузоны стали любимцами женского гардероба. Их могут носить женщины любого возраста и, что еще важнее, любой комплекции.

Мы рекомендуем вам самый распространенный тип блузона — с широким втачным рукавом, заниженной проймой и плечевой складкой. Всего одна основа предполагает множество самых разнообразных вариантов. Если вы будете шить блузон на каждый день, лучше всего выбрать плащевую или шерстяную ткань. Используя ткань небольшой жесткости, воротник, пояс, манжеты и клапаны карманов сделайте с прокладкой.

Предлагаемая основа блузона рассчитана на 50-й размер (рост — 170 см). Выкройка

дана без припусков на швы. Припуски — 1—1,5 см.

Раскроив ткань, сначала заметайте и заутюжьте складки на правой и левой полочках по намеченным линиям. Ширина складки — 5 см. Обработайте планку застежки: совместите и прострочите линии II и IV, заутюжьте от центра, сгиб (линия III) совпадет с линией I и обозначит край планки. Обметайте и заутюжьте на изнаночную сторону подборт. Потом проложите отделочную строчку по намеченной линии VI. Край борта совпадет с линией VII. Затем обметайте и заутюжьте

на изнаночную сторону подборт левой полочки.

Стачайте и заутюжьте на спину плечевые швы. Втачайте рукав в пройму, совмещая надсечки по переднему окату рукава и проймы. Потом стачайте боковой шов одновременно со швом рукава, оставив нестаченным участок внизу рукава, образующий разрез.

Застрочите края манжет, пришейте манжеты, собирая на сборку низ рукава.

Теперь воротник: обтачайте верхний воротник нижним, выверните, выметайте кант, приутюжьте. Втачайте ниж-

ний воротник в горловину и настрочите верхний — на переднем участке воротник втачивается между подбортом и полочкой.

Застрочите концы пояса и пристрочите его к блузону, собирая низ изделия на сборку.

Заутюжьте припуски на шов у кармана, настрочите его по намеченной на полочке линии. Затем обтачайте клапан кармана, выверните, выметайте кант, приутюжьте, настрочите по намеченной линии.

Обметайте петли и пришейте пуговицы по линии V.

Для повседневного блузона вы можете использовать по своему вкусу в качестве деталей также отлетной асимметричный клапан, застежку «молнию», планку на кнопках...

На этой же основе из красивого трикотажного полотна можно шить эффектный нарядный блузон. И здесь вы тоже можете пофантазировать: потайная застежка или несколько модных перламутровых пуговиц, резинка вместо пояса и манжет, вырез горловины без воротника или же вырез V-образной формы.

Потайную застежку для нарядного блузона обработайте так: сложите полочку, образуя сгиб по намеченной линии III, и проложите строчку по линии I, совмещая ее с линией IV. Обметайте подборт и заутюжьте его на изнаночную сторону, сгибая полочку по линии VI. Линии III и VI в полученной застежке образуют край борта, а линии II и V совпадают с серединой переда. Горловину для этого блузона обрабатывают обтачкой.

Расход ткани: при ширине 100 см — 3 м, а при ширине 140 см — 1,5 м.

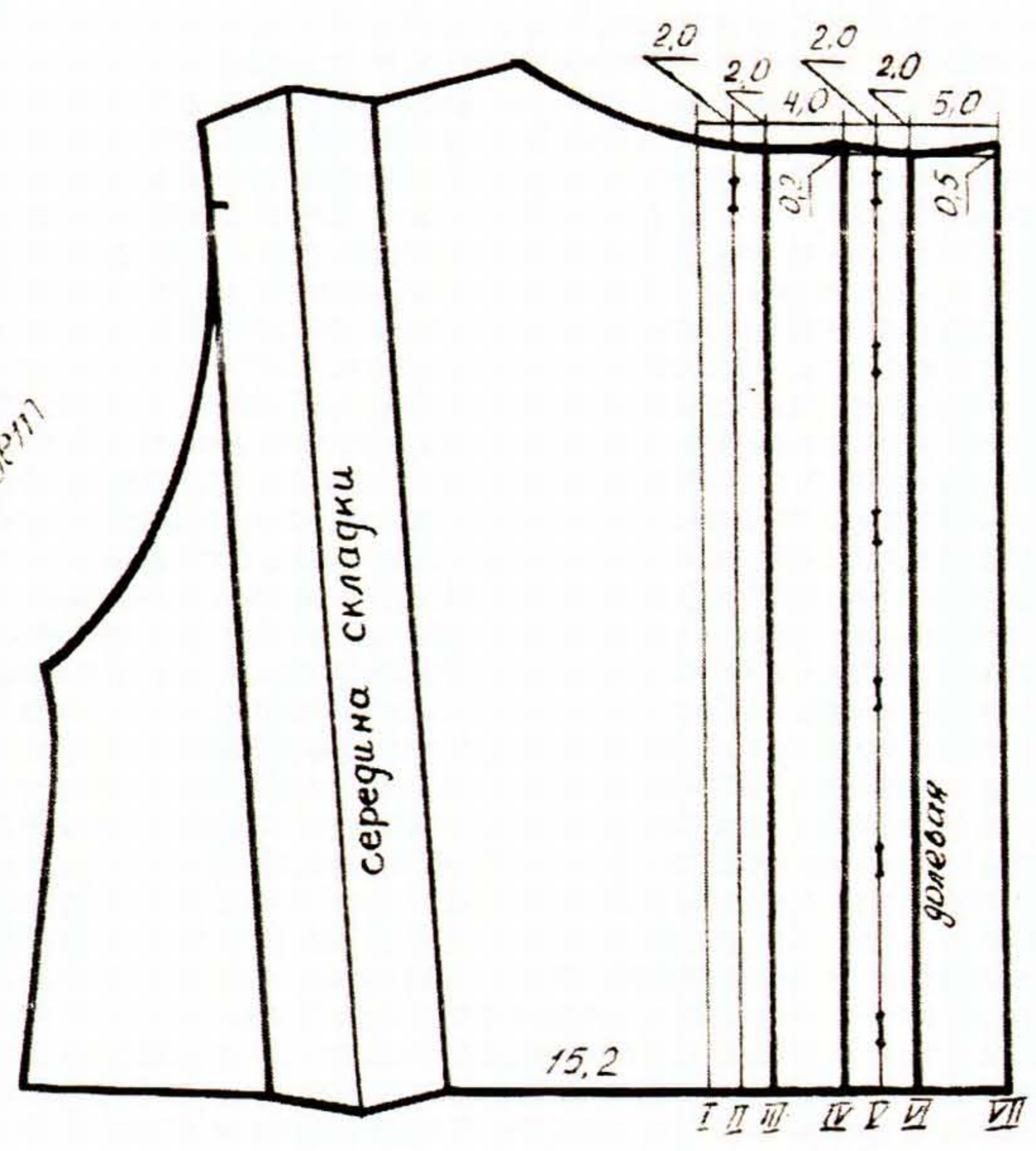
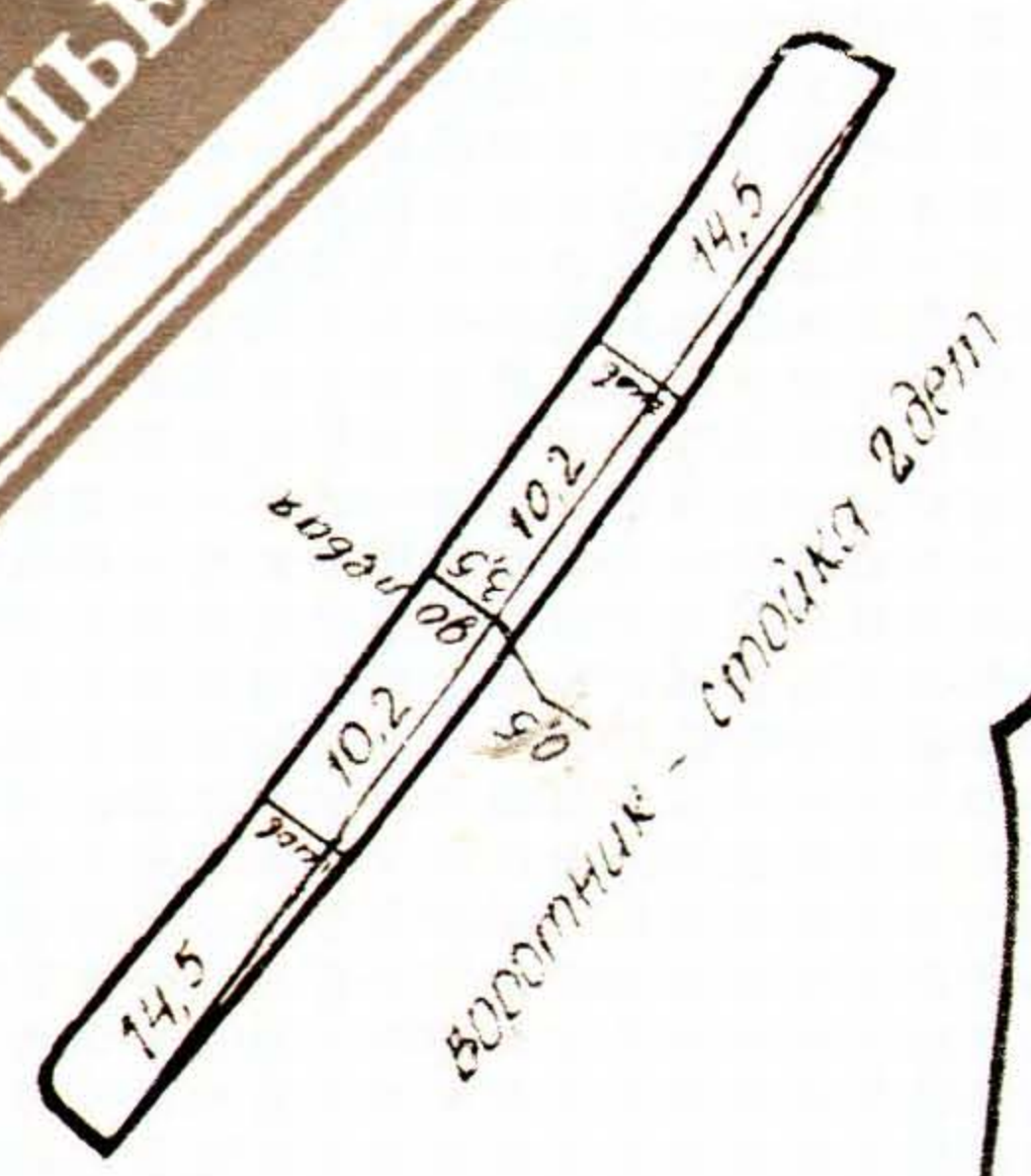
Итак, предлагаем блузон на все случаи жизни — свободный, объемный, с модным рукавом.

М. ЖУКОВА,
конструктор Общесоюзного
Дома моделей одежды.
Чертежи автора
(см. следующую страницу).

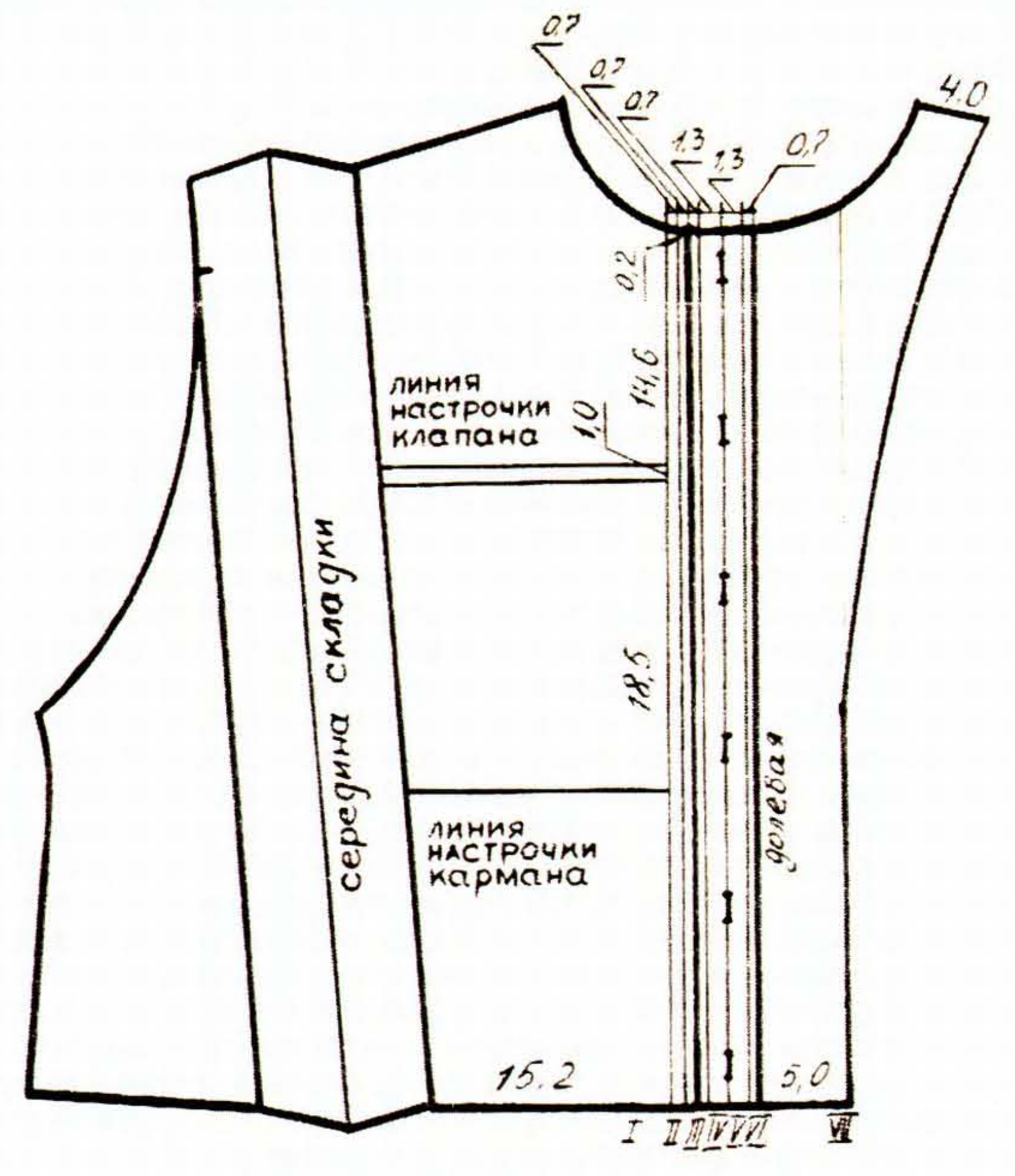
Рис. Н. БОГДАНОВОЙ.

БЛУЗОН — ДЛЯ РАБОТЫ И ПРАЗДНИКА

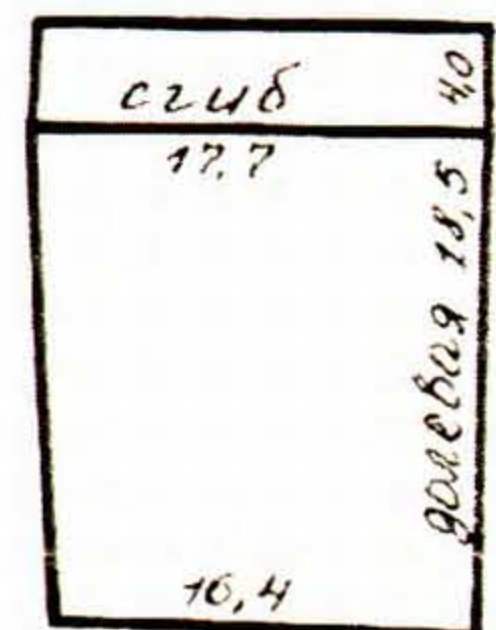

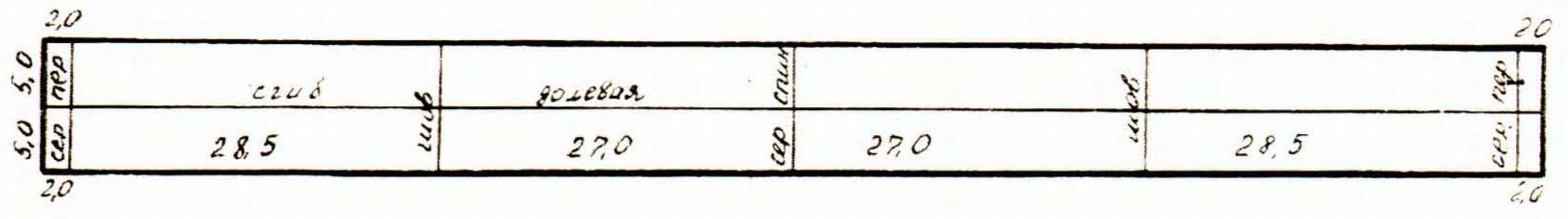
ПРАВАЯ ПОЛОЧКА С ПОДБОРТОМ
НАРЯДНОГО БЛУЗОНА С ПОТАЙНОЙ
ЗАСТЕЖКОЙ
1 ДЕТ.

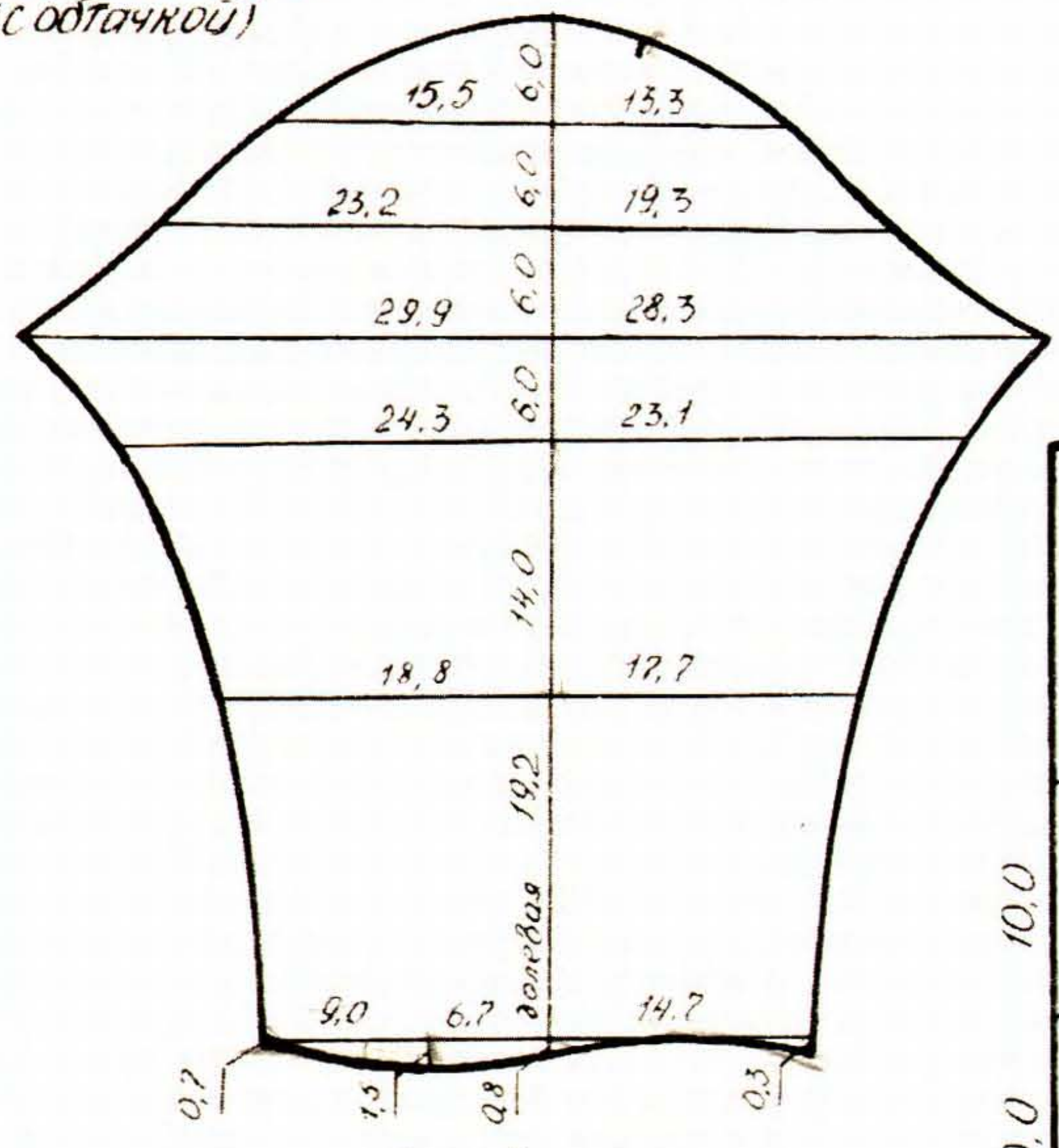
ПРАВАЯ ПОЛОЧКА С ПОДБОРТОМ
СПОРТИВНОГО БЛУЗОНА
С ПЛАНКОЙ 1 ДЕТ.

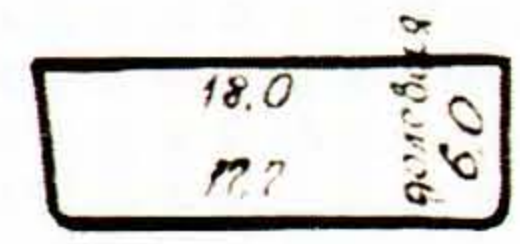
Пояс 1дет

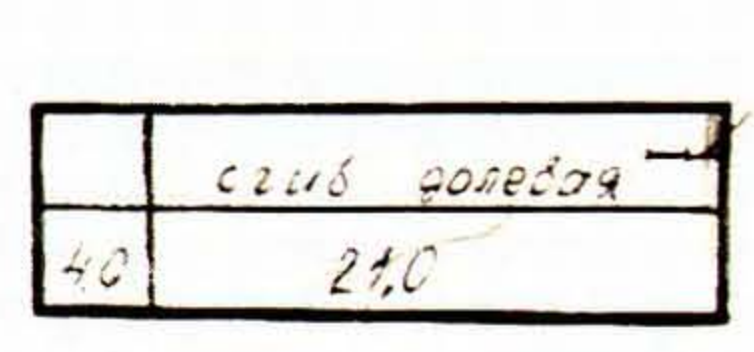
Карман 2дет
(с обтачкой)

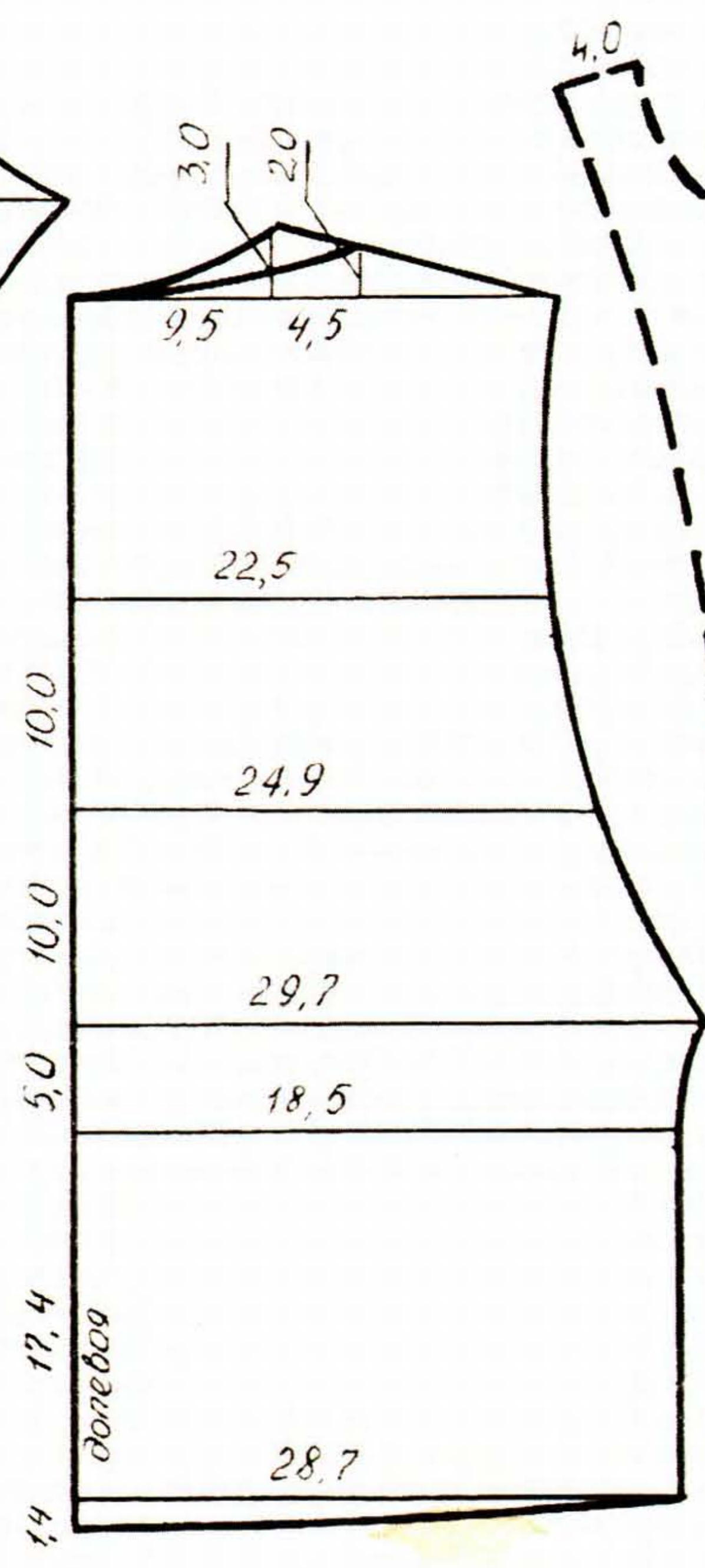
Рукав 2дет

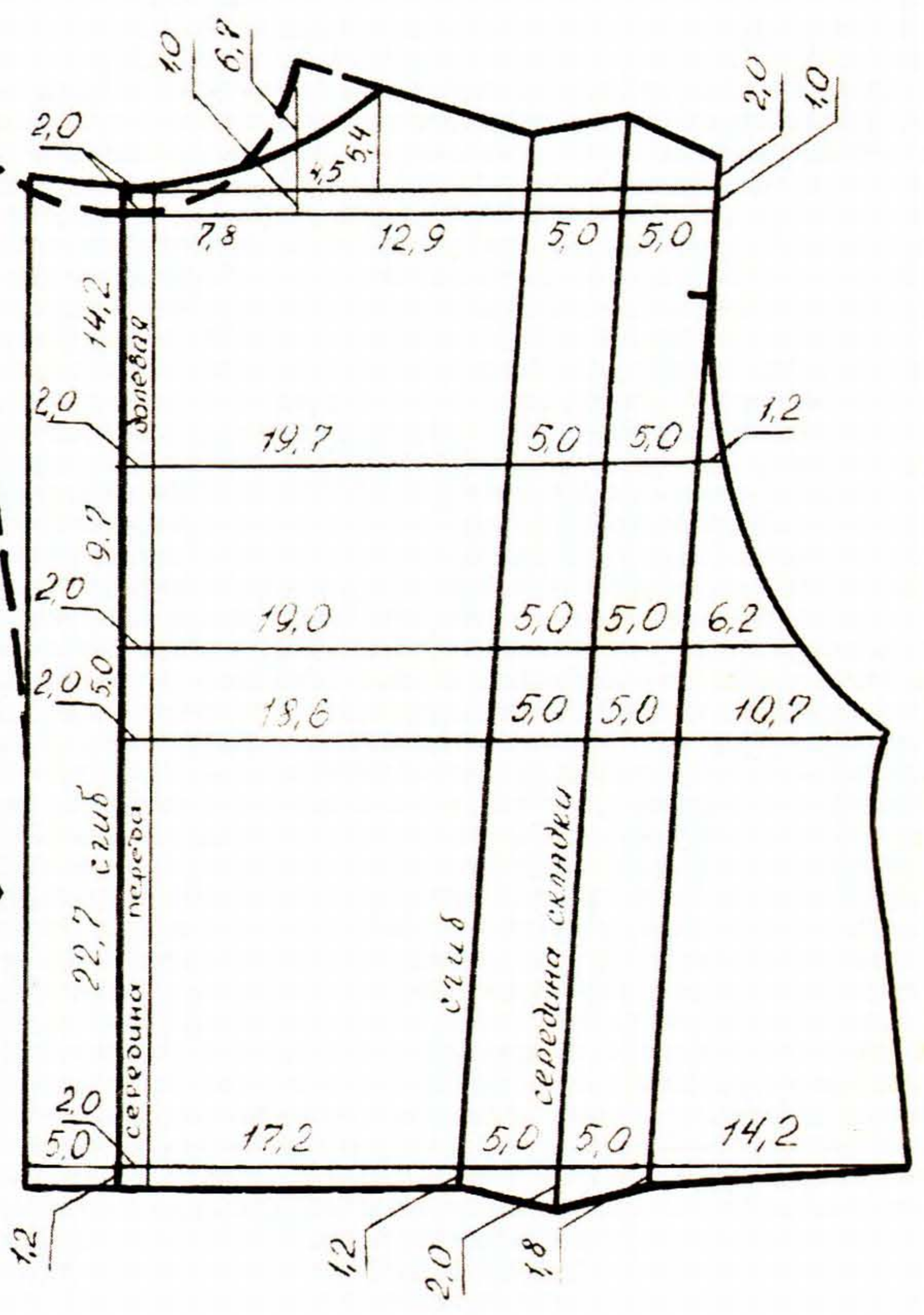
Клапан 2дет

Манжета 2дет.

Спинка 2дет.

Левая полочка 1дет.
с подбортом
для обеих блузонов

ПОЛЧАСА ДЛЯ СЕБЯ

ДО РАБОТЫ, ПОСЛЕ РАБОТЫ

Идеальная кожа — явление редкое, она бывает только у совсем молодых людей, да и то не всегда. Но даже здоровая, нормальная кожа лица с годами меняется — у большинства женщин к зрелому возрасту обнаруживается склонность к сухости. Понижение деятельности сальных желез не только возрастное явление, иногда оно следствие заболеваний органов эндокринной системы, желудочно-кишечного тракта. Сухость кожи может развиваться, если употреблять неподходящие косметические средства — спиртовые лосьоны, одеколон, белящие кремы и мази, которые при длительном бессистемном использовании вызывают шелушение. Обезжириванию кожи способствует частое умывание жесткой холодной водой с мылом, особенно если это делается перед выходом на улицу в холодную ветреную погоду.

Сухая кожа тонка, нежна, с матовым оттенком. Она легко раздражима, чутко реагирует на изменения температуры, отличается повышенной чувствительностью и индивидуальной непереносимостью того или иного крема, мыла. Поры на ней незаметны, но рано появляются мелкие морщинки.

Чтобы сохранить в хорошем состоянии кожу лица на долгие годы, надо соблюдать три условия: правильно ее очищать, питать и защищать. Самое естественное и полезное средство очищения кожи — обычная вода. Но иногда приходится слышать: «Я не умываюсь водой, потому что у меня сухая кожа». Это неправильно, так как вода не только очищает и закаливает кожу, но и, воздействуя на нервные рецепторы, оказывает положительное тонизиру-

«Каждому хочется жить долго, но никто не желает быть старым», — гласит народная мудрость. Тем более это касается женщин. А годы идут, и вот мы уже грустно соглашаемся с певичей: да, действительно «помоложе раньше были зеркала». И все-таки не будем стареть раньше времени, обратим внимание на самих себя, начнем за собой ухаживать, выделяя для этого 5—10 минут утром и 10—15 минут вечером. Конечно, у каждой из вас много дел: работа, домашние хлопоты, кухня, заботы о муже, о детях, а то и внуках. Только вот положите руку на сердце признайтесь: так ли уж невозможно выкроить эти несколько минут, необходимых, чтобы сохранить привлекательность? Ведь зачастую на разговоры с соседкой уходит куда больше времени.

Мы бы очень хотели, чтобы советы, которые будут публиковаться под новой рубрикой «Полчаса для себя», помогали вам следить за своей внешностью и здоровьем.

ПРОСТО НАДО НЕ СТАРЕТЬ!

ющее влияние, способствует повышению в ней обменных процессов. При недостатке воды кожа утрачивает гладкость, становится дряблой, морщинистой.

Женщинам с очень сухой кожей надо умываться с мылом не чаще одного-двух раз в неделю, не считая, конечно, тех случаев, когда кожа сильно загрязнена.

УТРОМ умывайтесь прохладной кипяченой водой, а если вода жесткая, смягчите ее питьевой содой (пол чайной ложки на литр воды) или молоком (1—2 столовые ложки). Хороший результат дает умывание настоем из трав (цвет липы, ромашка, мята, шалфей, семена укропа берут из расчета 1 столовая ложка травы на литр воды). Если кожа очень сухая, советуем перед умыванием смазать ее любым жирным кремом или теплым растительным маслом.

ПОСЛЕ УМЫВАНИЯ, слегка промокнув лицо полотенцем, на влажную кожу нанесите один из жирных кремов, смягчающе-защитных, но не содержащих биологически активных добавок, — «Янтарь», «Восторг», «Люкс», «Атласный», «Ланолиновый».

Наносите крем кончиками пальцев по направлению кожных линий:

от середины лба к вискам, от крыльев носа к вискам, от углов рта к середине ушных раковин,

от середины подбородка к мочкам ушных раковин.

Через 10—15 минут снимите избыток крема салфеткой,

промокательными движениями, и припудрите любой пудрой для сухой кожи — этим вы создадите хорошую защиту от солнца, ветра, пыли, холода. Но если вы нанесете пудру без предварительного смягчения кремом, она только подчеркнет сухость кожи.

ПРИДЯ ПОСЛЕ РАБОТЫ ДОМОЙ, протрите лицо одним из увлажняющих жидких эмульсионных кремов типа «сметанки», «сливок», «молочка». К их числу относятся: «Ланолиновое», «Миндальное», «Косметическое», «Персиковое», кремы «Бархатный», «Утро» (розового цвета), «Вималан». Не пренебрегайте этой процедурой — она займет две-три минуты, но зато поможет очистить, смягчить и увлажнить лицо.

ЗА ЧАС ДО СНА также на несколько минут оторвитесь от домашних дел, от вязания или телевизора. Не умывайтесь, но протрите лицо каким-нибудь лосьоном для сухой кожи или туалетной водой. Это может быть «Лилия», «Идеал», «Утро», «Березовая вода». Если нет лосьонов, можно воспользоваться настоями лекарственных трав, о которых будет рассказано ниже. Все эти жидкости хорошо освежают и тонизируют кожу. На влажное лицо нанесите питательный биокрем. Биокремы содержат очень важные и нужные биологические стимуляторы — жирорастворимые витамины А, Д, Е, F, ферменты, экстракты лекарственных растений, микроэлементы, растительные гор-

моны. Все эти биологически активные вещества при правильном применении кремов благотворно влияют на различные виды обмена, которые с возрастом нарушаются.

Вот несколько кремов, включающих биологически активные компоненты: «Свобода» содержит аминокислоты, «Грезы» — экстракт хмеля, «Алоэ» — сок столетника, «Малахит» — янтарную кислоту, «Лесная нимфа» — культуру женьшеня, «Наташа» — экстракт трав, «Облепиховый» — облепиховое масло, «Принцесса» — экстракт пихты, «Камелия» — аденозинтрифосфорную кислоту, «Лада» — продукты маточного молочка пчел, «Зодиак» — норковый жир, «Экстел» — экстракт элеутерококка.

Но хотим предупредить: **ВСЕ БИОКРЕМЫ НУЖНО УПОТРЕБЛЯТЬ ТОЛЬКО ПОСЛЕ 35 ЛЕТ!**

ПЕРЕД СНОМ обязательно снимите избыток крема: все активные компоненты любого крема впитываются в кожу в течение часа, и держать его дольше просто нет смысла. Если же оставить крем на ночь, то он вызовет отечность, расширение сосудов, покраснение лица.

Приблизительно через месяц пользования каким-то кремом надо его сменить на другой, так как кожа быстро привыкает к его составу и действие крема утрачивает эффект.

МАСКИ — КРУГЛЫЙ ГОД

МАСКИ КОСМЕТИЧЕСКИЕ — это один из наиболее удобных, доступных в домашних условиях и полезных способов ухода за кожей. Маску хорошо делать в выходной день, когда побольше свободного времени.

Накладывают маску на лицо и шею, но ни в коем случае ее нельзя класть на веки. Их так же, как и места вокруг глаз, надо смазать любым жирным кремом.

Маски следует готовить из свежих продуктов непосредственно перед наложением. Наносят их на чистую, без следов косметики кожу, предварительно умывшись

или протерев лицо лосьоном или жидким кремом. Эффект от процедуры усилится, если есть возможность, нанеся маску, полежать, расслабившись, 15—20 минут на низкой подушке. Смывают маску теплой водой и после этого наносят жирный крем.

Различно действие масок на кожу: они усиливают кровообращение, улучшают цвет, очищают и сужают поры. Но для этого нужно применять их систематически.

В состав маски для сухой кожи полезно добавлять растительное масло, сметану или сливки, так как необходимые вещества лучше всасываются в жиры.

Теплую МАСЛЯНУЮ МАСКУ применяют при очень сухой коже, склонной к шелушению. В любом нагретом растительном масле (подсолнечном, кукурузном, хлопковом) смочите марлевые салфетки, сложенные в 2—3 слоя, с вырезанными отверстиями для глаз, рта и носа, и наложите их на лицо и шею. Сняв через 10—15 минут маску, протрите лицо лосьоном.

ЯИЧНАЯ МАСКА. Взбитые вместе желток и белок наносят на кожу ватным тампоном в три слоя, по мере высыхания. Полезна маска из одного желтка и столовой ложки сливок.

ЖЕЛТКОВО-МЕДОВО-МАСЛЯНАЯ МАСКА. Яичный желток растирают с чайной ложкой меда и столовой лож-

кой растительного масла. Если есть лимон, можно добавить несколько капель.

МЕДОВАЯ МАСКА. Столовую ложку растопленного меда растирают со столовой ложкой теплого молока или теплого свежесваренного чая. Полученную жидкую массу наносят на кожу ватным тампоном и через 15—20 минут смывают теплой водой.

Медовые маски показаны при стареющей бледной коже лица. Но их не рекомендуется делать тем, у кого отмечается краснота кожи, ее повышенная раздражимость, и тем, кто не переносит мед в питании.

ТВОРОЖНЫЕ МАСКИ хорошо увлажняют кожу. Столовую ложку творога тщательно разотрите и смешайте со столовой ложкой молока или сметаны. Можно соединить в маске столовую ложку творога с чайной ложкой меда или с несколькими каплями лимонного сока.

КАРТОФЕЛЬНАЯ МАСКА. Сваренную «в мундире» картофелину очистите, разомните и перемешайте с чайной ложкой растительного масла, яичным желтком и натертым на терке небольшим яблоком.

Применяют для маски и **КОМБИНИРОВАННУЮ СМЕСЬ:** яйцо смешивают с чайной ложкой меда, чайной ложкой растительного масла, столовой ложкой муки и двумя чайными ложками овощного или ягодного сока. Эту смесь можно хранить в холодильнике несколько дней.

ЗЕЛЕНАЯ КОСМЕТИКА

ФРУКТОВО-ЯГОДНЫЕ, ОВОЩНЫЕ И РАСТИТЕЛЬНЫЕ МАСКИ

сохраняют необходимые коже витамины, микроэлементы, глюкозу. Они улучшают питание кожи, очищают и смягчают ее, увлажняют, придают свежесть. В чистом виде они показаны людям с вялой, пористой, морщинистой или пигментированной кожей, а с

включением жировых добавок — растительного масла, сметаны, сливок — для сухой кожи. Использовать надо только свежие плоды — их мякоть или сок. К ягодному соку можно добавить столовую ложку кипяченой воды. Мягкие плоды растирают ложкой, твердые трут на терке. Можно приложить и целые кусочки фруктов или овощей. Но обычно марлевую салфетку, сложенную в несколько слоев, смачивают свежеприготовленным соком или накладывают на нее мякоть и оставляют на лице на 10—15 минут. А можно намочить ватный тампон и прикладывать его к лицу в течение того же времени.

В косметической практике широко распространены **МАСКИ ИЗ ЯБЛОК, АБРИКОСОВ, ВИНОГРАДА, АЙВЫ, ПЕРСИКОВ, ОГУРЦОВ, ПОМИДОРОВ, КАБАЧКОВ, ЗЕМЛЯНИКИ, МАЛИНЫ, СМОРОДИНЫ.** Но если какие-то ягоды или фрукты при употреблении их в пищу вызывают аллергические реакции, то использовать их в масках не рекомендуется. При очень сухой коже советуем перед нанесением маски смазать лицо любым жирным кремом или растительным маслом.

Вы можете сделать **БЕЛКОВО-ФРУКТОВУЮ, БЕЛКОВО-ЯГОДНУЮ ИЛИ БЕЛКОВО-ОВОЩНУЮ МАСКУ,** добавив к взбитому яичному белку чайную ложку любого сока. Хорошая витаминная маска получится, если две чайные ложки овощного или ягодного сока смешать со столовой ложкой муки, крахмала или толочна и нанести кашицу на лицо и шею на 15 минут.

Хочется подсказать читательницам, особенно молодым: не думайте, что только экзотические кремы с громкими названиями сделают вас красивыми. Не менее полезными могут стать для вас обыкновенный огурец или то же яблоко. Так, маска из на-

тертого на терке яблока дает прекрасный увлажняющий эффект, а если добавить к нему чайную ложку сметаны, получится отличная питательная смесь.

В заключение хочу добавить, что **НАСТОИ, ОТВАРЫ, ЭФИРНЫЕ МАСЛА ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ** также используются в косметических средствах, поскольку в них содержатся растительные гормоны, дубильные и вяжущие вещества, биологически активные компоненты, влияющие на обменные процессы в коже.

В выпуске «Аптекарского огорода» («Крестьянка» №5, 1985 г.) уже рассказывалось о том, как благотворно действует на сухую кожу настой **РОМАШКИ.**

МЯТУ ПЕРЕЧНУЮ применяют как вяжущее и успокаивающее средство, хорошо снимающее зуд и воспаление. Ее используют в виде настоя для примочек и протираний при сухой нежной чувствительной коже. Для настоя одну столовую ложку травы заливают стаканом кипятка и выдерживают полчаса.

Освежающее, смягчающее и успокаивающее действие на сухую кожу оказывает **НАСТОЙ ИЗ ЛЕПЕСТКОВ РОЗЫ, ШАЛФЕЯ И РОМАШКИ** (по две чайные ложки каждого компонента на стакан кипятка). При вялой, дряблой коже, склонной к отеку, полезны примочки и протирания **НАСТОЕМ ИЗ ЗВЕРОБОЯ, ЯГОД МОЖЖЕВЕЛЬНИКА, МЯТЫ, ЛИПОВОГО ЦВЕТА, ЧАЯ** (по 2 чайные ложки на стакан кипятка).

Маски и протирания, о которых мы рассказали, — хорошее профилактическое средство для предупреждения раннего старения кожи лица и шеи.

Н. ИСТОМИНА,
главный врач Московского
НИИ косметологии
Минздрава РСФСР

НЕСКОЛЬКО ПОЛЕЗНЫХ УПРАЖНЕНИЙ

Наилучшее профилактическое средство, предупреждающее развитие варикозного расширения вен, — лечебная физкультура. Вот несколько полезных упражнений, которые приведены в журнале «Болгарская женщина»:

1. Лечь на спину, положить ноги на стул, табурет или упереть их в стену. Приподняться, задержавшись в этом положении 5 секунд, опуститься. Из этого исходного положения можно выполнять сги-

бание и разгибание ног.

2. Лечь на спину, руки вытянуть вдоль туловища. Выполнять движения ногами, как при езде на велосипеде. Дыхание произвольное. Повторить упражнение 5—10 раз.

3. Лечь на спину. Поднять ноги вверх, под прямым углом, подержать около минуты и медленно опустить. Проделать 5—10 раз.

4. Встать на четвереньки. Согнув руки в локтях, приблизить туловище к полу и

высоко поднять правую ногу. Вернуться в исходное положение. Проделать упражнение по 4—6 раз одной и другой ногой.

5. Лечь на спину, подложить руки под голову. Подняв ноги, выполнить стригущее движение («ножницы») в вертикальной и горизонтальной плоскостях. Проделать 5—10 раз.

6. Лечь на живот, подбородок на ладони. Сгибать и разгибать ноги в коленях вместе

и поочередно. Проделать 10—20 раз.

7. Лечь на живот. Руки прижать к бедрам. Поднять правую ногу как можно выше, опустить. Проделать это же движение левой ногой. Повторить 4—6 раз.

Еще один совет, особенно важный для тех, кому приходится подолгу стоять на ногах: приподнимитесь на носках на 1—2 см и стукните пятками об пол. Повторите упражнение 10—20 раз.

СПАСИБО, НАНА!

Недавно мы отметили столетие нашей бабушки Жангуаши. Я часто приезжаю домой, в селение Аушигер, чтобы увидеть ее, поговорить. Она слушает внимательно, и советы ее мудры—у наны (так по-кабардински зовем мы бабушку) вековой опыт жизни и молодой, горячий интерес ко всему.

Прошлой осенью мой брат женился, и на свадьбе, совсем как молодая, бабушка исполнила танец «кафу». Все гости были в восторге. А сколько кабардинских сказок, легенд, поговорок, пословиц она знает!

Имя Жангуаша в переводе означает «энергичная хозяйка», и оно ей очень подходит. В свое время бабушка была замечательной мастерицей, из-под ее проворных рук выходили отменные бурки, черкески, башлыки. А как вкусно готовит наша нана! Этому искусству научила она своих снох и внуков.

Семьдесят пять лет назад нану взял в жены мой дед, известный в селении кузнец и плотник Берд Бербеков. Большая, хорошая была у них семья, пятеро сыновей и две дочки росли.

В 1938 году всем селением провожали на службу в армию сына Бербековых Музакира. Он был младшим командиром, принимал участие в боевых действиях против белофиннов.

Дядя Музакир храбро сражался и в годы Великой Отечественной. Но он не вернулся с войны. На защиту Родины встали другие сыновья наны. В составе кавалерийской дивизии бился с врагами Амин. В одном из жарких сражений сложил он голову. Его брат Ашрим воевал на Северо-Кавказском, Южном, Сталинградском фронтах. Он тоже пал смертью храбрых. Беспощадно мстил фашистам за погибших братьев Каральби, принимал участие в освобождении Польши, бил гитлеровцев на территории фашистской Германии. Но и ему не суждено было жить долго: после войны умер от ран, полученных на фронте.

Нужно ли говорить, сколько пришлось пережить моей бабушке? Но она всегда была мужественной женщиной и умела справиться с горем. И всегда, даже в самые трудные годы сохраняла огонь в очаге нашего дома.

Дерево жизни щедро цветет и зеленеет, потому что есть у него такие корни, как наша бабушка Жангуаша.

Зубер БЕРБЕКОВ

Кабардино-Балкарская АССР.

МНОГО ДЕТЕЙ— МНОГО СЧАСТЬЯ

На первый взгляд моя жена обыкновенная женщина, но я бы не сказал, что такая, как все. С кем ни сравню—моя лучше. В свои молодые годы—а ей минуло только тридцать—она не побоялась трудностей и

решила посвятить свою жизнь детям. У нас их пятеро: три мальчика и две девочки. Недавно ей вручили в коллективе—жена продавцом работает—медаль «Материнская слава» II степени. Скажете, трудно воспитывать пятерых, да еще работать, да хозяйство вести? Конечно. Но знаете, я что думаю: если один ребенок в доме—счастье, то когда детей много, так и счастья много. Смотрю я на жену и удивляюсь: с рождением каждого ребенка у нее словно сил прибавляется. Терпеливая, быстрая, жизнерадостная, все у нее спорится, везде успевает: дети ухожены, хозяйство, огород в полном порядке.

Несмотря на то, что у нее столько забот и хлопот, любит читать, очень любит музыку и сама поет. Мне она верный спутник жизни. Только благодаря ей я окончил сельскохозяйственную академию в Киеве. Трудно было материально, дети маленькие, дом купили, который требовал ремонта, но она настояла, чтобы я не прерывал учебы.

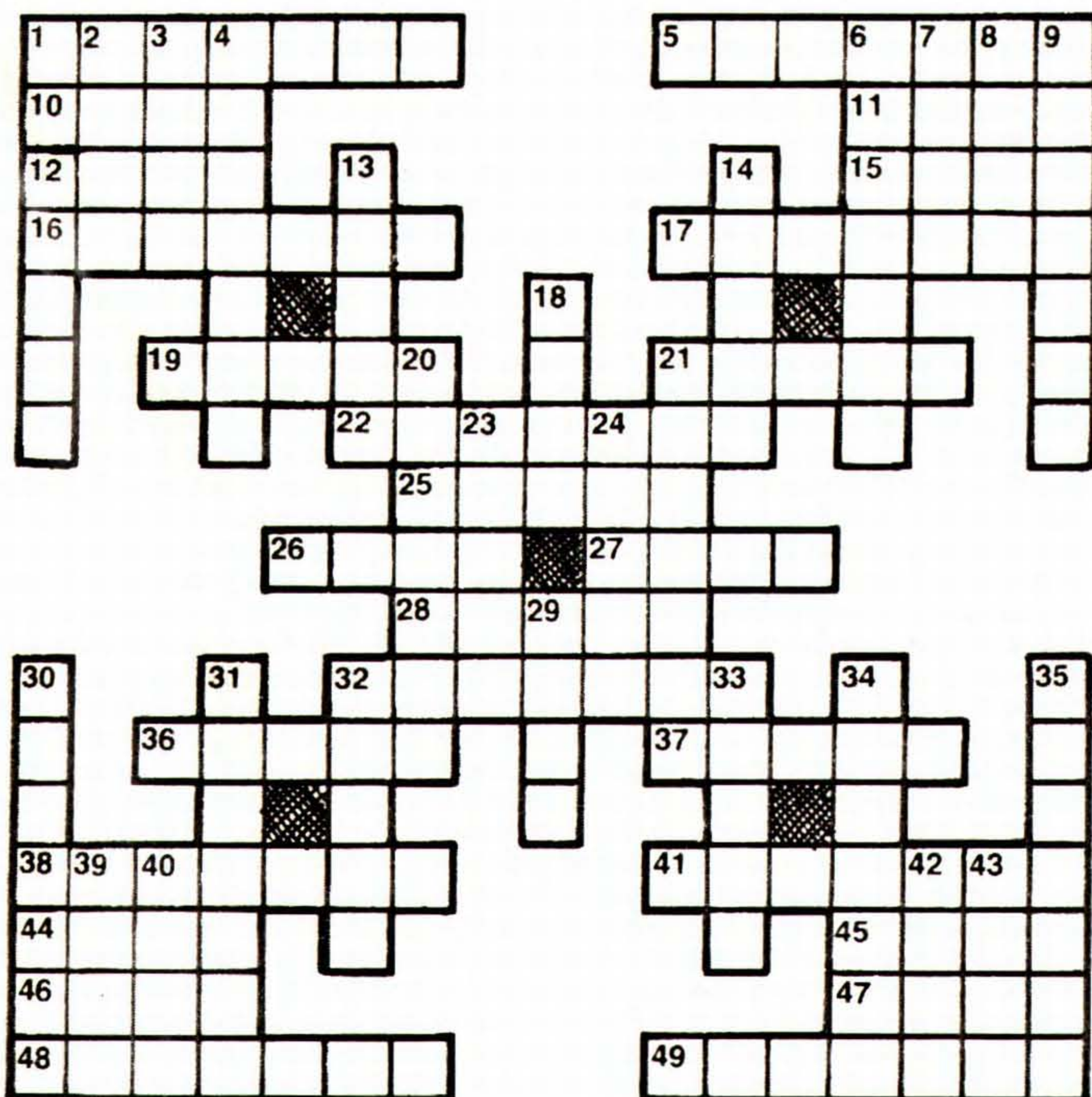
Я и дети стараемся во всем ей помогать. И хотя ребята наши еще маленькие (трое дошкольников), каждый имеет свои обязанности. Я горжусь своей женой и хочу, чтобы и другие женщины, пока молоды, не боялись трудностей, не боялись иметь много детей. В больших семьях обычно дети вырастают лучше, чем в малодетных. Они с детства учатся труду, коллективизму, заботе о другом, а это так важно в жизни.

Вот и все, что хотел сказать.

Виктор АВРАМОВ

с. Староказачье,
Одесская область.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ. 1. Небольшая северная птица. 5. Отношение длины линии на карте к настоящей длине на местности. 10. Один из инициаторов международных Пагуошских конференций. 11. Герой французского Сопротивления. 12. Вид осадков. 15. Сорт яблок. 16. Известный советский актер. 17. Популярный советский хоккейный вратарь. 19. Снежный барс. 21. Кондитерское изделие. 22. Просчет в приготовлении пищи. 25. Музыкальный лад. 26. Характер, привычки. 27. Шахматная фигура. 28. Духовой музыкальный инструмент. 32. Речь исполнителя роли, обращенная к зрителям или к себе. 36. Ограда. 37. Ядовитая змея. 38. Судно для рыбной ловли. 41. Одна из первоначальных форм коллективизации. 44. Декоративный цветок. 45. Газ. 46. Город в Мавритании. 47. Устаревшее название аукциона. 48. Залив на юге Италии. 49. Значок на форменной фуражке.

ПО ВЕРТИКАЛИ. 1. Красящее вещество в животной или растительной ткани. 2. Время суток. 3. Поместье, в котором Ж. Санд провела большую часть жизни. 4. Пушной зверь. 6. Лопатка для перемешивания красок. 7. Место, заслоненное от солнечных лучей. 8. Часть оперы. 9. Сорт сладкого печенья. 13. Советский космонавт. 14. Область обитания животного или растения. 18. Аквариумная рыбка. 20. Железнодорожное сигнальное устройство. 21. Слесарный инструмент. 23. Мебель. 24. Ловчая птица. 29. Выдающийся испанский художник. 30. Геометрическая фигура. 31. Сигнальный музыкальный инструмент. 32. Двухколесная транспортная машина. 33. Бобовая культура. 34. Вид награды. 35. Паукообразное ядовитое животное. 39. Военское подразделение. 40. Правый приток Дуная. 42. Орнамент. 43. Международное название Севера.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Кох. 4. Тик. 7. Адлер. 9. Петрик. 10. Савина. 13. Уланова. 15. Тосно. 16. Чайкина. 18. Саржа. 20. Лонге. 21. Осока. 23. Сузани. 24. Ротару. 25. Панова. 26. Алигер. 27. Бювар. 28. Локон. 30. Парча. 32. Артмане. 35. Берет. 37. Исакова. 39. Желтое. 40. Батист. 41. Ватин. 42. Ада. 43. Акр.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Барто. 2. Кукла. 3. Халат. 4. Трюмо. 5. Косач. 6. Ужвий. 8. Лавсан. 11. Курс. 12. Фата. 14. Нежданова. 17. Касаткина. 19. Акула. 22. Кортэ. 27. Брак. 29. Корбут. 31. Агат. 33. Автор. 34. Елена. 35. Буква. 36. Терна. 37. Инбер. 38. Артек.

Носить одежду «с чужого плеча»?
Главное не фасон, а стиль.
Есть платья, модные столетиями.
Фольклор, но не «фольклорщина».
Мода, нужная «по делу»!

Красота

МНЕНИЕ ХУДОЖНИКА-МОДЕЛЬЕРА

— Не знаю, как мне быть,— вздохнула моя молоденькая приятельница.— Так хочется одеться модно, но сейчас ведь носят все широкое. А рост у меня невысокий, да и фигура—в игольное ушко уж точно не пролезть. Как надену что-нибудь такое—ну хоть сейчас штангу в руки и выступай в тяжелом весе. Ни себе, ни другим не нравлюсь.

— Да вы просто плохо знаете современную моду! Стиль «хоккеист»—о его форме говорит само название—действительно не ваш. Но в моде такое множество стилевых направлений, что просто грех жаловаться. Нужно только найти свой вариант.

Как трудно поверить в коренную перестройку какого-либо явления, если она происходит на твоих глазах! А ведь мы—современники самой настоящей революции в моде. «Что случилось с модой?—спрашивает читательница С. из Орловской области.—Открываешь журналы—тысяча предложений: модно и то, и это, и пятое и десятое, а ясности нет. Что именно и как нужно шить, чтобы попасть в самое русло моды?»

Эта растерянность объяснима. Слишком долго—почти два века—мода шла своим привычным ходом: один-единственный образец—силуэт, прическа, обувь—каждое десятилетие сменялся новым. Старый исчезал бесследно, став в глазах современников уродливым и смешным.

Но в середине 70-х годов произошло небывалое: одновременно наслоились мини, миди, макси—и все казалось модным. Женщины забеспокоились: когда же все-таки установится что-то определенное? Модельеры старались как могли—«пробивали» какой-то один ведущий силуэт. Но без успеха. «Улица» стала неуправляемой. Молодежь не желала одеваться как взрослые и часто носила самое экстравагантное: совсем короткое или совсем длинное. Тридцатилетние с удовольствием после «мини» возвращались в свой возраст—в образ «тридцатилетней женщины». Сорокалетние же за время «короткой» моды научились держаться «своего бережка», стабильно облюбовав силуэты «трапецию» и прямой.

Так мода впервые распалась по возрастам, перестав быть с этого времени единой. Каждое ответвление пошло своим путем, все точнее отвечая потребностям своей возрастной группы.

Самое интересное произошло с джинсами. Они существовали давно, уже более века, как рабочая одежда, и вдруг увлечение ими вспыхнуло повальной горячкой. Оно ознаменовало начало нового мышления в моде. Стало ясно, что люди устали применяться к капризам моды и жаждут стабильности, что, не стремясь наряжаться, хотят быть одетыми в добротные вещи, которые удобны и гарантируют достойный вид. Так был сделан генеральный заказ на дальнейшее развитие моды.

Но этот поворот назревал давно... Ведь главным потребителем моды становятся массы, то есть люди труда.

Трудовой образ жизни упростил моду, исстари рождавшуюся в среде тех, кто владел избытком средств и досуга. Но психология праздного, неработающего человека искала прибежище в способе украшения костюма. Потому-то долго еще процветал «фасон», то есть набор украшающих элементов, позволяющий на основе одного силуэта добиться разнообразия. Но только очень

хорошим портным удавалось добиться тонкого соответствия силуэта и каждой детали, объединить их в художественное целое. В большинстве же случаев связь была случайной, механической, а потому и негармоничной. Заказчицы порой просматривали горы журналов—новых и многолетней давности—и выуживали разные, от разных моделей, никак между собой не связанные воротники, подрезы, застежки, отделку...

Силуэты были просты, но жестко ограничивали тип «модной» фигуры. И хоть корсеты были заброшены, «красота» по-прежнему требовала жертв: женщины то затягивали грудь, чтобы добиться облика девушки-подростка, то гнулись под тяжестью двойных подплечиков.

Но если когда-то привилегированный класс обрекал себя на всяческие неудобства в одежде, то делал это, чтобы выделить свое особое положение в обществе. А какая жизненная необходимость у современной женщины с полной рабочей неделей, для которой самое важное—сохранить хорошее настроение и как можно больше сил,—«вписываться» в очередные искусственные рамки «модного» силуэта, варианты которого неустанно поставлял «высокий пошив»?

Назревал вопрос: до каких же пор главная экономическая, социальная, духовная сила общества—люди труда—будут носить одежду «с чужого плеча»? Пребывать в неуверенности, не уценит ли со дня на день мода собранная с немалой затратой сил и средств гардероб?

К тому же мода работала в основном на одежду нарядную, выходную. А массам женщин для будней и работы, где важнее всего хорошо одеться, ибо тут основные контакты с людьми, оставались безликие платья-схемы, однотонные комплекты юбок с жилетами.

Смеялись над модой, над теми, кто ей нелепо следовал. Но выбирать не приходилось. Ведь в модном облике было хоть что-то новое, радующее глаз. Всякая другая одежда была не более чем лоскутным одеялом из мод устаревших. Таким образом, была мода, но было мало гармонии с типом внешности, возрастом, с обстановкой, а главное—с образом жизни, что превращало моду в бремя, сковывающее и разорительное.

Было ясно, что пора расставаться с историческим утилем—единой модой, «аристократической дурью», как называли ее в свое время просвещенные умы. Но где искать источники новых форм и новой психологии в искусстве одеваться? И тут модельеры открыли настоящую золотonosную жилу—народный костюм всех времен и народов.

Ведь народный костюм был проверен работой, не менялся столетиями—где уж ему устареть в один сезон! Он обладал точно найденными пропорциями, гармонией столь совершенной, что не мог когда-либо приестся, иначе не выдержал бы такой проверки временем.

Кроме того, каждый народ, по-разному добывая хлеб и защищаясь от непогоды, по-разному строил и свой костюм. А отсюда бесчисленные варианты кроя, решения ворота, пройм, застежки, карманов. И все это создавалось в художественном единстве с тканью и этническим типом красоты. Крой был отработан века-

НЕ ТРЕБУЕТ ЖЕРТВ

ми, формы костюма ощущались с абсолютной точностью: все лишнее, случайное отбрасывалось.

И если прежнюю ситуацию в моде можно наглядно представить как движение от вершины треугольника к основанию, то теперь оно резко изменило направление: от основания, реальной жизни — к олимпу художников, которые отныне будут лишь шлифовать драгоценную породу достижений народной культуры.

Для точности нужно подметить, что к фольклору обращались и раньше. Еще во времена Пушкина придворные дамы появлялись на торжественных балах в кокошниках и русских сарафанах. Но это еще не фольклор, а скорее «фольклорщина», неуважительное, потребительское отношение к народному костюму. Был все тот же «фасон»-украшательство: форма и ткань — из одной жизни, декор — из другой. Потому-то и дамы были скорее ряжеными, а шелковые блузки и платья покроя «принцесса» с каймой или вышитым цветком из русского орнамента никогда не пользовались особым спросом. Наши прабабушки, принимаясь за шитье, заботились прежде всего о крае, в котором удобно, и о ткани — прочной и в которой «легко дышать». А украшения всегда были функциональны: вышивка, например, маскировала швы и укрепляла края или служила зрительным эффектам: располагаясь у ворота и по плечам, как бы вытягивала фигуру, делая ее стройнее.

Сегодня стал привычным летний фольклор — легкие, свободные платья, заимствованные от народного костюма южных широт. Прочно обосновался и северный фольклор — мы сейчас не представляем, как можно обходиться без капюшона, зимних сапожек на сплошной подошве, теплых свитеров и длинных шарфов, свободных курток, а ведь все это вошло в костюм через одежду полярников, когда-то в точности скопировавших костюм жителей Севера. Таким образом, фольклор определил культуру сезонности одежды, помог найти самые удобные и красивые ее формы. Сегодня летние сабо — национальная обувь французского крестьянина — так же привычны во всех странах, как сапоги, идею которых подсказали русские сапожки.

Но одного фольклора оказалось мало. Слишком разнообразна жизнь современного человека. И тут сами собой напрашивались уже сложившиеся к этому времени специальные комплекты, одежда «людей дела» — охотников, рыбаков, альпинистов, пилотов, спортсменов, космонавтов, а также униформа и спецодежда различных профессий. Это костюмы, рожденные глубокой жизненной потребностью, а потому и удобные, и выразительные. Здесь, как и в народном костюме, красоту не занимали извне, из воображения. Она рождалась из логики службы самого костюма: необходимые карманы, «молнии», укрепляющая строчка, форма воротника — все это нужно было «по делу», а в результате возникали конструкции, имеющие самостоятельную эстетическую ценность.

Конечно, художники поработали над ними. Ведь в спецодежде не всегда предусматривалось непременно условие повседневного костюма — непринужденность и изящество. Однако во всех вариантах сохранено главное — образ. То есть, как бы ни меняли и ни упрощали исходный образец, за обликом одетого в этот костюм

человека читается образ отважного, закаленного, овеянного ветрами труженика. Тем-то и ценен образный костюм, что он делает нас «выше ростом», сообщает нашему облику часть романтики, что-то от мужества людей, действительно берущих вершины. Вещи, собираясь в образный костюм, теряют свое бытовое значение, рожают духовный заряд, украшающий уже не просто внешность, а человека в целом, его личность. Этот образ «человека дела» тут же завоевал сердца, заметно изменил и облик современной улицы. Выходит, опять подражание? Да, но сегодня самим себе, вернее, лучшим из нас.

Отныне нас интересует не бескрылый фасон-картинка, скопированный с чьего-то одеяния, а форма и стиль одежды, в которой бы мы чувствовали себя людьми такого склада, какой нам больше всего по душе.

Расширились брюки в шаг, раздвинулись плечи, прочно вошла в обиход спортивная обувь. Но не потому, что «это сейчас модно», а потому, что человеку, который много двигается, свобода и раскованность в одежде просто необходимы. Ну, а в стенах служебных помещений, где женщина нуждается в собранности и подтянутости? Здесь сама жизнь подсказала решение: ничего более удобного, практичного, чем строгий костюм, не придумано с тех пор, как началась деловая жизнь в конторах и кабинетах. И вот облегчающий, так называемый «английский» жакет с разными блузами, юбками уже 10 лет как неуклонно набирает в своей популярности. Или же вечерний, нарядный туалет. Тут уже совсем мало заботы о свободе движения. Здесь более уместно изящно держаться. Так что широкое платье, не украшающее вас, сшитое только в угоду бытующему мнению, что «сейчас носят все широкое», будет всего лишь упущенной возможностью проявить прелесть своего облика. К нашим услугам любая художественная интерпретация нарядной одежды прошлого — и тонкая талия, и узкий рукав.

Итак, исходным понятием моды становится образ. При всей своей неконкретности оно наиболее точно и защищено от ошибок. Например, многие, прослышав, что в моде «мини», просто сильно укорачивали платья. Но носить их не хотелось. Они «не смотрелись». Почему? Да потому, что мода, предлагая короткое, исходила из образа подростка, всеми средствами выражая обаяние его возраста. Длинные ноги и руки, утлое туловище — значит, и длина укороченная, и грудь не подчеркнута, и обувь без каблука.

Но образ не выражается одной моделью. На его основе возникает целая семья родственного ассортимента. И эта семья именуется стилем. Каждый сезон к трем хорошо известным фундаментальным направлениям — классическому, спортивному, женственному — добавляет новые, так называемые микростили: пилотский, военизированный, экзотический (костюм Востока и Южной Америки), античный... И каждому из них предстоит занять свою ячейку в индивидуальном гардеробе, найти хозяина по своему назначению, образу его жизни и характеру облика. Следовательно, мода ведет нас к тому, что каждый гардероб будет состоять из блоков, включающих одежду того или иного микростиля. Ведь для гармонически развитого человека как раз характерны разнообразные проявления его личности. Но неизменным остается стиль как основополагающий принцип современной моды с точно найденными закономерностями форм, за которыми стоит художественный опыт поколений. Стиль нынешней моды продиктован одеждой человека труда и, значит, призван прежде всего отвечать его запросам.

Е. ЕЛЕНИКОВА, художник-модельер.

Рис. автора.

Фото И. ЯКОВЛЕВА.

МИРДЗА ЗИВЕРЕ И ИМАНТ ВАНЗОВИЧ

Застать Иманта дома невозможно. Как, впрочем, и Мирдзу. «Сейчас,— объясняет ее мама,— они на концерте в колхозе «Узвара» Бауского района». «Они» — это Имант, Мирдза и ее муж, композитор Зигмар Лиепиньш. «Имант давний друг семьи — ведь у нас все любят музыку. Дочь окончила музыкальную школу. Потом — техникум легкой промышленности. Работала модельером-конструктором, но музыка, на радость Зигмару, победила».

НАДО ПОДУМАТЬ

Стихи В. КОСТРОВА
Музыка З. ЛИЕПИНЬША

— Я влюбился в первый раз
И так хочу увидеть вас,
Но где-нибудь в лесу, наедине.
— Комары и муравьи —
Большие недруги мои,
И мама с папой запрещают мне.
— Ах, не бойтесь муравья,
Если рядом с вами я.
Обещаю до утра защищать
От комара.
Я и в поле и в лесу
Вас согрею и спасу.

ПРИПЕВ:

Надо подумать...
— Ах, какая ночь была,
И в облаках луна плыва,
И нам с тобою пели соловьи!
— Ты мне друг, но не жених,—

Боюсь родителей своих,
Но слишком горячи слова твои.
— Чтоб вовек не забывать,
Разреши поцеловать.
— Только капельку, чуть-чуть! —
Вдруг увидит кто-нибудь.
— Завтра вновь хотелось мне
Прогуляться при луне.

ПРИПЕВ.

— Что с тобой случилось вдруг —
Ты не зовешь гулять на луг,
Не хочешь быть со мной наедине?
— Комары и муравьи —
Большие недруги мои,
И раньше спать ложиться надо мне.
— Ах, не бойся муравья,
Если рядом буду я!
Обещаю до утра
Защищать от комара.
Я и в поле, и в лесу
Отогрею и спасу!
ПРИПЕВ.

ЮМОР

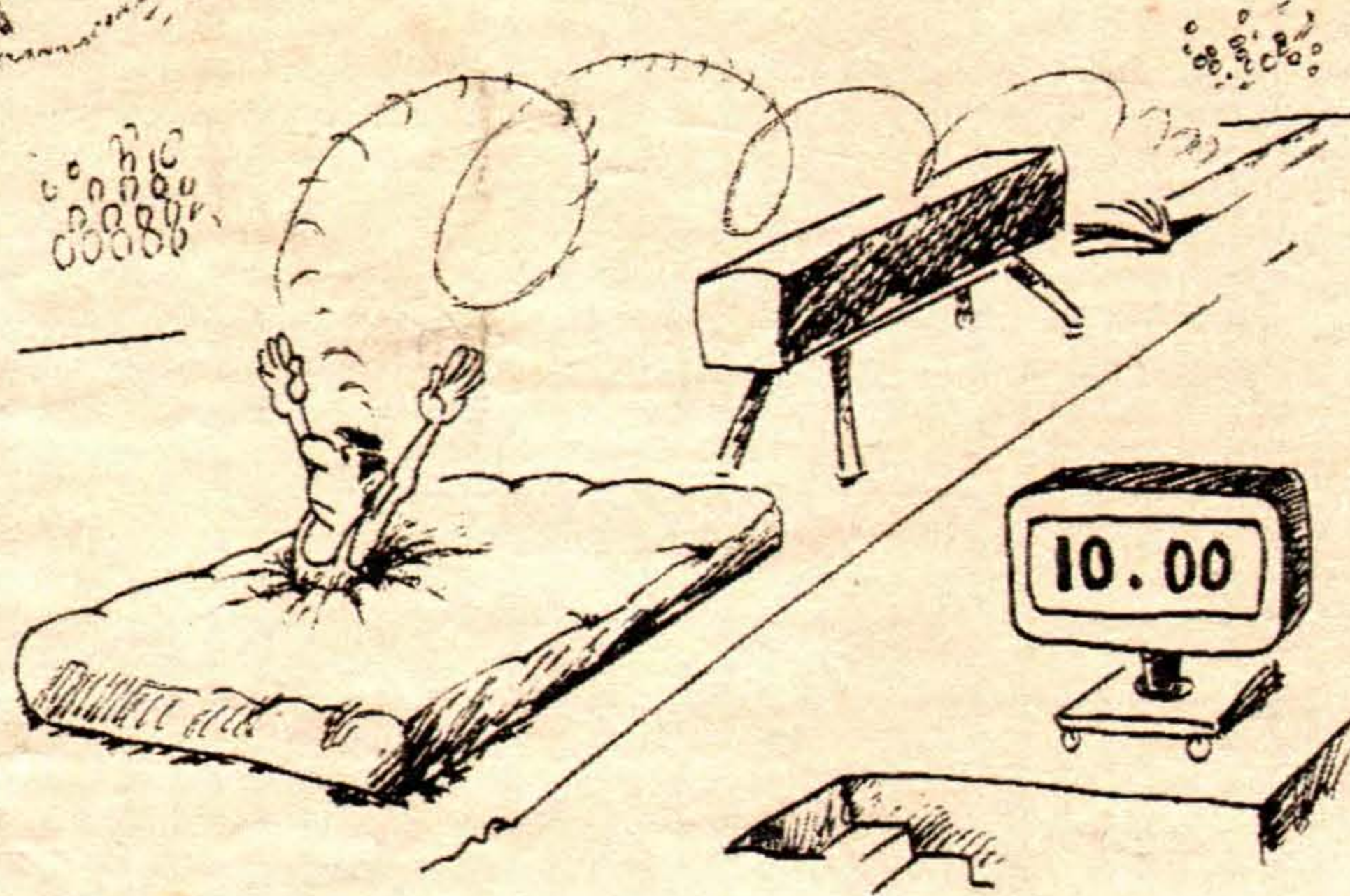
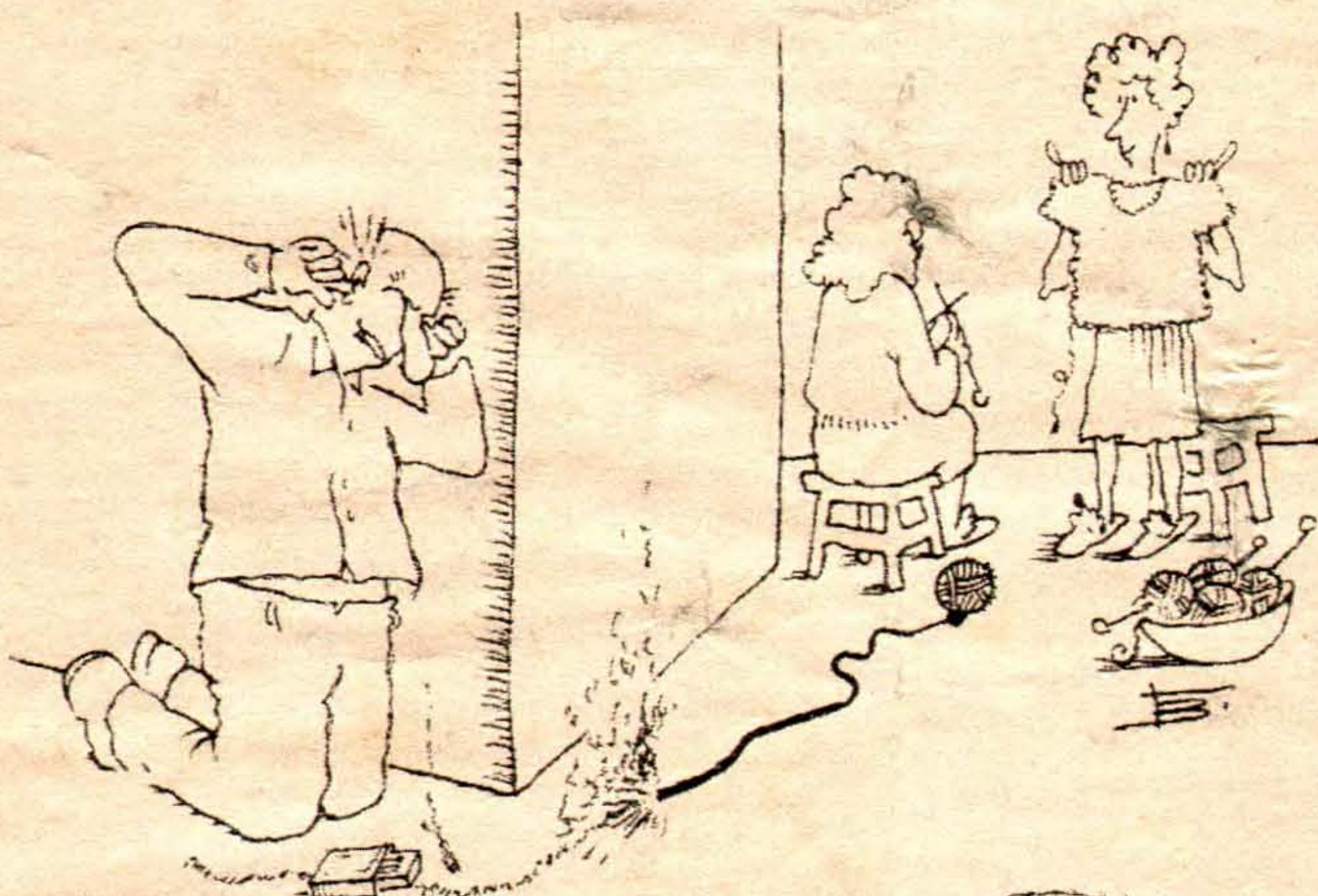
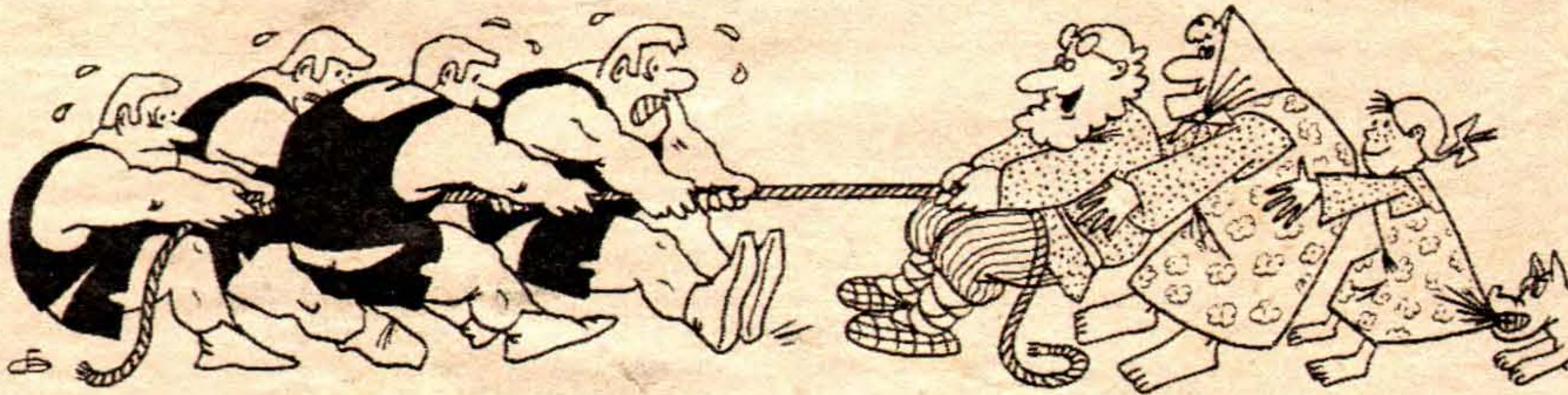
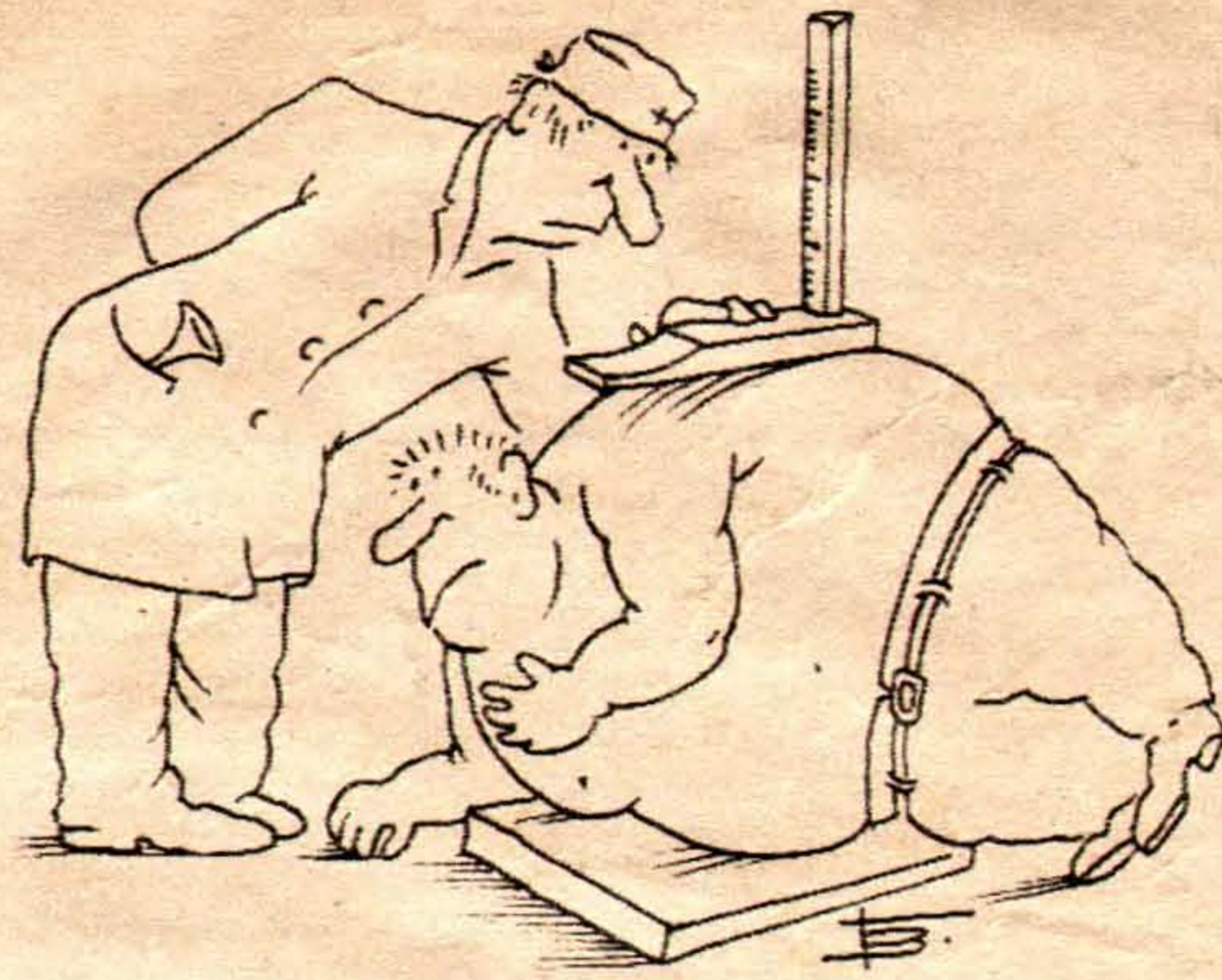
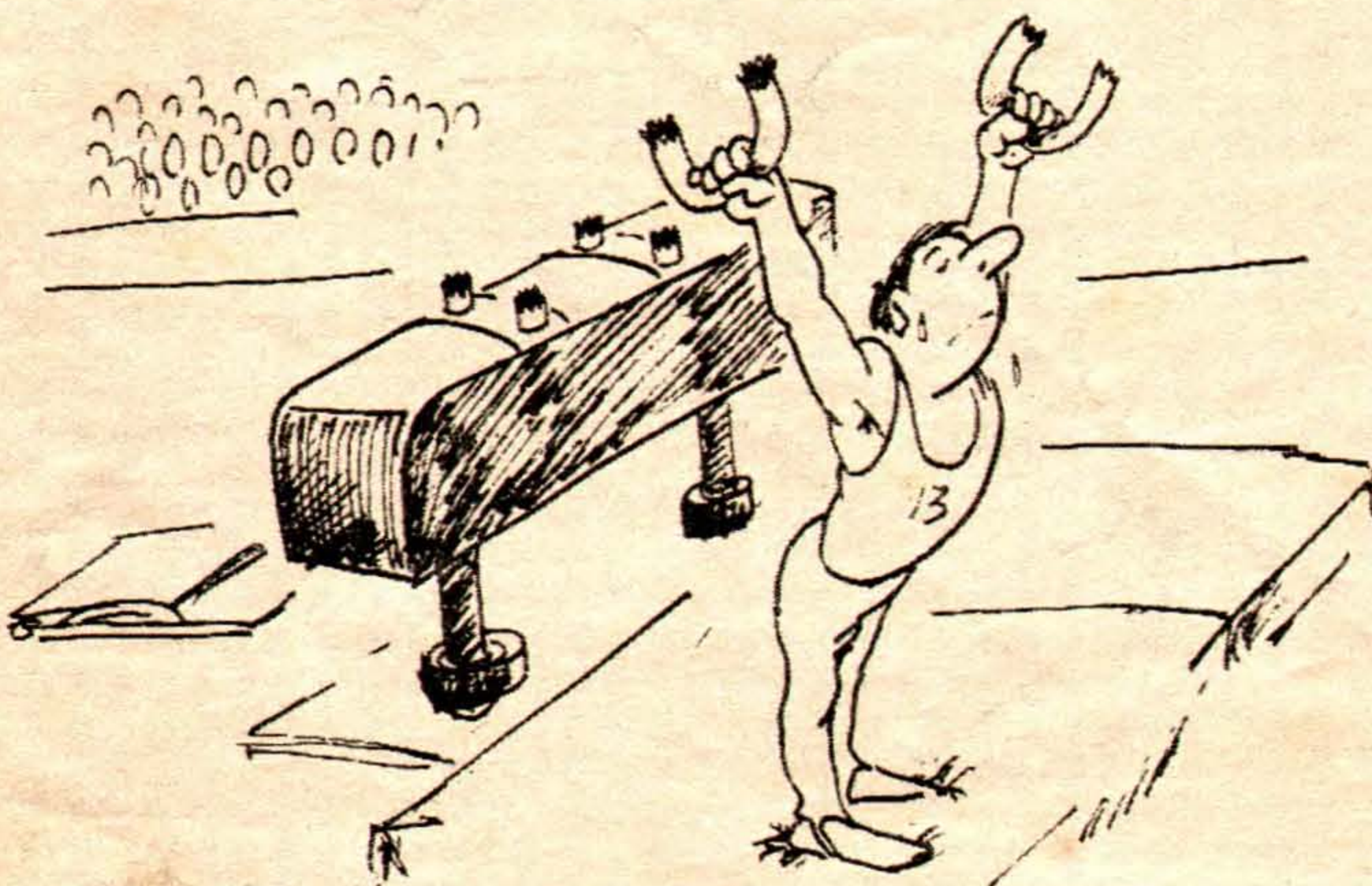

Рис. И. НОВИКОВА,
В. ГОРЮНОВА,
Б. ЗРЕНБУРГА.

КРЕСТЬЯНКА

№ 9 • 1985

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
ОСНОВАН В ИЮНЕ 1922 ГОДА

Главный редактор
Г. В. СЕМЕНОВА

Редакционная коллегия:

И. П. АЛЕКСАНДРОВ,

Т. А. БЛАЖНОВА,

Г. Е. БУРКАЦКАЯ,

Е. Г. ГРИГОРЬЕВ,

Р. Ф. КАЗАКОВА,

О. П. КОЛЧИНА,

А. В. КУПРИЯНОВА

(ответственный секретарь),

Э. Б. МАРКИН,

Л. Е. ПИШЕНИНА,

М. Б. РЫЖИКОВ,

Л. Ф. СЕРГИЕНКО

(заместитель главного редактора),

Л. В. ХАНБЕКОВ,

В. Я. ЧИСТЯКОВА,

Л. И. ШВЕЦОВА.

Главный художник
В. В. ФЕДОРОВ.
Художественный редактор
Е. Г. Новикова.
Над оформлением
номера работала
Т. А. Новрузова.

Присланные рукописи, фотогра-
фии и рисунки редакция не воз-
вращает.

Адрес редакции: 101460, Москва,
ГСП-4, Бумажный проезд, 14.
Телефоны для справок: 212-20-79,
212-12-39.

Сдано в набор 12.07.85. Подписано
к печати 02.08.85. А 04605. Формат
бумаги 60×90¹/₈. Глубокая печать.
Усл. п. л. 6,00. Уч.-изд. л. 8,56. Усл.
кр.-отт. 18,00. Тираж 14590 000 экз.
(1—12370841 экз.). Изд. № 2155.
Зак. № 1242.

Ордена Ленина и ордена Октяб-
рской Революции типография име-
ни В.И.Ленина издательства ЦК
КПСС «Правда». 125865, ГСП,
Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

**СВЕТ
ОТЕЧЕСТВА**

Ф. П. Толстой.
Букет цветов,
бабочка
и птичка. 1820.
Государственная
Третьяковская
галерея.

Два древних живописца поспорили, чье мастерство выше. Один нарисовал ветвь черешни так, что птицы приняли ее за настоящую. Второй показал картину, прикрытую занавесом. Соперник хотел отодвинуть занавес, но оказалось, что он был нарисован...

Искусный медальер, скульптор, гравер, живописец Федор Толстой, в 26 лет ставший почетным членом Академии художеств, тоже вступил в этот давний спор, и многие его современники признали художника победителем.

